

МОСКОВСКИЙ
ВѢСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЬ,

ф 2-61
6028

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Апрѣля 23 го дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ IX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ.

Берегъ моря.

Фаустъ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

Мефистофиль.

Что дѣлашь, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,
Егожь никто не пресшупаешь.
Вся шварь разумная скучаешь:
Иной ошь лѣни, шопъ ошь дѣль;
Кто вѣришь, кто ушрашилъ вѣру;
Тошь насладишься не успѣль,
Тошь насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваешь да живешь —
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

№ 9.

г *

Флаустъ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

Мефистофиль.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ Альбомѣ запиши:
Fastidium est quies — скука
Опдохновеніе души.
Я психологъ . . . о вошь наука! . . .
Скажи, когда ты не скучалъ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ швой возбуждали?
Тогдажь, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
Тогдажь, какъ погрузился ты
Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную Науки?
Но — помнишься — тогда со скуки,
Какъ Арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ наконецъ меня.
Я мѣлкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселишь тебя старался,
Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
И что же? все по пустякамъ. —

Желалъ шы славы — и добился,
 Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможну дань,
 А былъ ли счастливъ?

Ф а у с т ь.

Перестань,
 Не разсправляй мнѣ язвы шайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣшь —
 Я проклялъ знаній ложный свѣшь,
 А слава . . . лучъ ея случайной
 Неумовимъ. Мiрская чешъ
 Безсмысленна, какъ сонъ. . . Но есть
 Прямое благо: сочешанье
 Двухъ душъ. . .

М в ф и с т о ф и л ь.

И первое свиданье,
 Не правдаль? Но не лъзаль узнатьъ,
 Кого изволишь поминашь,
 Не Грешхень ли?

Ф а у с т ь.

О сонъ чудесной!

О пламя чистое любви!
 Тамъ, тамъ — гдѣ шнь, гдѣ шумъ древесной,
 Гдѣ сладко-звонкія струи —
 Тамъ на груди ея прелестной
 Покоя томную главу,
 Я счастливъ былъ. . . .

Мефистофиль.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, на яву!
 Услужливымъ воспоминаньемъ
 Себя обманываешь ты.
 Не яль тебѣ своимъ шараньемъ
 Доспавилъ чудо красоты?
 И въ часъ полуночи глубокой
 Съ шобою свель ее? тогда
 Плодами своего шруда
 Я забавлялся одинокой,
 Какъ вы вдвоемъ — все помню я.
 Когда красавица швоя
 Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
 Ты безпокойною душой
 Ужь погружался въ размышленье
 (А доказали мы съ шобой,
 Чшо размышленье — скуки сѣмя).
 И знаешь ли, философъ мой,
 Чшб думаль ты въ шакое время,
 Когда не думаешь никшо?
 Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну что?

Мефистофиль.

Ты думаль: Агнецъ мой послушной!
 Какъ жадно я тебя желаль!
 Какъ хитро въ дѣвѣ прешодушной
 Я грезм сердца возмущаль! —

Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предамась она. . .
 Чшожь грудь моя шеперь полна
 Тоской и скукой ненавистной? . . .
 На жертву прихоши моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ неодолимымъ ошвращеньемъ: —
 Такъ безрасчешный дуралей,
 Вопще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранишь ободранное шѣло; —
 Такъ на продажную красу,
 Насышась ею шоропливо,
 Разврашъ косишся боязливо. : :
 Потомъ изъ эшого всего
 Одно шы вывелъ заключенье. : :

Ф а у с т ь.

Сокройся, адское шворенье!
 Бѣги ошъ взора моего!

М е ф и с т о ф и л ь.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, ошъ себя
 Не смѣю ошлучаться я, —
 Я даромъ времени не шрачу:

Ф а у с т ь.

Чшѣ шамъ бѣлѣешь? говорк.

М е ф и с т о ф и л ь.

Корабль Испанскій, шрехмачшовый;
 Прястать въ Голландію гошовый:

На немъ мерзавцевъ сошни шри,
 Двѣ обезьяны, бочки злапа,
 Да грузь богатый шоколапа. . . .

Ф а у о т ь.

Все ушопишь.

М е ф и с т о ф и л ь.

Сей часъ. (*исчезаетъ*).

А. Пушкинь.

Т о с к а.

Подражаніе младшему Расину ().*

Зарей пернашы пробужденны
 Поюшь ушѣхи и любовь;
 А я, шоскою омраченный,
 Ко стонамъ воздвигаюсь вновь.
 Свѣшило дня, покинувъ волны,
 Весь міръ веселья видя полный,
 Во мнѣ зришь горестей сборъ;
 И день, что шварь всю просвѣщаетъ,
 Весь блескъ природѣ возвращаешь,
 Сквозь слезы въ мой доходишь взоръ.

(*) Contre mes vapeurs.

О смерть! прерви мое спраданье,
 Сверши послѣдній свой ударъ!
 Иль вновь швое негодованье
 Меня лишишь конечныхъ каръ?
 Чшо сдѣлалъ я, чшо въ видѣ жершвы
 Всечасно мру, и все не мершвы
 Твою зрю косу надъ головой?
 Блаженъ, кто въ мигъ сравнился съ прахомъ,
 Упалъ — и необьяшъ былъ спрахомъ,
 Грозы не видя надъ собой.

Но чшо за мракъ меня обходишь?
 Иль небеса проникъ мой гласъ?
 Завѣсу ночь на взоръ наводишь,
 И мой приспѣлъ послѣдній часъ!
 Дрожаешь колѣна, я слабью,
 Лишаюсь чувствъ, паду, мершью. . .
 Скорѣй рви, Парка, шонку нишь;
 Дай мукъ кончину вождельнну.
 Но прядь, едва не ошдѣленну,
 Жестока! вновь спѣшишь привишь.

О ты, прешупникъ знаменишый,
 Кого зощасшный рокъ посшигъ,
 Чье сердце яспребъ вѣкъ несышый
 Ключешъ помалу всякій мигъ;
 Но все, чшо хищный ни сѣдаешъ,
 Мигъ каждый вновь шо восполняешъ,
 И месши вѣчный длился пиръ!
 Твои спраданья баснословны

Еще моимъ, еще не ровны!
 Меня шерзаетъ цѣлый мѣръ.

И ты въ пустыни непроходной
 Оставленъ злобой, Филокшеть,
 Въ напасти пагубной, злородной,
 Не весь прошивнымъ видѣль свѣшь;
 Въ стѣнахъ вершени спрашныхъ, хладныхъ,
 Въ скорбяхъ оспраду безопрадныхъ
 Съ слезами лиль Неопшолемъ,
 И ты не чуждъ былъ соспрананью:
 А моему друзья рыданью
 Смѣюся предъ моимъ лицемъ.

И буйствомъ нарицашь дерзаюшь
 Во мнѣ опчаянья вину,
 Когда послѣднихъ силъ лишаютъ
 Мой духъ мершвѣющій въ плѣну!
 Иль всѣхъ сердца жалѣнью шѣсны?
 О родъ расплѣнный! вѣкъ желѣзный!
 О варваршва злоплодный вѣкъ!
 Испейте слезъ моихъ пошоки,
 Иль чтите скорбь мою, жестоки!
 Священъ въ напасти человекъ;

Но что? какое дерзко рвенде
 Меня спремипся развлекашь?
 Мнѣ въ скорбь и скорби умаленде;
 Лишь помощь въ ней могу искашь.

Грусти со мной, меня кто любишь!
 Пусть скорбью скорбь мою сугубишь
 И вздохомъ вздохъ во мнѣ родишь.
 Душа моя, спраданій жершва,
 Безъ горести была бы мершва,
 Въ слезахъ лишь радость жизни зришь.

Когда на міръ виноенный гнѣвно
 Послало Небо сонмы золь,
 И въ мигъ ихъ скопище плачевно
 Сужденный наводнило доль,
 Еще надежда не исчезла,
 И лоно смерть для насъ опверзла,
 Ближайшее чрезъ кучи бѣдъ:
 Но зло, что днесъ меня обходишь,
 Люшѣйши бѣдства превосходишь,
 И — скорбныхъ не кончаешь льшь.

Мужашься доблестью средь бѣдства
 И безъ надежды зло шерпѣшь,
 Инаго въ сей юдоли средства
 Не можешь мудрость усмошрѣшь.
 Онъ мраковъ дѣйствіемъ глубокихъ
 Не рѣдко и въ умахъ высокихъ
 Темнишь сіяніе лучей;
 Творецъ мученія мнѣ злаго,
 Вина опчаянья больного
 И посрамленье всѣхъ врачей.

И еслибъ , въ мзду за все мученье ,
 Хотя опъ Музъ я былъ опмщенъ ;
 Когдабъ сей гласъ былъ ихъ внушенье ,
 Ещебъ мой рокъ былъ шѣмъ смягченъ :
 Но о вѣнецъ всѣхъ бѣдъ ужасный !
 Едва ихъ узришь ликъ согласный
 Печальный издали мой видъ ,
 Какъ весь соборъ вопишь ихъ гнѣвный ;
 Скорѣ прочь , пѣвецъ плачевный !
 На что намъ новый Гераклишь ?

Спббургъ.

8 Марша 1828 года.

К. П. Ш. Ш.

П Р О З А.

Конрадъ Валленродъ.

(Продолженіе.)

Повѣсть Вайделота.

Отколѣ возвращающіеся Липовцы?— Они возвращающіеся съ ночнаго набѣга, везущъ добычу богалую, собранную въ церквахъ и замкахъ; шолпы Нѣмецкихъ плѣнниковъ, съ связанными руками, съ пешлями на шеѣ, бѣгутъ за конями побѣдишелей: шо оглянушся на Пруссію— и зальюшся слезами; шо поглядяшъ на Ковно — и вручаютъ себя Богу. Среди города Ковно проспираешся долина Перуна; тамъ обыкли Липовскіе князья, возвращаясь съ побѣды, сожигашъ на кострѣ жершвенномъ Нѣмецкихъ рыцарей. Два плѣнныхъ рыцаря безъ страха ѣдутъ въ Ковно: одинъ молодъ и прекрасенъ; другой согбенъ лѣшами. Они сами, во время биввы, покинувъ войска Нѣмецкія; ушли къ Липовцамъ; Князь Кейспушъ ихъ принялъ, но присавиль къ нимъ спражу и повель съ собою въ замокъ. Тамъ онъ спросиль ихъ: изъ какой спраны они прибыли и съ какими намѣреніями? — „Не знаю, сказалъ юноша; ни рода своего, ни имени; еще ребенкомъ Нѣмцы взяли меня въ плѣнь. Помню только, что гдѣло въ Липвѣ, среди града великаго;

сшояль домъ моихъ родителей: пошъ городъ былъ выспроенъ изъ дерева, на высокихъ холмахъ, а домъ мой изъ краснаго кирпича. На равнинахъ вкругъ холмовъ шумѣла еловая роща, а вдали посреди лѣсовъ блисало бѣлое озеро. Однажды ночью крикъ пробудилъ насъ опъ сна, огненный день пылалъ въ окнахъ, допались стекла, клубы дыму вились по палатамъ, мы выбѣжали въ вороша, пламя вѣло по улицамъ, искры сыпались градомъ, крикъ ужасный: къ оружію! Нѣмцы въ городѣ, къ оружію! Опець мой вышелъ съ мечемъ, пошелъ и не возвращался болѣе. Нѣмцы ворвались въ домъ, одинъ изъ нихъ бросился за мною, наспигъ и схватилъ меня на коня; не знаю что сбылось пошомъ, полько долго, долго я слышала вопль моей матери. Сквозь спукъ оружія, сквозь громъ падавшихъ домовъ, пошъ вопль долго меня преслѣдовалъ и оспался въ моемъ слухѣ. Теперь еще, когда вижу пожаръ и внимаю крикамъ, пошъ вопль пробуждается въ душѣ, какъ опголосокъ грома въ пещерѣ: вопль все, что я вывезъ изъ Липвы, изъ дома родителей. Иногда въ мечтаніяхъ сна я вижу почтенный ликъ матери и опца и брапъсвъ; но чѣмъ живу далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе какой-то таинственный мракъ гуспѣель надъ очами и засло-

нлеть черпы ихъ. Миновали лѣша ребяческаго, я жилъ среди Нѣмцевъ какъ Нѣмецъ, носилъ имя Вальтера (12), прозваніе Альфа; имя мое было Нѣмецкое, душа осталась Литовская, осталась въ ней шоска по родинѣ, ненависть къ чужеземцамъ. Я воспитанъ въ черпогѣ Винриха, Магистра крестоносцевъ; онъ самъ крестилъ меня, любилъ и ласкалъ какъ сына. Но спосковалось мнѣ въ палатахъ, я уходилъ съ колѣнъ Винриха къ спарому Вайделошу. Тогда жилъ въ неволѣ у Нѣмцевъ Липовскій Вайделошъ и служилъ полмачемъ при войскѣ; узнавши обо мнѣ, что я сирота и Липвинъ, онъ часно приглашалъ меня къ себѣ, рассказывалъ про Липву, оживлялъ шоскую душу ласками и звукомъ родимой рѣчи и пѣснію. Онъ часно водилъ меня къ берегамъ голубаго Нѣмена: опшолъ любилъ я смопрѣшь на милыя горы опчизны. Когдажъ возвращались мы въ замокъ, старецъ опиралъ слезы, боясь возбудишь подозрѣнія; и мнѣ опиралъ онъ слезы, но возжигалъ мщеніе прошиву Нѣмцевъ. Помню, какъ, возвратившись въ замокъ, я украдкой почилъ ножъ; съ какимъ наслажденіемъ мщенія я рѣзалъ ковры Винриха или разбивалъ зеркала, или бросалъ пыль и плевалъ на блестящій щитъ его. Часно, надѣвъ юношескіе лапы, въ пристани Клейше-

ды я садился съ старцемъ на лодку и посѣщаль берега Липовскіе: Тамъ рвалъ я цвѣшны опчизны; и волшебное ихъ благовоніе вливало въ душу какое-то давнее и темное воспоминаніе: Упоенный шѣмъ запахомъ; казалось, я снова возвращался къ моему дѣшесіву и въ саду родишелей игралъ съ малыши брашьями: Старецъ помогаль пѣмяши; онъ словами, кошорыя были прекраснѣе и правѣ и цвѣшновѣ; живописаль счастливое минувшее и говорилъ; какъ сладко провѣспи дни юноспи на родинѣ; въ кругу друзей и кровныхъ; ахъ! сколько Липовскихъ дѣшеш не знають эшаго счассія; проливай слезы въ оковахъ у Ордена. То слышалъ я на равнинахъ; но на берегахъ Полонги; гдѣ гремящею грудью разбиваешся бѣлое море и изъ пѣнисшаго горла извергаешъ пошоки песку; шакъ говариваль мнѣ старецъ: „Видишь прибережные ковры луга: ихъ уже покрыль песокъ; видишь шѣ благовонныя шправы: онѣ еще селятса пробить главами покровѣ смершельный. Ахъ! напрасно: новая песчаная гидра набѣжипъ на нихъ; растянешъ бѣлыя лапы; покорипъ живые берега и распроспрешъ вокругъ царствво дикой пущыни: Сынъ мой; плоды весенніе; заживо брошенныя въ гробъ — шо народы покоренныя; шо

наши братья Липовцы; сынъ мой! пески изъ моря, несомые бурей — по Орденъ. Слушая его, сердце спрадало; я хопѣлъ или убивашь креспоносцевъ, или бѣжашь въ Липву; спарець укрощалъ мой пылъ. Онъ говорилъ: „Вольнымъ рыцарямъ воля избирать оружіе, и на опкрышомъ полѣ бороться равными силами; оставайся еще, перейми воинское искусство у Нѣмцевъ, старайся снискашь ихъ довѣріе, а тамъ увидишь чпбъ дѣлать.“ Я покорспвовалъ спарцу, я пошелъ съ войскомъ Тевтоновъ; но въ первой бѣшвѣ, лишь полько завидѣлъ знамена опчизны, лишь полько услышалъ военныя пѣсни моего народа, какъ бросился къ нашимъ и умчалъ съ собою спарца. Таковъ соколъ, похищенный изъ гнѣзда и вскормленный въ клѣшкѣ: охощники, жестокими муками убивъ въ немъ разумъ, пускающъ его на бой съ своими братьями соколами; но лишь полько взвился онъ въ шучи, объялъ очами неизмѣримыя спраны своей лазурной опчизны, подышалъ свободнымъ воздухомъ, услышалъ шелестъ своихъ крыльевъ . . . иди домой, охощникъ, не жди съ клѣшкою сокола.“

Умолкъ юноша; жадно внималъ ему Кейспушъ, внимала дочь Кейспуша, Альдона, младая и какъ божество пре-

красная. Приходишь осень, плянувшись долгие
 вечера осенние; дочь Кейштута, по обы-
 чаю, въ кругу сестеръ и подружекъ, са-
 дилась за пяльцы или за пряслицу; но свер-
 каешь ли игла, вершилась въ рукахъ ихъ
 рѣзвья верешена, Вальперъ спойшь
 при ней и рассказываетъ чудеса о кра-
 яхъ Нѣмецкихъ и о своей юности. Все,
 что говоритъ Вальперъ, дѣва ловишь
 слухомъ, глотаешь жадною мыслію, —
 и все знаешь на память, и не разъ
 повспорила во снѣ. Вальперъ рассказывалъ,
 какъ велики замки и города за Нѣме-
 номъ, что за богатая одежда, что
 за веселья великолѣпныя, какъ на тур-
 нирахъ храбрые рыцари сокрушаютъ
 копья, а дѣвы, смотря съ балконовъ,
 награждаютъ ихъ вѣнцами. Вальперъ по-
 вѣдалъ о Богѣ великомъ, что царст-
 вуетъ за Нѣменомъ, о Пречистой Ма-
 тери Сына Божія: Ея ангельскій ликъ
 показалъ онъ ей въ чудномъ образѣ;
 шось образъ съ благоговѣніемъ носилъ
 онъ на груди и подарилъ его Липвинкѣ,
 когда обращалъ ее къ вѣрѣ, когда мо-
 лился съ нею; онъ хощель научить ее
 всему, что самъ зналъ, но научилъ и
 тому, чего и самъ дошолъ не вѣдалъ:
 онъ научилъ ее любить и самъ узналъ
 многое; съ какимъ радостнымъ во-
 споргомъ онъ слушалъ изъ устъ ея Ли-
 шовскія, уже забышыя имъ слова. Съ

каждымъ воскресшимъ словомъ пробуждалось новое чувство, какъ искра изъ пепла; но были сладкія имена родства, дружбы, сладкой дружбы, и еще слаще всѣхъ слово, слово любви, кошорому нѣтъ равнаго на землѣ, кромѣ слова — опчизна.

„Опъ чего такъ вдругъ измѣнилась дочь моя? — думалъ Кейсшупъ, — гдѣ ея прежняя веселость? гдѣ дѣвскія забавы? Въ праздникъ всѣ дѣвицы выходятъ на пляску; она сидитъ одна, или бесѣдуетъ съ Вальшеромъ. Въ будни дѣвицы шрудятся за иглою или за пальцами; у ней же игла выпадаетъ изъ рукъ, въ шитьѣ пушаются нитки: сама не видитъ что дѣлаетъ, всѣ мнѣ говорятъ о томъ. Вчера я замѣпилъ: цвѣшокъ у розы вышила она зеленымъ шелкомъ, а листочки краснымъ. Но гдѣжь ей видѣшь, когда и очи ея и мысли ищутъ однихъ очей Вальшера да его бесѣды? Когда ни спрошу: куда пошла? — въ долину; опкуда идешь? — изъ долины; да чтоже въ той долинѣ? — юноша насадилъ ей садъ. Но развѣ томъ садъ прекраснѣе моихъ садовъ дворцовыхъ? (а у Кейсшупа были сады пышные, полные и яблокъ и грушъ, — приманки дѣвамъ Ковѣнскимъ). Да не садъ манишь ее; зимою я видѣлъ ея окна; цѣлыя стекла, обращенныя къ Нѣмену, такъ чисты, какъ будто ве-

сною ; на хрусталь и льдинки ; вѣрно, когда Вальшеръ подходилъ къ ней опшуда , она сидѣла у окна , и опъ ея жаркихъ вздоховъ распаялъ ледъ на шеклахъ. Услышавъ , чтоо всѣ князья начали учить дѣшей своихъ , и я думаль , что онъ научитъ ее чипать и писать. — Малой удалой , храбрый , в грамахъ смышленъ какъ инокъ : какъ же опказашъ ему опъ дому ? Для Липвы онъ такъ нуженъ : кто противъ него и войско выспроитъ и окопъ насыпешъ и съ огненнымъ оружиемъ справился ? да онъ одинъ у меня спобитъ войска. Подижь сюда Вальшеръ , будь моимъ зятемъ и бейся за Липву.“

Вальшеръ обвинчанъ съ Альдоной. — Нѣмцы ! вы вѣрно думаете , что здѣсь конецъ моей повѣспи ; въ вашихъ любовныхъ романсахъ свадьбой рыцаря всегда кончается пѣснь трубадура : развѣ еще прибавитъ онъ , что жили долго да были счастливы. Вальшеръ любилъ жену свою ; но имѣлъ душу благородную : могъ ли найши онъ счастье дома , когда не было его въ опчизнѣ ?

Распаяли снѣга — и запѣлъ первый жаворонокъ : другимъ спранамъ его пѣснь съ каждымъ годомъ общаетъ любовь и радость , а бѣдной Липвѣ пожары да убійства. Уже полки крешовые собираются безчисленными толпами , уже опъ горѣ

занѣменскихъ эхо доносишь до Ковно крики несмѣннаго войска, шумъ оружія, ржаніе коней. Какъ шуманъ спелелся ихъ лагерь, облетгшій широкую равнину; здѣсь и шамъ блиспающъ знамена передовой спражи, какъ молніи передъ бурю. Нѣмцы явились на берегу, раскинули мосшы чрезъ Нѣмень и кругомъ осадили Ковно. Всякой день спѣны и башни сокрушаются шаранами; всякую ночь гибельныя подкопы подрывающъ въ землю какъ кропы; бомбы огненнымъ полешомъ взлепающъ къ небесамъ, и сверху, какъ соколъ на пищъ, ударяющъ на кровли. Ковно пало въ развалины, Липва уходилъ въ Кейданы; въ развалины пали Кейданы, Липва защищаешъ въ горахъ и лѣсахъ; Нѣмцы съ огнемъ и мечемъ спремяшъ далѣе.

Кейсшущъ и Вальшеръ первые сражающъ, послѣдніе опспупающъ. Кейсшущъ всегда спокойенъ: онъ изъ дѣтства привыкъ драшъся съ врагами, нападашъ, побѣждашъ, уходилъ. Онъ зналъ, что предки его всегда сражались съ Нѣмцами; по примѣру ихъ, онъ сражался и незабошилъ о грядущемъ. Не такъ думалъ Вальшеръ, воспитанный среди Нѣмцевъ: онъ зналъ силу Ордена, онъ вѣдалъ, что воззваніе Магистра могло со всей Европы собрать сокровища, оружіе и войско. Пруссія нѣкогда защищалась, но въ свою чреду покорена Тев-

тонами: Лишва, рано или поздно, подвергнется той же участи. Онъ зрѣлъ бѣдствія Прусаковъ и пренешалъ за Лишву. „Сынъ мой, воскликнулъ Кейшущъ, ты — зловѣщій пророкъ: ты сорвалъ завѣсу съ очей и открылъ пропасть. Когда я внималъ тебѣ, мнѣ казалось, что ослабли руки и съ надеждой побѣды ушла изъ груди отвага. Чпоже предпримемъ съ Нѣмцами?“ — Опець мой, опвѣчалъ Вальшеръ, увы! я знаю способъ единый, спрашный, вѣрный. Нѣкогда, можешь бышь, открою его. — Такъ говорили они послѣ боя, пока труба не призоваде ихъ къ новымъ битвамъ и бѣдствіямъ.

Чась опъ часу Кейшущъ спановились печальнѣе; и какъ измѣнился Вальшеръ! Хопя и прежде онъ не бывалъ излишне весель, и даже въ счастливыя минушы легкій шуманъ задумчивоспи покрывалъ лице его, но въ обѣщіяхъ Амьдоны чело его прежде бывало свѣшло и лицо спокойно; онъ вспрѣчалъ ее всегда съ улыбкою, а прощался съ нею нѣжнымъ вздохомъ. Теперь же, казалось, какая-то тайная грусь его мучила; цѣлое ушро передъ домомъ, съ сложенными руками, онъ смопритъ на дымъ пылающихъ вдали городовъ и сель, и смопритъ дикими очами; ночью вска-

живаешь отъ сна и въ окно глядишь на кровавое зарево пожаровъ.

„Милый супругъ, что съ побожь?“ со слезами вопрошаетъ Альдона. — Что со мною? буду ли спать спокойно и ждешь, что нападешь Нѣмцы, и связавши соннаго, опдадутъ въ руки палачей? — „Сохрани Боже, другъ мой! а спража у окоповъ?“ — Правда, ямаъ ешь спража, я и самъ бодрствую и сабля со мною; но если погибнешь спража, если сабля припунишся. . . . Послушай, если я доживу до старости, до несчастной старости. . . — „Богъ дастъ намъ опраду въ дѣшяхъ!“ . . — А Нѣмцы вдругъ впоргнушся, убьютъ жену, похищаютъ дѣшей, увезутъ далеко и научашъ ихъ пускашъ спрѣлы въ опца роднаго. Я самъ бы, можешъ бышъ, посягнулъ на жизнь опца или брашьевъ, еслибъ не Вайделопъ. — „Милый Вальшеръ, уѣдемъ же далѣе въ Липву, скроемся въ лѣсахъ и горахъ отъ Нѣмцевъ.“ — Какъ! намъ уфхашъ и покинуть другихъ машерей съ дѣшми ихъ? Такъ уходили Прусаки, но Нѣмецъ насигъ ихъ въ Липвѣ: что если и въ горахъ они найдутъ насъ? — „Еще уѣдемъ далѣе.“ — Далѣе? далѣе, несчастная, за Липву, къ Ташарамъ или къ Русскимъ. — На сей вопросъ смущенная Альдона молчала: ей каза-

лось дополь, что родимый край ея также дологъ и широкъ, какъ свѣтъ Божій; въ первый разъ слышншь она, что въ цѣлой Липвѣ нѣтъ убѣжища, и всплеснувши руками, спрашиваетъ Вальтера: „шакъ чтоже дѣлать?“—Единое средство, Альдона, оспалось Липовцамъ сокрушити силу Ордена: я его знаю. Но не спрашивай, ради Бога! Спокраши прокляти толи часъ, когда враги меня принудятъ испытать его. — Онъ не хотѣлъ говорить болѣе, не внималъ моленій Альдоны, одно несчастіе Липвы и слышалъ и видѣлъ передъ собою. Наконецъ пламень мщенія, пишаемый въ молчаніи зрѣлищемъ бѣдсвѣй и терпѣнія, возгорѣлся и охватилъ сердце; онъ выжегъ всѣ чувства, и даже то, которое было единою усладою его жизни досель, — даже чувство любви. Такъ тайный огонь, разведенный охотниками у дуба бѣловѣжскаго, глубоко выжигаетъ его сердцевину, — и скоро царь лѣсовъ теряетъ свои легкіе листья, въперъ разноситъ въшви, и даже послѣдняя зелень, въонецъ изъ земли (*), дополь украшавшій чело его, изсыхаетъ.

Долго скипались Липовцы по замкамъ, горамъ и лѣсамъ, или напада

*) Растеніе, произрастающее на дубахъ.

на Нѣмцевъ, или шерпя ихъ нападенія. Наконецъ свершилась спрашная битва на равнинахъ Рудава, гдѣ пали многіе десятки тысячъ Липовскихъ юношей подлѣ шакого же числа вождей и братьевъ крестоносныхъ. Вскорѣ свѣжія силы пришли изъ-за моря на помощь къ Нѣмцамъ; Кейсшупъ и Вальшеръ съ горспію мужей пробились въ горы; съ изшупленными саблями, съ изрубленными щитами, покрытые пылью и кровью, они угрюмые вошли въ домъ. Вальшеръ и не взглянулъ на жену и ни слова ей не молвилъ, а спалъ говоришь по нѣмецки съ Кейсшупомъ и Вайделопомъ. Альдона не разумѣла, но сердце предвѣщало ей что-то ужасное; кончили совѣщаніе и всѣ шрое обратили къ Альдонѣ смущенные взоры. Вальшеръ долѣ всѣхъ смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ выраженіемъ опчаянія; вдругъ слезы полными струями брызнули изъ очей его. Онъ упалъ къ ногамъ Альдоны, руки ея прижалъ къ сердцу и просилъ прощенія за все, что она для него прешерпѣла. „Горе, говорилъ онъ, женѣ, которая обожаешь мечшателя: взоръ его любилъ уноситься за предѣлы сель, его мысль какъ дымъ вѣчно лешаетъ надъ кровлею, его сердцу мало домашняго счастья. Великія сердца, Альдона, подобны огромнымъ ульямъ: они не могутъ наполниться медомъ и спановяш-

ся гнѣздомъ ящерицъ. Проспи, милая Альдона! Сегодня хочу оспашься дома, сегодня забуду обо всемъ, сегодня будемъ шѣмъ другъ для друга, чѣмъ бывали прежде, а завпра“ . . . и не смѣль окончишь. Какая радость Альдонѣ! ей шончасъ пришло на мысль, что Вальперъ перемѣнишь, будешь спокоенъ и весель; она видишь: онъ ужъ не шакъ задумчивъ, живость засіяла въ очахъ, на лицѣ блеснулъ румянецъ. Вальперъ у ногъ Альдоны провелъ цѣлый вечеръ; онъ на минушу забылъ про Липву, про Креспоносцевъ, про войну, и говорилъ о счастливыхъ временахъ его прибытія въ Липву, первой бесѣды съ Альдоной, первой прогулки въ долину, и о всѣхъ дѣшскихъ, но памятныхъ сердцу приключеніяхъ его первой любви. За чѣмъ же такія милыя рѣчи прерываешь онъ словомъ: завпра? — И снова задумывается, долго глядишь на жену, слезы блещущъ въ очахъ, онъ хочешь что-то сказать, но не смѣешь.

Развѣ на то лишь онъ вызвалъ прежнія чувства, воспоминанія о прошломъ счастьи, чтобы проспитъ съ ними? Ужели всѣ рѣчи, всѣ ласки шого вечера будутъ послѣднимъ блескомъ ошъ пламенника любви? Но къ чему вопросы? — Альдона смотришь въ сомнительномъ ожиданіи, и оставивъ горни-

цу, еще глядишь въ отпершіе стѣны. Вальперъ наливаль вино, осушилъ многіе кубки, и спараго Вайделота удержалъ всю ночь съ собою.

Едва всходило солнце, — зазвучалъ копыта по камнямъ: двое рыцарей съ упряннымъ шуманомъ спѣшагъ въ горы. Они могли обмануть всѣ спражи, кромѣ единой. Все провидягъ глаза у любви: Альдона опгадала ихъ бѣгство. Она забѣжала впередъ по дорогѣ: грустная была ша всирѣча. „Возвращись, милая, домой; возвращись, ты будешь счастлива; можешь быть, ты найдешь радость въ объятіяхъ любезной родины; ты молода и прекрасна, для тебя есть веселье, ты все забудешь! Многіе князья прежде домогались руки швоей; ты свободна, ты вдова челоѡвка великаго, который для блага опчизны опказался даже опъ тебя! Проспи, забудь; но когда нибудь поплачь обо мнѣ. Вальперъ оспался одинъ, какъ въшеръ въ пустынь; его будущая участь — спранствіе по свѣпу, измѣна, убійство и наконецъ позорная смерть. Но прошекутъ годы, — и имя Альфа снова загремишь въ Лишвѣ, и когда нибудь ты услышишь изъ устъ Вайделота о его подвигахъ; тогда, милая, тогда придетъ на мысль тебѣ, что сей грозный рыцарь, покрывшій шумѣю тайны,

одной шебѣ знакомый, былъ нѣкогда швоимъ супругомъ, и чувство гордости да будешь шебѣ въ сиротствѣ опрадою!“ — Альдона слушала молча, хопя не слышала ни слова. „Ты ѣдешь, ѣдешь!“ воскликнула она и сама испугалась эшаго слова: оно одно гремяло въ ея слухъ. Она ни о чемъ не думала, ничего не могла помнишь; ея мысли, воспоминанія, будущность, все смѣшалось вмѣстѣ; но опгдадала сердцемъ, чпо ни возвратишь, ни забышь невозможно; она вращала блуждающія очи и нѣсколько разъ вспрѣчала дикій взоръ Вальшера. Въ эшомъ взорѣ уже давно не находила она опрады, и казалось, искала чего-то новаго и озиралась кругомъ: кругомъ были пустыни и лѣса... въ срединѣ лѣса за Нѣменомъ блеспишь одинокая башенка: шо была прежде обитель дѣвъ, печальное зданіе Христіанъ. На шой башенкѣ ошановились взоры и мысли Альдоны: шакъ голубокъ, захваченный въшромъ надъ морскою пучиною, падаетъ на одинокія мачшы корабля незнакомаго. Вальшеръ понялъ Альдону, долго слѣдовалъ за нею въ молчаніи, потомъ опкрылъ ей свой замысль, просилъ ушайшь его опъ свѣша, и у воротъ. . . . увы! ужасно было шо разставаніе. . . Альфъ уѣхалъ съ Вайделошомъ, и до сихъ поръ ничего не слыхашъ о нихъ. Горе, горе ему, если

онъ доселѣ не совершилъ своей кляпвы, если, самъ опказавшись опъ счастія, оправивъ счастіе Альдоны, принесъ сполько жершвъ изъ ничего! . . . Грядущее конецъ укажетъ. Нѣмцы! я кончила мою пѣсню.

Конецъ, ужъ конецъ, — громко зашумѣли въ залѣ, — что это за Вальшеръ? какіе его подвиги? гдѣ? кому мщеніе? восклицали слушатели; одинъ Магистръ среди шумящей дружины сидѣлъ молча съ поникшею главою; сильно пронумый, онъ поминутно хвашаетъ бокаль съ виномъ и до дна его выпиваетъ. Разныя чувства мгновенными молніями пересѣкающся на его распаленныхъ ланипахъ. Грозный и грозный шемвель чело его, препенущъ синія усна, блуждающіе взгляды лепашъ, какъ маспочки средь бури. Наконецъ, онъ сбросилъ плащъ и побѣжалъ на средину: „Гдѣжъ конецъ пѣсни! сей часъ же пой его, или дай мнѣ люшню; что жъ ты дрожишь? Подай люшню, наливай бокалы, я спою конецъ, если ты боишься.

Я знаю васъ: всякая пѣснь Вайделоша, какъ вой ночныхъ псовъ, предвѣщаетъ бѣду. Вы любите пѣшь про убійства да пожары, а намъ оставляете славу и угрызения. Еще въ колыбели ваша лукавая пѣснь, какъ змѣя, обви-

ваешь грудь младенца и вливаешь въ душу злѣйшіе яды — и глупую жажду славы и любовь къ опчизнѣ.

Она идетъ по слѣдамъ юноши пѣнью врага убишаго; она часто является на пирахъ и подливаетъ крови въ чаши веселія. Я слушалъ пѣсни — и увы, довольно! . . . Свершилось, свершилось; знаю себя, старый лукавецъ, ты побѣдилъ! война — шоржество для пѣвца, дайше вина . . . совершеніе замысловъ.

Знаю конецъ пѣсни, нѣтъ . . . спую другую; когда я сражался на горахъ Кашпили, Мавры научили меня пѣть баллады. Старецъ, сыиграй пѣсню, шу ребяческую пѣсню, что въ долинь . . . О! то было счастливое время . . . я привыкъ пѣть всегда подъ эту музыку. Ворошись же, старецъ, не то клянусь всеми богами Нѣмецкими и Прусскими.“ . . . Старецъ принужденъ былъ ворошиться, ударилъ въ люшню и невѣрнымъ голосомъ слѣдовалъ за дикими звуками Конрада, какъ невольникъ за своимъ гнѣвнымъ власшелиномъ.

Между пѣмъ на столѣ погасали свѣчи, долгій пиръ усыпилъ рыцарей; но Конрадъ поетъ, они снова пробуждаются, встаютъ и сомкнувшись въ пѣсный кружокъ, ловятъ прилежнымъ слухомъ каждое слово пѣсни.

Альпугара.

Баллада.

Въ развалинахъ лежатъ жилища
Мавровъ, народъ ихъ влачитъ желъзы,
еще защищается швердыня Гренады,
но въ Гренадѣ морь.

*

Еще съ башень Альпугары оборо-
няется Альманзоръ съ горстїю рыца-
рей; Испанецъ подъ городомъ водрузилъ
знамена, и завтра ударитъ на приснуль.

*

На зарѣ загремѣли пушки, разорва-
ны окопы, спѣны падушъ, на минаре-
тахъ засїяли кресты, Испанцы взяли
замокъ.

*

Одинъ Альманзоръ, видя полки свои
разбитые въ упорной защитѣ, пробил-
ся сквозь сабли и копья, ушелъ и об-
манулъ погоню.

*

Испанецъ на свѣжихъ развалинахъ
замка, среди обломковъ и шруповъ, го-
товилъ пиръ, купается въ винѣ, дѣ-
литъ пльнныхъ и добычу.

*

Вдругъ приврашнїй спражъ доно-
ситъ вождямъ, что нѣкій рыцарь изъ
чужаго края прїѣхалъ съ важными но-

воспями и просишь скорѣе его выслушать.

*

То былъ Альманзоръ, царь Мусульманъ; онъ покинулъ безопасное убѣжище; самъ опдается въ руки Испанцевъ и шолько молишь о жизни.

*

„Испанцы, сказалъ онъ, я пришелъ на вашемъ прагѣ ударить челомъ, пришелъ служишь вашему богу и вѣришь вашимъ пророкамъ.

*

Пускай молва разглашаетъ свѣшу, что Арабъ, что царь побѣжденный хочешь бышь брашомъ своихъ побѣдителей, вассаломъ чужаго престола.“

*

Испанцы умѣютъ цѣнить мужество; когда узнали Альманзора, вождя его обняли, а другіе чередой цѣловали его какъ товарища.

*

И Альманзоръ цѣловалъ ихъ, но вождя обнялъ крѣпче, схватилъ за шею, жаль ему руки и повисъ на устахъ его.

*

Вдругъ ослабѣлъ, палъ на колѣна, но дрожащими руками привязавъ чалму свою къ ногамъ Испанца, влячился за нимъ по землѣ.

*

Озрѣлся кругомъ — и всѣ изумились: блѣдныя ланипы его посинѣли, ужаснымъ смѣхомъ исказились уста, кровью налились очи.

*

„Смотрише, невѣрные! на меня синяго, блѣднаго; отгадайше, чей я посоль? Я обмануль васъ, я изъ Гренады, я вамъ принесъ заразу.

*

Лобзаніями я влилъ вамъ въ душу ядъ, кошорый пожрешъ васъ; приближьшесь, глядите на мои мученія, вы шакже умрете.“

*

Онъ рвется, кричишь, напрягаешъ руки, хочешъ вѣчными объятіями приковашъ всѣхъ Испанцевъ къ груди своей — и хохочешъ, и хохочъ его ошь сердца.

*

Онъ хохочалъ — и умеръ: еще вѣжды, еще уста его не закрылись, и адскій смѣхъ замеръ на вѣки на ледяныхъ ланипахъ.

*

Испанцы въ превогъ ушли изъ града, чума пошла слѣдомъ за ними, и ошатокъ ихъ войска, не вышедъ изъ горъ Альпугары, погибъ.

*

Такъ въ прежніе годы мспили Ма-
вры: хопише ли знашь мщеніе Липов-
ца? Чшо же? если когда нибудь онъ
сдержишь слово и придетъ оправившь
вино язвою. . . . Нѣшь; нѣшь, нынѣ
другіе обычай. Князь Виповшь! нынѣ
Липовскіе Государи сами приходяшь
опдавашъ намъ свои земли и искашь
мщенія на своемъ бѣдномъ народѣ.

Не всѣ однако. . . о нѣшь! клянусь
Перуномъ, еще естъ въ Липшѣ. . . еще
вамъ пѣсню . . . нѣшь прочь съ эшой
люшней . . . порвались спруны . . . не
будешъ пѣсни . . . но я надѣюсь, что
нѣкогда будушь. . . : сегодня. . . лишніе
бокалы . . . я много пилъ. . . радуй-
тесъ, играйте, а шы, Аль. . . манзоръ,
прочь съ очей моихъ, старый, — прочь
съ Альбаномъ . . . оставьте одного.“

Онъ сказалъ и невѣрными спопами
пошелъ на свое мѣсно и бросилъ въ
кресло; чѣмъ-то еще грозилъ онъ;
ударомъ ноги опрокинулъ споль съ ви-
номъ и бокалами, Наконецъ ослабѣлъ,
голова его склонилась на ручку кресла;
взоръ гасъ и гасъ поминушно, и дро-
жація губы покрылись пѣною, и онъ
заснулъ.

Съ минушу рыцари спояли въ не-
доумѣніи; они знаютъ несчастный по-
рокъ Конрада, что опъ излишняго вина
онъ воспаменяешся и впадаетъ въ ди-

кіе порывы и въ безпамятствѣ. Но на пиру! всенародное посрамленіе! при чужихъ людяхъ и въ шакомъ невиданномъ гнѣвѣ! Кто возбудилъ его? Гдѣ Вайделошъ? — онъ скрылся изъ толпы и никто объ немъ не знаетъ.

Была молва, что будто переодѣтый Гальбанъ спѣлъ Конраду Лишовскому пѣсню, что симъ средствомъ онъ возбуждалъ Христіанъ къ новой войнѣ противъ языческаго. Но почему въ Магиспирѣ такая внезапная перемена? что такъ сильно разгнѣвало Вишовша? что значилъ дивная баллада Магиспера? Каждый напрасно шеряется въ догадкахъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Примѣчаніе къ Валленроду.

(12) Вальшеръ фонъ Шпадіонъ, Нѣмецкій рыцарь, взятый въ плѣнъ Лишовцами, женился на дочери Кейштуша и съ нею тайно уѣхалъ изъ Лишвы. Часто случалось, что Прусакки и Лишовцы, похищенные въ младенчествѣ, возвращались въ отечество и становились ужаснѣйшими врагами Нѣмцевъ. Таковъ былъ извѣстный въ Исторіи Ордена Прусакъ, Геркусъ Монше.

*Возшествіе на престолъ Могоммеда II.
Возобновленіе мира съ Христіанскими
Державами. Построеніе Европейской
крѣпости на берегу Востора и литье
большихъ пушекъ. Осада и взятіе
Константинополя.*

(Отрывокъ изъ Исторіи Оттоманской Имперіи,
изданной Гаммеромъ въ прошломъ 1827 году.)

Уже на претій день по смерти Мурада II въ Адрианополь, (5 Фев. 1461 г.) получаешь объ ней извѣстіе въ Магнезій сынъ его, двадцати одного года, Могоммедъ, чрезъ вѣщника, копорый привезъ къ нему донесеніе Великаго Визиря Халила. (а). *Кто меня любитъ, слѣдуй за мною*, воскликнулъ Могоммедъ, бросающъ на Арабскую лошадь, и въ сопровожденіи скороходовъ и (б) меченосцевъ (в) прибылъ на другой день въ Галлиполь. Здѣсь промѣдлил онъ два дня, ожидая своей свишы, и въ то же время послалъ въ Адрианополь гонца возвѣстити свое прибытіе въ Херсонесъ. На пути со всѣхъ сторонъ спекался народъ видѣти новаго своего Государя. Изъ Ад-

(а) Дука заставляеть посланнаго говорить, чтобы Могоммедъ сѣлъ на лошадь, бышрую какъ Пегасъ. XXXIII. с. 126.

(б) *ѡхидролог*, пейки.

(в) *ѡйфферог*, балшадши.

ріанополя вѣхали къ нему на встрѣчу Визири, Беглербеги, Бегв, Улемы и Шейхи; въ мнѣзъ ошъ города сошли они съ лошадей своихъ и пѣшкомъ приближались къ нему. Прощедъ полмили, они остановились и подняли общій вопль горести и съмованія о смерти родителя. Сынъ сошелъ съ лошади, смѣшалъ свои слезы съ ихъ слезами и допустилъ ихъ къ рукѣ своей. Послѣ сего съли они на лошадей и провожали его до Серая. Въ слѣдующій день вспунилъ онъ на пресполь, при многотрудномъ собраніи Визирей и вельможъ. Верховный Евнухъ Шагинъ и Ибрагимъ Паша спояли всѣхъ ближе къ нему, Ишакъ-Паша и Великій Визирь Халиль въ нѣкоторомъ ошдаленіи, — послѣдній былъ увѣренъ, что не будешь пользоваться благосклонностію юнаго Судшана, способствовавъ прежде два раза къ удаленію его ошъ преспода. „Почему,“ сказалъ Могаммедъ, обращаясь къ Евнуху, „почему Визири мои спояшъ въ ошдаленія? Позови ихъ, и скажи Халилу, чтошъ онъ занялъ свое обыкновенное мѣсто; а Ишакъ-Паша, какъ правитель Анашоліи, долженъ препроводить въ Брусу пѣло моего родителя.“ (а) Халиль, какъ

(а) Дука, с. 127.

упввржденный Визирь, пошчась облобызаль руку Султана; Ишакъ-Паша, съ великою пышностію повезъ шѣло въ Брусу, разсыпая множество денегъ между бѣдными. Первымъ попеченіемъ Могаммеда было послать въ могилу къ опцу брата Ахмеда. Ахмедъ, упошребимъ выраженіе Визаншійцевъ, былъ багрянородный сынъ Принцессы Синопской, дочери Исфендіаролья; а Могаммедъ родился опъ рабыни.

Тѣмъ необходимѣе казалось сыну рабыни убіеніе багрянороднаго брата для упвврженія за собою прешола. Въ то время, какъ Принцесса Синопская явилась въ шронной залѣ для изъявленія предъ пасынкомъ Султаномъ своей горести о смерти его опца, — онъ послалъ Али, сына Евренова, въ Гаремъ — удушить въ банѣ ея сына, своего брата (а). На другой день былъ умерщвленъ сынъ Евреновъ, а мать, Принцесса Синопская, опдана въ жены одному рабу, по имени Ишаку.

Такою же учасшъ охотно предоставиль бы Могаммедъ другой своей

(а) Дука с. XXXIII, с. 129. У Халкондила въ концѣ VII книги смерть его peremit, cum aqua infusa spiritum ejus interclusisset. Халкондила говоритъ, что палачъ былъ виночерпемъ, — это придворное званіе носилъ Али, сынъ Евреновъ.

мачихъ , Сербскойъ принцессъ ; но опасаясь , чшобъ опецъ ея Георгъ не опмспидъ поруганія войною , опослалъ онъ ее съ чеспю въ опечество , наградилъ многими дарами , назначилъ богатое содержаніе и подтвердилъ прежній договоръ . Немедленно явились въ Адрианополь послы Визансійскаго Императора Константина Дрозоза и его брата Димитрія , Деспота Пелопонесскаго , съ изъявленіемъ горести о смерти родителя , и радости о вступленіи на престолъ Могаммеда . Могаммедъ принялъ ихъ милосливо , поклялся хранить миръ , какъ опецъ его (а) , и обращаясь къ посламъ Константиновымъ , присоединилъ еще торжественное обѣщаніе , за содержаніе Османскаго Принца Урхана , внука Сулейманова , своего внучащаго племянника , жившаго въ Константинополѣ , плащитъ ежегодно 300,000 аспровъ изъ доходовъ съ мѣспъ , лежащихъ при Спримонѣ . Съ послами Императора и Деспота явились въ Адрианополь послы всѣхъ прочихъ большихъ и малыхъ Державъ , съ которыми тогда Османское царство было въ связи по договорамъ объ оборонѣ , дани или мирѣ ; подданные послы изъ Рагузы , которые къ увеличенной неза-

(а) Дука XXXIII, с. 130. О договорѣ съ деспотомъ упоминаетъ Халкондила въ концѣ VII книги.

долго предъ шѣмъ дани въ тысячу червонныхъ добровольно прибавили еще пять сотъ (а); изъ Валлахіи; попомъ послы ошъ Родосскихъ рыцарей и наконецъ ошъ Венгерскаго Гунніада, съ коими заключено перемиріе на три года (б). Только съ Караманомъ, самымъ Южнымъ сосѣдомъ въ Азіи, какъ Венгрія — самой Сѣверной въ Европѣ, послѣдовала, вмѣсто мира, война. Ибрагимъбегъ, Князь Караманскій, разочня, что молодой Принцъ, два раза уже признанный несовершеннолѣтнимъ для престола, и на сей разъ не крѣпка на немъ удержишся, надѣялся возвращишь себѣ земли ошпорженныя ошъ Карамана въ правленіе его ошца. Какъ мнимый или дѣйствительный попомокъ прежнихъ Князей Керміана, Айдина и Меншеше, послалъ онъ въ сіи страны мужей приняшь ихъ во владѣніе. Могаммедъ препоручилъ войну Ишаку-Пашѣ, новому намѣстнику Анаполійскому, и самъ поспѣшилъ, на мѣсто дѣйствій. Когда онъ прибылъ въ Акшеръ (в), то явидись къ нему послы Кара-

(а) Енгелева Исторія Рагузм с. 175,

(б) Дука, ковецъ XXXIII и начало XXXIV ошдѣленія с. 131.

(в) Дука вмѣсто Акшера называетъ Карагиссаръ, *Karababiv*, и говоритъ что это есть область Phrygia salutaris; но Карагиссаръ лежишь собственно въ горѣлой Фригіи (Кекавмене).

манскіе съ просьбою о мирѣ и принятіи руки Княжеской дочери. Могаммедъ согласился исполнить просьбу, и такимъ образомъ заключенъ былъ миръ со всеми сосѣдами на Востокъ и Западъ, на сушѣ и морѣ.

Къ скорому заключенію мира съ Караманомъ побудило его намѣреніе, уже созрѣвшее въ душѣ его, не оспаваясь долго въ мирѣ съ Визаншійю. Припомъ Визаншійцы, своей совершенно слѣпою полишикою весьма неоспорочно и неблагоприятно сами предускорили исполненіе его бранныхъ предначертаній. Во время похода его на Караманъ явились къ нему ихъ послы съ неумѣстною жалобою на невыдачу обѣщанныхъ денегъ для содержанія Урхана и съ угрозою, еще болѣе неумѣстною, выпустить его какъ соперника въ правѣ на престолъ, если не заплачено будетъ двойнаго оклада. Великій Визирь Халиль, другъ Грековъ, не только по своей добротѣ и легкомысленности, но и по корыстолюбію, которое Греки часто удовлетворяли, принялъ ихъ съ слѣдующими словами: неблагоприятные и глупые Ромейцы! давно уже я проникнулъ въ ваши лукавые и хитрые замыслы. Покойный Государь съ правою совѣстію и дружлюбнымъ расположеніемъ былъ къ

вамъ милоспивъ , но не шаковъ нашъ шеперешнй юный Государь Могаммедъ. Если Конспаншинополь избъгнешъ его , храбраго и пылкаго , тогда я подумаю , что Богъ попускаешъ вашимъ распрямъ и измънамъ. Глуццы! не успѣло еще высохнушь писаніе въ посшановленномъ договорѣ , а вы переправляешъ уже въ Азію , и хошите пугашъ вашимъ обыкновеннымъ пугаломъ (а). Мы не слабыя , неопышныя дѣши; если вы можеше что сдѣлашь , то дѣлайше. Хошите провозгласить Урхана Государемъ Оракійскимъ — провозглашайше; хошите призвашь Венгровъ черезъ Дунай — пусть придущъ ; хошите возврашишь себѣ покоренныя нами ваши обласши — попышайшесь ; только знайте , что вамъ ничего изъ всего этого неудася , вы поперяете еще и то , чѣмъ шеперь кажешся владѣете. Впрочемъ я все это возвъщу моему Государю , и что ему угодно , то и будетъ (б).“ Могаммедъ , опасаясь , чтообъ оппущеніемъ Урхана не возобновились сцены междуцарспвія , почувспвовалъ необходимость заключить миръ съ Караманомъ и сокрышь

(а) *Морюлука*.

(б) Дука. ХХХІV, с. 132. Рѣчь сія дѣйствительно въ характерѣ Халила Паши , и въ ней можно повѣрять Дукъ , которой слышалъ ее можетъ быть изъ устъ посланниковъ.

испиринныя свои мысли оныя пословъ. Оны опспуспилъ ихъ съ дружелюбнымъ опспывомъ, что самъ скоро будетъ въ Адрианополь, и тамъ они могутъ предложитъ ему обо всемъ, опспосящемся до Императора и города, — оны съ своей стороны готовъ удовлетворитъ ихъ желанію. Когда Могаммедъ прибылъ въ Брусу, Янычары успремились къ нему съ шумомъ и требовали даровъ. Оны скрылъ свое негодованіе, и по видимому не хотѣлъ исполнитъ требованія. Шагинъ, главный Евнухъ, и Тураханъ предложили ему поже, и Могаммедъ, чувспвуя необходимость успупитъ, назначилъ мяшежнымъ воинамъ даръ въ десять мѣшковъ золота, — это былъ первой даръ, насильно вынужденный ими при восшеспвїи на престолю Султана, и съ сихъ поръ, въ продолженіи всѣхъ слѣдующихъ царствованій, Янычары получали подобныя награжденія и беспрестанно возвышали ихъ, до тѣхъ поръ какъ оны, по причинѣ скудосши казны, вовсе были опспмѣнены.

Чрезъ нѣсколько дней призвалъ оны къ себѣ Агу Янычаровъ, Кафандши Тугана (а), наказалъ его поноснымъ образомъ (б) опспчасти за то, что оны

(а) Нешри, л. 196. У Халкондила конецъ VII книги испорч. въ *ауажабтс*.

(б) Пошечинами (Нешри), кнупомъ (Халкондила).

не умѣлъ содержать своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи, опчасши за то, что во время похода на Караманъ не имѣлъ обстоятельнаго списка своихъ воиновъ (а).

Мѣсто его получилъ Мусшафабегъ (б). Чтобы предупредить или уничтожить смущеніе въ войскѣ, Могаммедъ причислилъ къ корпусу Янычаровъ семь тысячъ сокольниковъ и ловчихъ, которые дошолъ находились въ вѣденіи охотническаго приказа. Онъ оставилъ при себѣ только сто псарей и пятьсотъ сокольниковъ (в), прочіе сдѣлались Янычарами и получили съ тѣхъ поръ прозваніе *сегбановъ*, то есть ловчихъ (г). — Переѣхавъ въ Галлиполь, Могаммедъ наложилъ запрещеніе на всѣ доходы съ городовъ Спиримонскихъ, предназначенные для содержанія Урхана, и велѣлъ изгнать Греческихъ обитателей. При наступленіи весны издалъ онъ окружное повелѣніе по всей Европейской и Азіатской Турціи, собрать тысячу каменщиковъ, плотниковъ и прочихъ работниковъ со всѣми нужными матеріалами для постройки крѣпости на Европейскомъ

(а) Халкондила.

(б) Нешри, л. 196.

(в) Халкондила, конецъ VII книги.

(г) Такъ назывались 36 полковъ Янычаровъ отъ 61 до 96. См. Османское учрежденіе II, с. 207

берегу Воспора, при самомъ устьѣ его (а).

Сіе извѣстіе было роковымъ ударомъ для Императора и города, и исполнило сердца всѣхъ жителей предчувствіемъ приближающейся гибели. Въспомо прѣбывавшихъ денегъ, двойнаго оклада на содержаніе Урхана, Послы Императора молили только объ оплодотвореніи спроектна и принятіи дани. Могаммедъ въ гнѣвѣ и ярости оповѣщалъ ихъ, что Греки въродомны, соединяются съ Венграми, до сраженія при Варнѣ хотѣли помѣшались его опцу переправившись въ Европу, что сей послѣдній тогда еще поклялся основать крѣпость на берегу Воспора, что онъ исполняетъ только клятву опца, которому помѣшали исполнить ее, что никто не смѣетъ прѣпятствовать ему спроектировать на *своей* землѣ. Послы могутъ возвѣстить Императору, что царствующій Султанъ неидетъ въ сравненіе съ своими предшественниками, что ему легко исполнить для ихъ невозможное, что онъ хочетъ непременно того, чего имъ не хотѣли. Кто еще прѣдетъ съ подобнымъ посольствомъ, съ того сдерутъ кожу. Въ концѣ Марша въ слѣдующемъ году сне-

(а) Дука XXXIV. с. 133.

сли со всѣхъ споронъ мореную известъ, лѣсь изъ Никомедіи и Понпійской Гераклии, камень изъ Анаполи. Беглербеги Азіи и Европы, Беги и Субаши собрались на воспочномъ берегу Воспора и самъ Сулшанъ прибылъ шуда изъ Адрианополя. Тамъ, прошивъ крѣпости Гюфельгиссара, носпроенной Илдириемъ Базидомъ на Азіашскомъ берегу, при самомъ узкомъ мѣстѣ Воспора, которое называется горпанью, какъ конецъ его усшьемъ, гдѣ прошивоположные мысы Воспора сходясь оставяють между собою тѣсной прошокъ въ пять стадій, близъ шого мѣста, гдѣ Андрокль Самосскій посстроилъ извѣспный мостъ для перехода Даріева войска въ Скиюю, избралъ Могаммедъ мѣсто для сооруже- нія новой крѣпости. Тамъ возвышается мысъ, копорый издревле опъ Гермесова храма называется Гермеономъ; здѣсь, съ изсѣченнаго въ ушесѣ прешола, Дарій смощрѣлъ на переходъ своего войска изъ Азіи въ Европу, о копоромъ извѣспіе вырѣзано на монументѣ Ассирійскими буквами. Берегъ при подошвѣ сего ушеса, опъ сильнаго морскаго спремленія въ проливъ назывался Родесомъ, Roodes, ш. е. спремленіе волнь, или Фондесомъ, ш. е. звукъ волнь опъ шумнаго движенія, а въ древнѣйшія вре-

мена Pughias kuou, ибо волны въ проливѣ какъ-бы лаюшъ на всякаго преплывающего. Здѣсь, при подошвѣ Гермейскаго мыса, надъ шумною быстриною, на звонкомъ берегу, начерпалъ Могаммедъ планъ крѣпости, по спрванной мысли, чтобъ окружность стѣнъ соопвѣтствовала писанному имени Могаммеда (имени Пророка и Султана), чтобъ на томъ мѣстѣ гдѣ буквы М сгибаются въ кольцо, находилась башня (а). Такимъ образомъ цѣлое получило безобразную форму окружности съ тремя башнями, изъ коихъ двѣ находились при подошвѣ мыса, а третья обращена была къ морю. Сооруженіе сей послѣдней препоручилъ Могаммедъ Великому Визирю Халилу Пашѣ, сооруженіе двухъ первыхъ Саридшу-Пашѣ, посѣдѣвшему, въ продолженіи цѣлаго полулѣтца, въ Государственной и Гаремной службѣ, и Визирю Сагану, который при прешемъ возшествіи на престолъ Мурада II былъ отставленъ и изгнанъ, какъ повѣренный Визирь сына, а теперь возвращенъ съ большою честію. Султанъ самъ принялъ на себя сооруженіе стѣнъ, соединяющихъ стѣны. Тысяча каменщиковъ, изъ коихъ къ каждому приспавлено было по два рабочника, рабо-

(а) Османскіе Лѣтописатели и Евлія.

пало въ спѣнь, и сполько же внутри
 оныхъ. Симъ двумъ тысячамъ каменщи-
 ковъ и чепыремъ тысячамъ работни-
 ковъ, помогало безчисленное множество
 народу, и даже знашныя носили камни,
 извешку, кирпичи. Кромъ маперіаловъ,
 доставленныхъ изъ Азіи, употреблены
 были на строеніе развалины городовъ
 и церквей Воспорскихъ, особенно стол-
 пы большой и великолѣпной церкви
 Архангела Михаила при Сосеенскомъ за-
 ливѣ. Такъ въ печеніи прехъ мѣсяцевъ
 воздвиглася крѣпость, коей спѣны
 были въ 25, а башни покрышыя
 свинцомъ, въ шридцашъ фушовъ ши-
 риною.

(Продолженіе впрѣдъ).

Театральныя пьесы.

Благородный театр, оригинальная комедія въ стихахъ, соз. М. Н. Загоскина.

Къ сожалѣнію, сцена наша рѣдко оживляется оригинальными комедіями. Новая, о которой мы хотимъ говорить, привлекла всеобщее вниманіе публики: лестная награда для Комика! Не всѣ читатели наши знакомы съ сею Комедіей и потому, прежде нежели приступимъ къ разбору оной, считаемъ за нужное изложить содержаніе.

Любской, богатой помѣщикъ, страшной охошникъ до театра и гостей, живетъ въ Губернскомъ городѣ съ своею женою и племянницей и пошлаетъ публику, не смотря на прошиворѣчія его супруги, женщины скупой, но смирной, не выходящей изъ границъ повиновенія къ мужу. Въ племянницу его влюбленъ молодой человекъ, Вельскій, имѣющій соперника въ Посошковѣ, которому она уже обѣщана Любскимъ, хотя не ошкрыто, и защитниковъ въ дядѣ невѣстны, Честоновѣ, и въ своемъ собственномъ, Волгинѣ. Любской зашлеть сыграть Комедію, сочиненія Посошкова, которая служить главнымъ средоточіемъ комическаго интереса и основаніемъ для всѣхъ театральныхъ положеній, весьма остроумно изобрѣшенныхъ Авторомъ. Играютъ оную все тѣже лица: Посошковъ опекуна, Олинька воспитанницу, Вельской ея любовника, Наташа, служанка Олиньки, свою же ролю. Еще два актера постороннихъ приглашены Любскимъ: старикъ

Бирюлькинь, должный по векселю Любскому и угрозами послѣдняго вынужденный идти въ акшеры; другой, Лилѣвъ, играющій по старой пріязни къ хозяину. Вельской объявилъ Любскому о своей любви къ его племянницѣ и на другой день послѣ спектакля долженъ получить опказъ рѣшишельный.

Въ такомъ-то положеніи находящся дѣла Комедіи, когда открываешся *первое дѣйствіе*. Семья сидишь, — ожидающъ акшеровъ: Бирюлькина и Лилѣва. Они приходяшь, читаешся афиша, сочиненія Извѣдова, кошорый, оставивъ шеашръ, живешъ у Любскаго въ качествѣ суфлера и машинисша, и, разумѣешся, влюбленъ въ Нашашу. Всѣ идушь на завшракъ и потомъ на репетицію. Извѣдовъ оспаешся съ Нашашей: они говоряшь о любви Вельскаго и Олинки и ищущъ средствъ какъ бы помочь имъ. Извѣдовъ предлагаешъ Нашашѣ написать Честонову, но послѣдній, какъ нарочно, самъ являешся, по Русской пословицѣ: легкокъ на поминѣ. Извѣдовъ увѣдомляешъ его предварительнo о произшествіяхъ домашнихъ. Приходитъ Бирюлькинь и зовешъ его на сцену, самъ оспаешся съ Честоновымъ и рассказываетъ о своемъ акшерствѣ по неволѣ. Любской, узнавъ отъ Извѣдова о пріѣздѣ Честонова, его брата отъ другой машери, являешся къ нему, говоришь съ нимъ о своемъ жишѣ-бышѣ, и наконецъ о свадьбѣ Олинки. Честоновъ радуешся послѣдней извѣстію, въ увѣренности, что Олинка помол-

влена за Вельскаго, о чемъ писалъ ему Волгинъ, дядя послѣдняго и старый его знакомый; онъ удивляется, когда узнаешь, что женихъ Олинки — Посошковъ, человекъ пожилой. Вдругъ слышенъ шумъ, актеры поссорились; Лицѣвъ, разсердясь на замѣчанія задорнаго Посошкова, отказывается отъ роли и уходитъ. Горе Любскому, спыдь ему въ городѣ, если шеатръ не сошпоишься, когда уже названы госши, жена радуется и совѣшуешь отказать, Любской — никакъ; Вельской обѣщаешь пособить горю и доспавишь въ актеры Прямикова, его знакомаго. Онъ ѣдетъ, Чеспоновъ съ нимъ. Всѣ идущъ обѣдашь.

Второе дѣйствіе. Посошковъ и Олинка съ неперпѣніемъ ожидаютъ Вельскаго. Онъ пріѣзжаетъ и говоришь, что Прямикова нѣтъ въ городѣ, но что онъ будетъ скоро, и надежда не пошеряна. Между тѣмъ, чтобъ не шеряшь времени, начинають репешировать нѣкоторыя сцены — Олинка съ Нашашей и Вельскимъ. Вельскій въ спихахъ же Посошкова высказываетъ ей любовь свою. Посошковъ радуется его таланту и аплодируетъ. Между тѣмъ какъ суфлеръ Извѣдовъ отзываетъ Посошкова посмотрѣшь на пропуски въ рукописи, Вельской имѣешь случай сказать Олинкѣ о согласіи Чеспонова на бракъ ихъ. Приходитъ Любской съ женою и радуется успѣхамъ шеатра. Докладываютъ о пріѣздѣ Куперъминой, старой вѣшповщицы города. Любской не хочется при-

няшь ея, зная ея нравъ болшливый, но уже было поздно: гостья силою вломилась въ двери. Кусерьмина успѣла развѣдать о шеатрѣ Любскаго и сама навязывается къ нему въ гости съ двумя племянницами, какъ старая пріятельница его дома. Эшаго мало, она рекомендуетъ попомъ двухъ племянниковъ. — Любской, скрѣпясь, все молчитъ еще, однако, мимоходомъ, опзывается пѣснопою мѣста. Но и эшо еще не все. Кусерьмина приводитъ цѣлую вапагу другихъ родственниковъ, внучекъ и внуковъ, съ мадами, компаніонками и проч. Любской бѣсится и рѣшительно отказывается. Кусерьмина вспыхнула и, прогнавши всю родню свою, рѣшилась на опмщенье. Любской уходитъ отъ нея съ семьею и актерами, но она удерживаетъ послѣдняго изъ нихъ, Бирюлькина, и узнавши объ его жалкой участи, даетъ слово повѣрить ему нужную сумму, чтобы шолько разстроитъ шеатр у Любскаго. Дѣло слажено. Эшаго мало: она, развѣдавъ объ Вельскомъ отъ Бирюлькина, опсправляется къ Волгину, чтобы и его взбѣсить прошивъ Любскаго, кошорый шакъ долго не даетъ отвѣта на предложеніе Вельскаго, върояшно изъ какихъ нибудь видовъ.

Дѣйствіе третіе. Честоновъ и Вельской узнали, что Волгинъ, пріѣхавшій на старости лѣтъ издалека на свадьбу къ племяннику, по внушенію Кусерьминой, собирается къ Любскому, что-

бы требовать отъ него рѣшительнаго отвѣта. Они стараются помѣшать его встрѣчѣ съ Любскимъ: Честоновъ уходитъ къ послѣдному, Вельской за нимъ. Посошковъ остается на сценѣ въ своемъ театральномъ костюмѣ и передъ зеркаломъ повпоряешь свою ролю. Входящій бѣшенный Волгинъ, требуешь Любскаго и, увидѣвъ Посошкова въ такомъ нарядѣ, считаешь его за шута или дурака. Онъ еще болѣе убѣждается въ этомъ, когда Посошковъ, считая его за Прямикова, давно ими ожиданнаго, увѣряешь его въ неопъемлемомъ палантѣ для ролей комическихъ. Волгинъ бранишь его, Посошковъ бѣсится, хочешь мстить за обиду, Волгинъ прибѣгаетъ къ деньгамъ, но Посошковъ еще пуще. Волгинъ хочеть уйши, но тотъ не пускаеть. Явившійся Честоновъ наконецъ кой-какъ сладилъ дѣло и Посошковъ ушелъ. Волгинъ обрадовался этому; онъ открываешь Честонову свое намѣреніе видѣться съ Любскимъ и только послѣ сильныхъ его убѣжденій и взявши съ него честное слово все исправить какъ должно, рѣшается оставить домъ Любскаго. Препяшствіе побѣждено. Вельской умоляетъ Олинку бѣжашъ съ нимъ; нѣтъ инаго средства увѣнчать любовь ихъ. Она колеблешся, онъ на колѣни. Входящъ Любской и Посошковъ. Первый, у котораго ужъ были подозрѣнія, ужасаетъ, но Посошковъ увѣряешь его, что они повпоряють ролю. Онъ выступаешь на сцену и разнимаешь ихъ. Любов-

ники испугались въ самомъ дѣлѣ и окаменѣли отъ страха; Посошковъ удивляется ихъ таланту комическому. Началась опять репетиція, и Вельской, какъ слѣдовало въ комедіи, подаетъ записку Олинъкъ; Посошковъ беретъ ее и учишь Вельскаго — какъ эшо сдѣлашь хишрѣ и искусьѣ.

Человѣкъ приносишь Любскому письмо отъ Бирюлькина, въ кошоромъ онъ отказывается отъ роли, обѣщая завтра же заплашишь ему деньги по векселю: Любской въ отчаяніи. Нѣтъ ни Бирюлькина, ни Прямикова. Чшо дѣлашь? Какъ бышь? Одно средство отпало: Извѣдову играшь за Бирюлькина, а за Лилѣва — самому Любскому, кошорый знаетъ наизусть его ролю. Любской и слышать не хочешь, но Посошковъ спрацаешь его Кусерьминой и стыдомъ по городу! Нечего дѣлашь: Любской играешь.

Дѣйствіе четвертое. Хозяина, одѣлага въ костюмъ театральнѣй, расписывающъ. Время близко; дрожь пронимаетъ Любскаго. Извѣдовъ ободряешь барина. Вдругъ вбѣгаетъ Намаша въ прищворномъ ужасѣ и рассказываетъ о побѣгѣ своей барышни. Вельскаго нѣтъ. Любской едва не умерь. Входишь жена, кричишь на мужа, упрекаешь, падаешь въ обморокъ. Посошковъ въ досадѣ; гости съѣзжаются: Губернскій предводитель, Губернаторъ, Сенаторъ, играютъ увертюру. Чшо дѣлашь? — Приходишь Честоновъ: ему рассказывающъ несчастіе, но онъ все знаетъ

и общается пособить горю, если только согласяся на его просьбу. Онъ объявляешь, что Вельской и Олинъка обвѣнчаны. Любской согласился на все, убоясь стыда городскаго; жена его изъ скупости, чшобъ не дѣлать лишнихъ издержекъ на свадьбу; но какъ убѣдишь обиженнаго Посошкова, кошорый рѣшительно отказывается ошъ роли? Чешоновъ предлагаешь совѣмъ ее выкинуть, Любской кричишь *марай!* — Бѣда Посошкову: упадешъ его пѣса, и авшорское самолюбіе пособило общему горю. Молодые вошли; Чешоновъ приводишь Лилѣва и шѣмъ избавляешь Любскаго ошъ стыда выдши на сцену. Извѣдовъ помолвленъ на Нашашъ. Все слажено; Комедія Посошкова начинаешся, а наша кончилась.

Какъ зрители, мы оспались совершенно довольны Комедіей: Авшоръ постоянно поддерживалъ интересъ дѣйствія, искусно изобрѣшалъ препятствія, еще искуснѣе уничтожалъ ихъ — и мы смѣялись ошъ чистаго сердца. Но холодная Кришика, не увлекаясь ни искусною игрою аршистовъ, ни оспроуміемъ Авшора, пребуешъ ошъ него ошчеша во всякомъ лицѣ и дѣйствіи

Комедія, какъ и всякій родъ драматической Поэзіи, имѣетъ двѣ главныя сшихіи: характеры лицъ, какъ производишели дѣйствія, и самое дѣйствіе, къ коему ошносяшся и театральныя положенія (*cours de théâtre*), какъ производимое

характерами при содѣйствіи случая. Отсель слѣдуетъ, что совершенство комическаго искусства заключается въ совершенномъ согласованіи характеровъ съ ихъ дѣйствіями. Это первое условіе Драмы основано на самой природѣ человѣческой, въ которой всѣ поступки бывають результатами побужденій внутреннихъ, происходящихъ отъ существенныхъ свойствъ души человѣка. Если соблюдено сіе условіе, если возможность всякаго дѣйствія ясно опредѣляется характеромъ лица, если авторъ нигдѣ не прибѣгнулъ къ машинамъ сверхъ-естественнымъ, — то мы ручаемся, что его комедія совершила свое назначеніе, что она есть вѣрное, полное, свободное, ясное изображеніе жизни, всегда чуждой противорѣчій. Идеалъ такого совершенства въ драматическомъ искусствѣ мы видимъ въ единственномъ Шакспирѣ, который является дивнымъ соперникомъ природы въ созданіи характеровъ и дѣйствій.

Въ Комедіи, нами разбираемой, характеры большею частію пожертвованы положеніямъ театральнымъ. Возьмемъ каждое лицо отдѣльно: ни одно не привлечетъ вашего вниманія и участія своею опредѣленною физиогноміей, а интересно только тѣмъ положеніемъ, въ которомъ поставилъ его остроумный, разсечливый Комикъ. Всѣ лица главные и второстепенныя, каковы Любской, Посошковъ, Вельской, Олинька, Чесноновъ, Наташа, Кушермина, Извѣдовъ, весьма обыкновенны; спро-

гій Кришкѣ сказалъ бы, что это ежедневная лжеца, мелькающая передъ нами на сценѣ свѣща и уже давно знакомая намъ на театрѣ, что съ Любскимъ мы уже давно сдѣлали пріятное знакомство въ Транжириинѣ; но тѣмъ болѣе чести искусству Комика, который хитрымъ изобрѣтеніемъ интриги умѣлъ придашь занимательность старымъ лицамъ.

Можно прослѣдить шакой общій недостатокъ въ характерахъ, ибо онъ замѣняется богатствомъ и интересомъ дѣйствія. Но мы открываемъ въ нѣкоторыхъ характерахъ другой недостатокъ, а именно: противорѣчія, которыми Авторъ пользовался для изобрѣтенія сценъ эффектныхъ. Вошь примѣры въ одномъ лицѣ Посошкова. Онъ — женихъ Олинки; но въ продолженіи всей Комедіи мы отъ него самаго совсѣмъ не слышимъ объ этомъ. Онъ также мало заботится о своей невѣстѣ, какъ Любской объ его Комедіи, когда хочешь марашъ въ ней его ролю. Его глупость, видная во всѣхъ смѣдныхъ сценахъ, гдѣ онъ такъ невинно помогаетъ Вельскому, не подозревая даже въ немъ соперника, — тогда какъ при немъ Любской объявилъ о предложеніи Вельскаго и о знаменіи своемъ отказать ему, — эта глупость ни чѣмъ другимъ не оправдана. (*)

(*) Посошковъ неумышленно помогалъ Вельскому, потому что былъ чуждъ всякаго подозрѣнія: это — Авторъ, который, въ упоеніи своего самолюбія, забываетъ все на свѣтъ, кромѣ своего сочиненія. Въ этомъ отношеніи и послѣднее рѣшеніе его не только

Эпошь же самый дуракъ Посошковъ сочинилъ изрядную Комедію, довольно зашѣйливую для провинціального невѣжды - автора. Спихи его совсѣмъ не опшѣнены опъ спиховъ самаго Автора комедіи и шакже гладки и плавны. Не изъ глупости, какъ главной чершы Посошкова, выведены всѣ смѣшныя шеащральныя его положенія въ опношеніи къ Вельскому и Олинкѣ; но, кажешся, созданы прежде самыя положенія, самая иншрига, а пошомъ уже ихъ невѣрояшность должно было Автору оправдашь глупостью лица дѣйствующаго. Короче сказашь: Авторъ не иншригу выводилъ изъ характеровъ, какъ слѣдуешъ Комику, а напрошивъ, насильшвенною придѣлкою характеровъ оправдываетъ возможность иншриги. Вошь еще шому доказашельство въ шомъ же лицѣ Посошкова. Онъ, какъ видно изъ ссоры его съ Лилѣвымъ и съ Волгинымъ, человекъ задорный, — и эпошь же самый Посошковъ, одураченный Вельскимъ и всѣми, шакъ легко соглашаешся прошишь ему и сыграшь свою ролю. Сшрахъ, что испоршиашъ его піэсу, хопя съ перваго раза поражаетъ зрителя и оправдываетъ въ Посошковѣ возможность такой ушупчивости;

не натянуто, но даже очень ешественно. Я желалъ бы напрошивъ, чтошь онъ опшѣненъ былъ гораздо бѣльшею глупостию, чтошь гораздо бѣльше мечталъ объ Авторской славѣ и жилъ въ своемъ чадномъ мірѣ, — тогда еще легче бы ему было потерашъ невѣшшу въ эшомъ. *М. П.*

же при разсмотрѣннн болѣе холодномъ эта пружина кажешся довольно напннушою.

Въ лицѣ Любской замѣчаемъ мы поже. Она — женщина скупая, но просшая, и имѣешь рѣдкое достоинство передъ своимъ поломъ жены смирной. Эта же самая Любская, копорая всегда шакъ покорно молчишь передъ своимъ мужемъ, въ шу минушу, какъ узнала о побѣгѣ племянницы, кричишь, бѣсишся, нападаешъ на мужа и не даешъ ему выговоришь ни слова. Она могла бы плакати, упрекаши, но шакой шыакнй гнѣвъ не въ ея характерѣ, шочно шакъ какъ не въ свойствѣ ягненка взбѣсншся, когда его разсердиши (*). Характеръ человека преимущественно и долженъ обнаруживашся въ шакихъ случаяхъ, гдѣ возбуждающся всѣ его способности и всѣ нравственныя пружины приходяши въ дѣйствнне. Эта же просшая женщина притворно падаешъ въ

(*) Но и происшествнне шакое, какъ похищеннне племянницы, не въ обыкновенномъ порядкѣ вещей: здѣсь не мудроно измѣнишь своему характеру и шыйти изъ себя.

Я вступаюсь при сихъ двухъ обвиненняхъ за Комика — но ести другня, копорая, по моему мнѣнню, пропущены Рецензентомъ, на примѣръ: внезапное похищеннне племянницы Честоновымъ, копорой не хошьль употребнши никакихъ другихъ средствъ кончиши дѣло въ пользу Вельскаго, — ни переговориши съ Любскимъ при помощи Волгина, ни испыташи самага Посошкова, — очень не естественно; — Вельской черезъ чуръ просшь, онъ не принимаешъ никакихъ мѣръ въ свою пользу, даже не развѣдываешъ ни объ чьей

Сборокъ: пошому говоримъ, припворно, что нельзя иначе объяснить ея скорого изцвленія, когда служанка льепъ на нее о-де-колонь. Всѣ этъ сценны нужны были Автору для эффекта театральнаго, кошорому онъ и принесъ въ жершву характеры лицъ дѣйствующихъ.

Но если мы будемъ смотрѣть на сію Комедию съ другой стороны, а именно со стороны эффекта театральнаго, — то здѣсь мы голосомъ безпристрастія почти все должны хвалишь и удивляшся искусству Комика, какъ онъ изъ шакихъ скудныхъ стихій, каковы характеры лицъ его, могъ сѣздать предспавленіе ишинно комическое, оживленное поспоянно возрастающимъ интересомъ и новыми театральными положеніями.

Бирюлькинъ, актеръ по неволѣ или лучше сказашъ по векселю, Кутерьмина съ своею семейною картиною, встрѣча Волгина съ Посошковымъ, Любской, принужденный идти въ актеры, его шоржественное восклицаніе: *марай!* и даже послѣдняя рѣшимость Посошкова, хотя напянушая, но съ перваго раза поражающая зрителя: все эшо совершенно новыя и прекрасныя приобрѣшенія Русской Талии. Здѣсь обнаруживается въ Авторѣ изобрѣшательное остроуміе,

Его глупостію очень выгодно для Комедіи можно бы есудить Посошкова.

Впрочемъ — можетъ бышь есть обстоятельство, оправдывающія Комика. Видя одинъ разъ піесу, нельзя припедяшь всего. *М. П.*

знаніе сцены и потребностей публики, даже завидное умѣніе пользоваться слабостями послѣдней и наконецъ наблюдательность, показывающая, что Авшоръ вникалъ въ Русскіе нравы и успѣлъ перенести на сцену нѣкоторые опшѣнки, принадлежащіе *нашему* обществу. Правда, что нѣкоторые приемы Комика не новы, такъ на пр. смѣшныя сцены Посошкова, помогающаго Вельскому въ его замыслахъ, напоминающія намъ Любовную почту, и еще древнѣе, интриги Комедій Мольеровыхъ, побѣгъ Вельскаго и Нашаша и проч.; но эти приемы довольно удачно возобновлены Комикомъ. Правда, что форма комедіи, слуга и служанка, играющіе такую важную роль, любовныя интриги, употребленіе монологовъ, не связанныхъ съ цѣлымъ, — все это носитъ еще видимыя опшечашки школы Французской; но при всемъ томъ, сія комедія блещетъ многими Русскими красками, ярко и смѣло наведенными. Не смотря на шестистопные ямбы, на однообразіи размѣра и паденія речей, языкъ ея живъ и весьма близокъ къ разговору общества. Замѣтимъ только, что театръ служитъ богатымъ запасомъ Комику для бесѣды его дѣйствующихъ лицъ, и къ этому общему мѣсту онъ могъ бы прибѣгать рѣже для большаго разнообразія. Наше замѣчаніе оправдывается всѣмъ тѣмъ, что говоритъ Извѣдовъ, и монологами Любскаго и особенно Чеснонова, ис-

всташи приклеенными къ ихъ разговору довольно живому.

Вошь подробный опчешъ о новой Комедіи, справедливо заслужившей вниманіе нашей публики. Мы судили по тому впечатлѣнію, какое произвело на насъ предсщавленіе оной: не можемъ утвердительно сказать, по же ли мы повшоримъ при чщеніи; но намъ кажется, что сія Комедія, по недосщашку характеровъ и по занимательности интриги и положеній театральныхъ, создана болѣе для сцены и скорѣе можетъ понравиться зрителю, нежели читателю. — Авторъ извинишъ насъ, если мы, со всѣмъ уваженіемъ къ его таланту говоря о достоинствѣхъ его комедіи, искренно открывали и недосщашки оной. Нужно ли напоминать ему, что похвала съ порицаніемъ, внушенная безприщрастной любовію къ искусству и основанная на строгихъ законахъ Критики, гораздо пріятнѣе для дарованія истиннаго, чѣмъ голая, неумѣренная похвала, ничѣмъ не доказанная? —

III.

Иностранныя книги.

Статистика Сенскаго Департамента. 1826. Парижъ.

(Сообщено).

Сіе собраніе таблицъ, какъ и прежде, отличаетъ щасливою опдѣлкою, основательностью и точностію. Цѣлью Автора было предложити общее удобоприлагаемое правило, посредствомъ котораго можно бы было назначити предѣлы, въ которыхъ среднія величины должны заключаться. Такимъ образомъ можно будетъ узнать число наблюдений, потребныхъ для достиженія какой либо данной степени опредѣленности. Очевидно, что если употребити въ выкладкѣ о средней долговременности жизни четыре тысячи особыхъ величинъ, то сіе число опредѣлитъ оную съ бѣльшею точностью, нежели только двѣ или три тысячи. Можно пріобрѣсти довольно опредѣленное свѣденіе объ опредѣленности результата, не прибѣгая къ теоріямъ Математическимъ. Достаточно на примѣръ раздѣлитъ на двѣ части сумму величинъ, коихъ предлагается значительное количество, и взять для каждой изъ сихъ частей величину средняго результата. Если таковыя величины весьма мало между собою различаются, то каждую можно основательно считать весьма точною. —

Изъ самой ведомости можно узнать Аналитическія теоріи и Математическія формулы, объ-

ясняющія и доказывающія вышесказанное предложеніе. —

Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ сіи таблицы, есть слѣдующій: *Топографія, народонаселеніе, гражданскія постановленія, земледѣліе, промышленность, мануфактуры и торговля.* —

Т а б л и ц ы 1—4.

Представляютъ результаты Метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Парижѣ въ 1822 и 1823 годахъ, и служатъ продолженіемъ для таблицъ, изданныхъ уже прежде по сему предмету для годовъ 1817, 1818, 1819, 1820, и 1821. Самая высшая температура въ продолженіи сихъ двухъ годовъ простиралась до 33° 75 (по термом. столб.), Іюня 10, 1822 года, и до 31° 2 Августа 26, 1823.; а самая низшая до 8° 7 Декабря 27;—1822 и до 14° 60 Января 14 1823. — Въ 1822 дождь шелъ въ продолженіи 143, а въ 1823 въ продолженіе 169 дней. —

Т а б л и ц ы 5. 6. 7. 8.

Судоходство по Сентъ. Барки, восходящія по Сентъ, платятъ за проездъ мостовъ отъ Севера до Парижа по 380 фр., включая въ сію сумму и пошлины, а употребляютъ на сей проездъ 4½ дня. Низходящія барки вносятъ только 88 фр., и въ пути находятся 1½ день; всего 468 фр. По каналу Сен-Дени имъ будетъ стоить только 773 фр. и 2 дни для проезда. —

Полагаюшь, что по каналу Сен-ен-Сень проходишь будешь 950 барокъ, по каналу Сен-Дени 850, а по каналу Сен-Маршень 1050. —

Т а б л и ц ы 10-21.

Геологія и Минералогія Сенскаго Департаментша. Онъ представляють весьма подробное исчисленіе различныхъ родовъ почвы и всѣхъ камениспыхъ и мепаллическихъ веществъ въ Сенскомъ Департаментшѣ, равно какъ и мѣсто, гдѣ оныя находящся. —

Т а б л и ц ы 22-54.

Народонаселеніе. Число родившихся въ 1822 просширалось до 26,880 чел.
Умершихъ 23,282 —
Бракосочетавшихся 7,157 —
Въ 1823 году число родившихся было. 27,270 —
Умершихъ 24,600 —
Бракосочетавшихся 7,504. —
Число незаконнорожденныхъ въ 1822 было 9,751, а въ 1823—9,806, или почти $\frac{1}{3}$ родившихся. —

Выкидышей въ 1822 было 1,422, а въ 1823,— 1508. — Насильственною смертью въ 1822 умерло 608 человекъ, изъ коихъ 317 самоубійць, а въ 1823—690; въ семь числѣ 390 самоубійць, всего 707. Изъ сего числа около 400 человекъ кончили жизнь ошъ домашнихъ безпокойствъ, ссоръ, болѣзней, нищеты и разстроенныхъ обстоятельство; эшо болѣе положяны. Страсти, любовь, игра и

распушество причиняюшь менѣ самоубійствъ (*).
 Въ продолженіе сихъ двухъ годовъ ошъ оспы умер-
 ло 1768 дѣшей, а безденежно привиша оная 4,445
 человекамъ. — Среднее ежегодное, взяное на де-
 сятильшней сложности, число родившихся про-
 спираешся до 24,224 чел., умершихъ до 22,316,
 бракосочетавшихся до 6,316. — Ошношеніе родив-
 шихся къ бракосочетавшимся ешь 2 : 4. —

Среднее число умершихъ въ больницахъ и бого-
 дѣльняхъ ешь 7,746. —

Въ ошношеніи къ народонаселенію на 10,000 жи-
 телей ежегодно умираеть 308 челов. Касашельно
 пола, ошношеніе мужескаго къ женскому ешь 47:
 53. Вошъ для Парижа пропорціональное число
 родившихся въ каждомъ мѣсяцѣ, основанное на
 долговременныхъ наблюденіяхъ :

Мѣс. рожденія: Февр. Маршъ. Генв. Апр. Сентш. Авг.
 1056. 1010. 1000. 0968. 0941. 0929.

Мѣс. зачатія: Май. Июнь. Апр. Июль. Дек. Нояб.

Мѣс. рожденія: Окш. Май. Нояб. Июль. Июнь. Дек.
 0922. 0915. 0901. 0878. 0862. 0857.

Мѣс. зачатія: Генв. Авг. Февр. Окш. Сентш. Маршъ.
 Пропорціональное число бракосочетаній въ каж-
 домъ мѣсяцѣ года

Февр. Ноябрь. Январь. Май. Октябрь. Июль.

1989. 1206. 1000. 0956. 0888. 0868.

Сентябрь. Июнь. Августъ. Апрель. Маршъ. Декабрь.

0850. 0826. 0799. 0714. 0231. 0132.

(*) Но онь суть вмѣстѣ и источники домашнихъ без-
 покойствъ, о которыхъ говорятся выше.

Т а б л и ц ы 55 и 56.

Городская полиція. Въ продолженіе сихъ двухъ годовъ ушонули и ушопились 552 человекъ (129 мужскаго и 423 женскаго); изъ сего числа 394 умерли а 158 спасены. —

Т а б л и ц а 57.

Публичныя экипажи. 900 фіакровъ, 20 колясокъ, 733 кабриолета, 600 карешъ и 6000 хозяйскихъ кабриолетовъ удовлетворяють нуждамъ жишелей Парижа во внутренности города.

500 кабриолетовъ, 178 Королевскихъ, 306 прошыхъ и 249 малыхъ дилижансовъ ошправляются въ окрестности столицы и служатъ для внутреннего и внѣшняго сообщенія. —

Исчислено, что всѣ сіи дилижансы, учрежденные для внѣшняго сообщенія доставляютъ въ недѣлю 135,667 мѣсць, а въ годъ 7,000,000. Изъ сего числа должно вычестъ $\frac{1}{3}$ для порожнихъ мѣсць, и тогда оно уменьшится до 90,445 въ недѣлю и 4,700,000 въ годъ. —

Т а б л и ц ы 58—63.

Погребенія. Особенная комиссія завѣдываетъ всѣми погребеніями въ столицѣ. Въ ведомствѣ своемъ имѣетъ она 13 похоронныхъ дрогъ, 15 корбильяровъ, 32 праурныя карешы, 8 шелегъ для перевоза вещей, 70 лошадей, 40 кучеровъ, 64 носильщика, 24 распорядителя и одного главнаго смотрителя всѣхъ похоронъ. — Все движимое имущество сей Ко-

миссія оцѣнено въ 171,000 фр., а средній годовой доходъ ея въ 795,000 фр., изъ которыхъ фабрикамъ и консисторіямъ вносятъ она по $72\frac{1}{2}$ на шо. На кладбищахъ: Монмарטרъ на Сѣв., Монпарнасъ на Югѣ и Перъ-ла-Шезъ на Восп., ежегодно погребается ошь 20 до 22 тысячъ мертвыхъ. На первомъ считается до 2650 надгробныхъ камней, на второмъ до 4390, а на третьемъ до 12103. — Гробницъ отличающихся искусственною ошдѣлкою около 1730, изъ коихъ 1434 находятся на кладбищѣ Перъ-ла-Шезъ. Всѣхъ надгробныхъ памятниковъ около 20,878, цѣною на 5,360,000 фр.

Т а б л и ц ы 64. 65.

Судопроизводство. Коммерческій судъ въ печеніе 1822 г. рѣшилъ 21668 шежебныхъ дѣлъ, а въ 1823—26823. —

Въ 1822 было 280 банкротствъ а въ 1823—386; подъ арестъ взяты за долги въ 1822 г. 692 человека, а въ 1823—836. —

Наконецъ съ третьяго года республики до 1823 совѣтъ префектуры Департаменша рѣшилъ 780,000 прошеній, требованій и всякаго рода дѣлъ. —

Т а б л и ц ы 66 — 69.

Конскрипція. Съ 1815 по 1823 кандидатшвъ въ военную службу было 40,576, что среднимъ числомъ составишь 5072 ежегодно. Изъ сего числа 21,248 не приняты за излишкомъ, 11,033 освобождены по шѣлеснымъ недосшаткамъ, а

3013 приняты въ дѣйствительную службу. — На 1000 человекъ съ шѣлесными недоспашками счисляется среднимъ числомъ: 4 глухо-нѣмыхъ, 12 хромыхъ, 113 уродливыхъ, 95 больныхъ глазами, 42 золошущныхъ, 16 чахопочныхъ, 157 слабо сложенія и наконецъ 251 не указнаго роста. На 1000 молодыхъ солдатъ полагають 238 рабшниковъ, 61 башракъ и 709 разнощиковъ. —

Т а б л и ц ы 72 — 84.

Общественныя вспомошествованія. Число немощныхъ, коимъ подана помощь Приказами благошворенія,

Въ 1821 было	77, 192. —
Въ 1822	54, 371. —
Въ 1823	60, 138. —

и того 191, 701 человекъ

раздѣленные на 92, 966 семействъ. —

Сумма, употребленная ими на вспомошествованіе, простирается до 3,678,800 фр.

Въ больницахъ съ 1788 по 1822 число больныхъ умножилось 6,775 челов. Въ 1788 было ихъ 28,855 а нынѣ число сіе возрасло до 35,630. Исчисленіе ума лишенныхъ въ богодѣльняхъ Бисепрь и Сальпетриеръ представляють занимательные результаты. Желательно было бы только, чшобъ онѣ всѣ заключались въ одной таблицѣ, а не въ чешырехъ, какъ сдѣлалъ шо Авшоръ. Для памяти легче было бы удержатъ ихъ. Здѣсь предлагають онѣ въ соединеніи. Съ 1815 по 1820 4,404 ума

лишенныхъ (1763 муж. и 2641 женск. пола) приняты въ богодѣльни Бисетръ и Сальпешриеръ.

Главнѣйшія причины безумства ихъ могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ,

	<i>муж.</i>	<i>женск.</i>
Ошъ болѣзней лишились ума	236	—
Ошъ родовъ	—	189
Ошъ старости и расстройствъ умствен- ныхъ способностей	—	693
Ошъ распуштва	52	101
Ошъ истерики	—	716
Ошъ честолюбія	134	—
Ошъ размышленія овысокихъ предметахъ	54	30
Ошъ любви	76	18
Ошъ несчастныхъ обстоятельствъ	122	87
Ошъ горестей	115	107
Ошъ политическихъ переворошъ .	78	—
Ошъ испуга	—	44

Т а б л и ц ы 85—90.

Потребленіе. Въ 1817 среднее число потребленія Парижа, по десятилѣтней сложности, было 759,000 гекшолпш. вина и 71,400 быковъ. Число сіе въ 1822, 23, 24, увеличилось 148,310 гекшолпш. вина и 5,788 быками. —

Непрестанно говоряшъ о возрастающемъ народонаселеніи Парижа. Среднее число потребленія 1817 года, разочтенное на 714,000 жителей, бывшихъ тогда въ Парижѣ, было 3 унціи, 3 грана мяса и $\frac{1}{2}$ бушылки вина на челошъка.

Исчисляя по сему послѣднему данному, найдешь, что 5780 лишнихъ быковъ предполагаетъ въ народонаселеніи приращеніе 38,000 жителей; а набавокъ расхода вина предполагаетъ приращеніе 170,600 человекъ. Между сими двумя столь различными числами заключеніе, выводимое по расходу мяса, кажется болѣе приближается къ истинѣ. Впрочемъ не худо замѣтишь, что только въ 1822 потребленія столицы представляють ощушительное приращеніе. —

Т а б л и ц а 91.

Мон-Піете. Цѣна и число вещей, заложенныхъ въ Мон-Піете въ года 1822-23-24, можешь быть расположены такъ:

<i>Года</i>	<i>число вещей</i>	<i>цѣна ихъ.</i>
1822 . .	1,113,809 . .	18,390,596.
1823 . .	1,191,620 . .	21,227,084.
1824 . .	1,149,060 . .	19,310,858.
<hr/>		
и того	3,454,489 . .	58,927,782.
	$\frac{1}{2}$ 1,151,496 . .	19,642,577.

На сіи $3\frac{1}{2}$ мил. заложенныхъ вещей 2,80500 о выкуплены, слѣдовательно болѣе $\frac{2}{3}$. Таковой же резульшатъ былъ и въ прошлыхъ годахъ. —

Т а б л и ц ы 92 — 97.

Земледѣліе. Средняя жатва Сенскаго Департаментша въ шеченіе шрехъ лѣтъ была:

Хлѣба	227, 300
Овса	421, 720
Ржи	187, 540

Ячменю 50, 740

Картофелю 352, 400

Въ печеніе 1822 и 1823 годовъ изъ Парижа за границу вывезено поваровъ и разнаго рода вещей, выдѣлываемыхъ въ сей столицѣ, на 72 мил. франковъ, изъ коихъ на 30 мил. шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, на 6 мил. щепетильнаго шовара (mercerie) на 4. мил. галантерейныхъ вещей, на 3 мил. книгъ и на 1 мил. часовъ.

Последнія таблицы (130, 131, 132) показываютъ, что число книгъ, ошпечашанныхъ по большей части въ типографіяхъ столицы, въ печеніе 1824 года простиралось до 5153. —

На 100 ошпечашанныхъ сочиненій приходится :

Богословскихъ 7.

Юридическихъ 6.

До наукъ и искусствъ касающихся 32.

До словесности 33.

Историческихъ 22.

Таблица 130 также любопытна. Считая съ 1821 года число дверей и оконъ было 920238, а въ 1824 возрасло оно до 985177, слѣдовательно ихъ прибавилось 64939. Если сравнить сію разницу съ 8868 числомъ дверей и оконъ на осп. Св. Людовика, то легко можно усмотрѣть, что въ продолженіе трехъ шолько лѣтъ жилья въ Парижѣ увеличилось въ семеро болѣе всего оспрова, а тогда охота строиться все еще была не такъ велика, какъ въ 1825 и 1826 годахъ.

Предполагая 32, среднимъ числомъ, дверей и оконъ
каждаго дома, на сумму, употребленную для покуп-
ки земли и на постройку, въ 80,000 франковъ, ока-
жется, что 64939 лишнихъ оконъ и дверей пред-
полагающихъ 2000 домовъ, цѣною въ 160 милл.
франковъ.

Наконецъ сіе занимательное собраніе таблицъ за-
ключается въдомостью, коей одолжены мы на-
блюдениямъ Г. Шаброля. Сей посвященный санов-
никъ; непрестанно пекущійся объ украшеніи
столицы и здоровьѣ ея жителей, разсуждаетъ
въ оной о средствахъ провести воду въ городъ
и окрестности его. Сія въдомость, замѣчатель-
ная по важности своего содержанія, заслуживаетъ
также вниманіе чинашелей по точности, съ ко-
торою она обработана, и по видамъ общесствен-
ной пользы, которую вездѣ наблюдалъ сочи-
тель. Она содержитъ собраніе полезныхъ, драго-
цѣнныхъ и по сихъ поръ единственныхъ въ сво-
емъ родѣ показаній, которыхъ вѣроятно еще дол-
го останутся шаковыми. —

Изъ Vul. un. (*) Н. П.

(*) Благодаримъ переводчика за доставленіе сей лю-
бопытной статьи. Жаль, что намъ не льзя было
справиться съ подлинникомъ при нѣкоторыхъ выра-
женіяхъ, которыхъ значеніе не опредѣлено еще въ
Русс. языкъ.

Какое обширное поле представляетъ у насъ Сма-
тислика и какъ легко работать по такимъ превос-
ходнымъ образцамъ. Нужно только трудолюбіе, тру-
долюбіе! М. П.

*Lehrbuch der Literaturgeschichte von D. Ludwig Wach-
ler. Leipzig. 1827. Учебная книга Исторіи Лит-
тературы, Л. Ваклера.*

Двоимъ образомъ обыкновенно пишутся Исто-
рии Литтературы. Или сокращаютъ все содержаніе
въ одинъ крашкѣй списокъ отличныхъ писателей съ
ихъ произведеніями, такъ что читатель ни о чемъ
не получаетъ понятія, кромѣ именъ и заглавій;
или стараются объяснить внутреннее достоин-
ство, духъ и направленіе твореній и творцовъ,
и по этому размѣру назначаютъ каждому явленію
приличное мѣсто. Идеаломъ Исторіи Литтерату-
ры былъ бы такой опытъ, въ которомъ соеди-
нились бы обѣ сіи методы; къ сему-то и стре-
мился Авторъ разбираемой нами книги, но онъ
подчинилъ второй способъ первому. Хотя это и
не согласно съ нашимъ образомъ мыслей, но мы
охотно признаемъ относительную необходимость
сочиненія, написаннаго такимъ способомъ. Мате-
ріальное въ Исторіи Литтературы также нужно
какъ и разумное (интеллектуальное), которое
преимущественно обнаруживается въ ясной клас-
сификаціи, важномъ достоинствѣ сего сочиненія.
Со стороны матеріальной мы отдаемъ ему пол-
ное право на совершенство, со стороны духов-
ной пожелаемъ высшей точки зрѣнія, словомъ,
большаго усовершенствованія. Но и здѣсь мы ска-
жемъ одно замѣчаніе. Древняя классическая Лит-
тература, по нашему мнѣнію, представлена

въ объемъ слишкомъ обширномъ для учебной Исторіи Литшературы. Даже разныя изданія твореній древности означены въ оной, тогда какъ произведенія славныхъ писателей новой Литшературы не всѣ поименованы. Въ списокъ послѣднихъ мы не нашли нѣкоторыхъ произведеній, принадлежащихъ даже корифеямъ новой Литшературы, и особенно Нѣмецкой: эта забывчивость несовмѣстна съ тѣмъ уваженіемъ, которое Авторъ обнаруживаетъ ко всякой національной Словесности и въ особенности къ Германской. Алфавитная роспись именъ и твореній весьма къ стати приложена къ сему полезному сочиненію.

Der Koran und die Osmanen im Jahre 1826, von Alexander Müller. Leipzig, 1827. Коранъ и Оттоманы въ 1826 г., соч. А. Мюллера.

При настоящемъ положеніи дѣлъ всякое извѣстіе о религіи, нравахъ, управленіи Турковъ привлекаетъ вниманіе читателей. Въ этомъ отношеніи и сія книга любопытна. Авторъ вообще справедливо поставляетъ религію Могаммеда главнымъ началомъ всего внутренняго образованія Турціи со всеми ея недостатками. Руководствуясь сею мыслию, онъ въ началѣ своей книги изложилъ основанія Могаммеданской вѣры, почерпнувши ихъ изъ самаго Корана. Отсѣлъ выводитъ онъ силу и деспотизмъ Султана, власть государственныхъ чиновниковъ; отсѣлъ объясняетъ, какъ духъ произвола отразился во всѣхъ учрежденіяхъ, законахъ

и проч. Извѣстны свирѣпства и угнетенія Нашей, не подчиненныхъ никакой отвѣтственности; извѣстны всѣ недоспашки гражданскаго учрежденія Турціи, въ кошоромъ личность частнаго чело- вѣка совсѣмъ не ограждена отъ насилія и лихоимства судей корыстолюбивыхъ. — Но должно замѣтить Авшору, что онъ настоящую причину сего зла нашель бы скорѣе и вѣрнѣе, еслибъ обратилъ вниманіе не столько на религію, но на сущность самаго народа, на характеръ его, коимъ онъ такъ рѣзко отличаетъ отъ своихъ Персидскихъ, Арабскихъ и другихъ единовѣрцевъ. Не грубое ли варварство племя, жившихъ охотой и разбоемъ, переданное Туркамъ ихъ предками, было главною виною того, что ихъ религія имѣла столь пагубное вліяніе на всѣ ихъ отношенія житейскія, на нравы, духъ и образованіе? Не были ли Багдадъ, въ царствованіе Аббасидовъ, средоточіемъ просвѣщенія всемірнаго? Гдѣ, если не въ Багдадѣ, въ то время процвѣтали науки, и правители въ число избранныхъ поспавляли тѣхъ только, кои соревновали къ успѣхамъ разума? Гдѣ, если не тамъ, господствовала въ то время сія высокая строгость, въ слѣдствіе кошорой не только Христіане строгими были во множествѣ, но давали имъ великія почести и облекали ихъ важными должностями государственными? Наконецъ и въ позднѣйшіе вѣки не эша грубая и чувственна жизнь Турковъ внушила Импе-

рашору Фридриху II, высоко снорявшему надъ своимъ временемъ, шакую любовь къ искусству, нравамъ и наукамъ народовъ Магометанскихъ. Изъ сего одного не ясно ли видно, въ какой малой степени религія Турковъ можешь почищаться виною упадка ихъ настоящей нравственной и политической жизни? Самая религія сколько же замислуесть ошь характера народа въ цѣломъ и челоуѣка ошдѣльно, сколько самый характеръ ошь религія. Главныя различія народовъ Христіанскихъ равнымъ образомъ имѣющъ начало въ различія характеровъ національныхъ.

Не сморя на односпороннюю почку зрѣнія, эта небольшая книга содержитъ хорощій выборъ извѣстій, связно, ясно и удовлетворительно представляющихъ живую картину внутренняго образованія Турціи. Въ этомъ отношеніи намъ очень понравилось точное описаніе Константинополя.

Red Rover. Aus dem Englischen des Cooper von Gottfried Friedenberg. Drey Bände. Berlin. 1828.
Редъ Роверъ (Красный Корсеръ), сог. Купера, переводъ съ Англійскаго на Нѣмецкій Готфрида Фриденберга. 3 части.

Сей новой романъ извѣснаго Американскаго романиста имѣесть много сходства съ однимъ изъ прежнихъ его романовъ, Пиратомъ. Сцена опять на морѣ, и охотники до разсказа Куперова съ удовольствіемъ увидяшь силу его дарованія въ по-

кой, весьма удачно имъ нарисованной картинѣ. Несмотря на то, не лѣзя не замѣтить, что Куперъ односторонень, немного своенравень, и не всякому роду читашелей можеть нравиться. Его мисшификаціи, кошорыми онъ задерживаетъ любопышство читашеля, его продолжительные разговоры, инымъ покажутся невыносимы, и нешерпѣливый охотникъ до чтенія часто бросаетъ его романы, не дочитавши до того мѣста, гдѣ видны во всемъ блескъ красоты его неопыемлемато искусства. Куперъ всегда останешся пресоходнымъ живописцомъ нравовъ и ландшафтовъ, Въ продолженіи чтенія вы желаете, чтобы онъ былъ короче, чтобы онъ въ большей степени владелъ искусствомъ — въ объемѣ болѣе тѣсномъ, въ чертахъ болѣе рѣзкихъ представлялъ портреты своихъ героевъ и сильнѣе напечатлѣвать ихъ въ нашемъ воображеніи. Но когда прочли вы романъ его, портретъ героя ясно предстоить вашему взору, и вы, забывъ и трудъ и скуку, кошорыхъ стоило чтеніе, сознаѣтесь, что подробности необходимы были для того, чтобы усилишь впечатлѣніе, производимое цѣлымъ.

Новый романъ сходенъ съ Пиратомъ какъ сценною дѣйствіемъ, такъ и таинственнымъ героемъ повѣсти. Поль Джонсъ въ Пиратѣ то же, что здѣсь Редъ Роверъ. На произшествія и на дѣйствіе Куперъ также скупъ здѣсь, какъ и вездѣ. Вся повѣсть основана на одномъ анекдотѣ. Моло-

дой морской офицеръ Англійскаго флота предпринимаетъ намѣреніе поймать хищростию славнаго морскаго разбойника, къ кошорому никакимъ образомъ приступить не возможно. Онъ переодѣвается и попадаетъ къ нему въ службу. Редъ Роверъ перехирилъ молодца, открылъ его измѣну, но поступилъ съ нимъ великодушно и позволилъ ему возвратиться въ отечество съ своей подругой, кошорую послала ему судьба во время его походовъ. Но гораздо важнѣе сихъ происшествій характеры, мастерски изображенныя Куперомъ: они штъ достойнѣе удивленія, чѣмъ, по его обычаю, взяты изъ среды людей полудикихъ. Это родъ собственно принадлежащій Куперу. Образованнымъ Европейцевъ, ученыхъ, дворянъ онъ обыкновенно изображаетъ въ каррикатурѣ; одни Американцы, и между ними преимущественно грубые моряки, земледѣльцы, Индѣйцы, удаются его кисти. Здѣсь, какъ и въ Пиратѣ, онъ развиваетъ живую и выразительную картину характеровъ и нравовъ, почерпнувшихъ изъ морской жизни, начиная отъ Капитана до послѣдняго матроса. Къ этому присоединены богатшыя картины природы. Свое искусство въ ландшафтной живописи Куперъ доказалъ во всѣхъ своихъ романахъ, но преимущественно въ Prairie. Въ новомъ романѣ, какъ въ Пиратѣ, вездѣ одно море Атлантическое, дѣла только въ началѣ и въ концѣ повѣсти мы находимся на твердой землѣ. Между этими живописны-

ми морскими картинами особенно отличающа; бореніе корабля, лежащаго на полныхъ парусахъ, съ бурюю, кораблекрушеніе и морская битва во время шропической бури.

(Изъ М. б.).

L'éducation progressive, ou étude du cours de la vie. Première partie. Étude de la première enfance. Постепенное воспитаніе. О первомъ возрастѣ. Соч. Г-жи Неккеръ де Соссюръ!

Съ нѣкотораго времени щательно изучающъ законы ума человѣческаго; но человѣкъ совершеннолѣтній былъ почти исключительно предметомъ сего изученія. Г-жа Неккеръ, размышляя о воспитаніи, почувствовала необходимость дѣлать наблюденія надъ первыми понятіями людей. Какъ любопытно и занимательно слѣдовашъ съ Авшотромъ за первыми движеніями сей природы, фантастической, которая ускользаетъ, кажется, отъ всякаго анализа; машери особенно могутъ видѣть изъ сей книги, какъ можно пользоваться сими движеніями при воспитаніи.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ X.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Тоска души.

Я пренебрегъ себя, святое вдохновенье!
Прикованный къ землѣ, съ заснувшею душой
Споною шажкою влекусь я за толпой;
Безъ цѣли, безъ препоны, безъ мукъ, безъ на-
слажденья;

Въ часы ничтожнаго шруда,
Въ часы пресшупнаго досуга,
Въ тебѣ искалъ я иногда
И утѣшишеля и друга.
Ко мнѣ на зовъ слетало шы,
И сердца свѣжія мечшы
Мирили вновь меня съ судьбою,
Съ людьми, но не съ самимъ собою.
И мнѣ наскучилъ швой привѣшь,
Какъ сыну роскоши прохладной
Въ минушу сна денницы свѣшь
Живый, блестящій и ошрадный!

№ 10.

9

Такъ правнукъ древнихъ Египтянъ
 Проводитъ шумный караванъ
 Въ пескахъ Аравіи пусшьяной:
 За злою онъ забылъ дѣтей,
 И ласки ихъ любви невинной,
 И кругъ родныхъ, и сонмъ друзей,
 И буйный крикъ грозы военной;
 Забылъ и мечь прошивъ враговъ
 Своей опчизны угнетенной,
 Цѣнѣ дневныхъ своихъ шрудовъ
 Ошдавъ и славу и любовь.
 Ничто его не занимаешь:
 • Онъ шабуны свои счишаешь,
 Онъ весь въ пущынь; но порой
 Онъ видишь прошлое мечшой
 Съ его карающимъ обманомъ,
 И онъ вздохнулъ по спаринѣ;
 Но рогъ звучишь — онъ на конѣ
 И пошянулъ съ караваномъ.
 О рокъ, когда невѣренъ ты,
 То сердцу дай успокоенье:
 Возьми назадъ свое творенье,
 Возьми назадъ мои мечшы.
 Скажи, ужель хопя однажды,
 Не утолю горячей жажды
 Моей тоскующей души?
 Ужель въ бездѣйственной пиши
 Съ душою пылкой, но бессильной,
 Я низойду во мракъ могильной,

Плодовъ надеждъ не соберу,
 И на земли какъ на пиру
 Пребуду праздный постышишь?
 Зачѣмъ же жизнь во мнѣ кипишь?
 Зачѣмъ огонь въ груди горишь?
 Вожаемый онъ — иль обольстишь?

1825.

P.

~~~~~

Русская разбойничья пѣсня.

„Ашаманъ честной,
 Мой отецъ родной,
 Ты пошлешь меня:
 Расскажи шочь въ шочь,
 Какъ вѣнчался ты — въ ночь,
 Иль средь блага дня?

*

— Темна, грозна была ночь,
 Грозный швоего отца,
 Какъ красавицу — дочь
 Я увезъ у купца.
 Не въ Божьемъ дому
 Мы вѣнчался:
 Во сыромъ бору
 Сочетались.
 Не на шепломъ пуху,
 Не въ браномъ пологѣ
 Цѣловались мы:
 Въ пещерѣ лѣсной,

На земль сирой
 Обнимались мы.
 На свадебномъ пиру
 У насъ во бору
 Не свѣчи сіяли, —
 Молніи пылали;
 Ни народъ не пѣлъ,
 Ни музыки не играли, —
 Градь шумѣлъ,
 Небеса гвещали.
 Какъ ша ночь, тошь боръ,
 Темна душа швоя;
 Какъ ша мѳлнїя,
 Твой мечъ осперъ.
 Кровь въ шебъ пыла,
 Какъ лобзанье мое;
 Крѣпка швоя рука,
 Какъ обьяшье мое;
 Не даромъ на врага
 Ты грозѣнь, грозѣнь:
 Ты, буйна голова,
 Подъ грозой рождень. —

„Ашаманъ честной,
 Мой ошець родной,
 Ты мнѣ все разказаль,
 А шого не сказаль,
 Чѣмъ меня спеленаль,
 Какъ меня воздоиль,

Какъ меня воспиталъ
И чему научилъ?»

— Спеленалъ я тебя,
Какъ велѣла судьба:
Шель нищій убогъ'
(Да воздасъ ему Богъ!);
Я одѣжу сорвалъ
Да тебя спеленалъ.
Ты веревкой повѣшь,
На кошорой Жидъ
Въ шу самую вѣсну,
Мной повѣшенъ на сосну.
Мать тебя воздоила
Въ младыя лѣта:
Не млеко въ уста,
Кровь живую почила.
По холоднымъ ночамъ
Рыданьемъ согрѣвала,
По раннимъ ушрамъ
Слезами умывала.
Какъ я волка догналъ
Да шубу съ него снялъ,
Да тебя ей одѣлъ
И младенца пригрѣлъ.
Колыбель швоя
На соснѣ была,
Гдѣ повѣсилъ я
Скупаго Жида.

Качали тебя
 Вѣтры буйные,
 А баюкали
 Громы шумные.
 Какъ ты выросъ въ бору,
 Я училъ тебя добру:
 Звѣремъ жишь подь землѣй,
 Рыбой плышь подь водой,
 Птицей въ воздухѣ лешашь,
 На конѣ въ огонь скакашь. —

„Ашаманъ честной,
 Мой отецъ родной,
 Ты мнѣ все рассказалъ,
 А шого не сказалъ:
 На комъ я женюсь?
 Съ кѣмъ обручусь?“

— Ахъ, дитя мое родное!
 Чувешь решивое:
 Воспитала я швою младость
 Не на брачную радость.
 Мнѣ сказала ворожейка,
 Лихая злодѣйка:
 Чшо тебѣ вѣнчашься
 Съ матерью швоей,
 Чшо тебѣ ласкашья
 У песчаныхъ грудей.

Машерью люди
Землю зовушь;
Земляныя груды
Тебя прижмушь.
Головкой холостною
Ты на нихъ уснешь;
Машь землю рукою,
Какъ невѣсшу, обоймешь,
И навѣки васъ
Закроюшь ошь насъ
Просыней не шелкѣвой,
А сяжелой дубовой.

С. III.

П Р О З А.

Конрадъ Валленродъ.

(Окончаніе).

V.

В о й н а. (13)

Война! — уже Конрадъ не въ силахъ прошивишься ни порывамъ народа, ни настояніямъ совѣща: давно уже вся спрана вопіель о мщеніи за набѣги Липвы, за измѣну Вишовша.

Вишовшъ, который молилъ Орденъ о помощи для возвращенія столицы Виленской, послѣ пира пріяхши въспъ, что скоро вышуняшъ въ поле Крестовосцы, перемѣнилъ свои замыслы, измѣнилъ новой пріязни и тайно увелъ своихъ рыцарей.

Онъ съ подложнымъ приказомъ опъ Магисправошелъ въ замки Тевтонскіе, на пуши лежавшіе, и обезоруживъ спражу, все опуспошилъ огнемъ и мечемъ. Орденъ воспылалъ и спыдомъ и гнѣвомъ, и поднялъ крестовую войну на язычество. Явилась булла; моремъ и сушей шекупшъ безчисленные рои воиновъ, сильные Князья съ дружинами вассаловъ, украсивъ одежды крестомъ червленымъ, — и каждый на шо лишь обрекъ жизнь

свою, чтобы окрестить язычников или уничтожить.

Пошли на Липву — и что же там совершили? Если желаешь знать, — взойди на окопы, взгляни на Липву, когда день вечерѣетъ, — увидишь зарево, кровавою рѣкою пламени обливающее своды небесные: таковы дѣла войнъ наступательныхъ! Не трудно описать ихъ: убійство, грабежъ, пожары и пламя — веселье для толпы безумной; но мудрецъ съ препенемъ познаетъ въ немъ вопіющій гласъ мщенія Божія.

Вѣтры далье и далье разносятъ пожары, рыцари проникаютъ въ самую глубь Литвы; слышно, что осадили Ковно и Вильну, — но наконецъ не спало ни вѣстей, ни пословъ. Уже въ окрестностяхъ не видно пламени, и зарево небесное отдалеется. Напрасно Прусакки изъ страны покоренной ожидаютъ плѣнныхъ и многой добычи; напрасно шлютъ часныхъ гонцовъ за вѣстями: гонцы уѣзжаютъ и не возвращаются. Спрашная неизвѣстность: каждый шеряется въ догадкахъ и радъ бы дождался хоть опчаянія.

Минула осень; зимнія бури шумятъ въ горахъ, засыпаютъ дороги, и снова въ дали небесной засвѣтилось полночное зарево . . . то не пожаръ ли войны?

Виднѣй и виднѣе блескъ пламени: зарево небесное ближе и ближе.

Народъ съ Мариенбурга смотритъ на дорогу, шамъ вдали по снѣгамъ пробирается нѣсколько пущниковъ: кто эпо, Конрадъ? не нашили вожди? какъ ихъ вспрѣшнись? какъ побѣдителей, или какъ бѣглецовъ? Гдѣ оспальныя полки? — Конрадъ поднялъ десницу и указалъ вдали на толпу разсѣянную; ахъ! самый видъ ихъ измѣнилъ уже шайнѣ: бѣгутъ безъ порядка, тонуть въ пучинахъ снѣга, валяшся, шопчуть другъ друга, какъ низкія насѣкомыя, вмѣстѣ гибнущія въ одномъ сосудѣ; взбирающся по шрусамъ, пока новыя толпы воспавшихъ не сбросяшь ихъ опяшь на землю. То влачають еще окоспенѣлыя ноги; шо вдругъ, на бѣгу окованные хладомъ, падушь на пупи; шо подъемля руки, сіи стоящіе шрупы еще указуюшь на градъ, какъ шполбы дорожныя.

Народъ встревоженный, любопытный, выбѣжалъ изъ града; онъ спрашнлся извѣспности и ни о чемъ не спрашивалъ: всѣ собышнія бѣдспвеннаго похода прочель онъ въ очахъ и на лицахъ рыцарей. Мразная смерть висѣла надъ ихъ очами, Гарпія глада высосала кровь изъ лица ихъ. Здѣсь слышны шрубы Липовской погони; шамъ вихоръ разноситъ по равнинѣ клубы снѣ-

га; вдали воешь шощая сная псовъ,
а надъ главами ихъ лешающъ сшада
врановъ.

Все погибло, всѣхъ погубилъ Конрадъ; онъ, прежде сполько славы приобрьшій и оружіемъ и мудросію, въ послѣднюю войну робкій и лѣнливый, не подсперегъ хипрыхъ сѣтей Вишовша, а обманушый слѣпою жаждою мести, загнавши войско въ Липковскія степи, шакъ медленно, шакъ нерадиво осаждалъ Вильну.

Когда испощились запасы и добыча, когда голодь посѣшилъ Нѣмецкій лагерь, а непріятель, разсѣясь во кругъ, уничпожалъ пособія, пересѣкалъ сообщенія, — каждый день умирали ошъ скудости сонни Нѣмцевъ. Ужъ наступило время приступомъ рѣшить войну или помышляшь о благовременномъ опспуцленіи; но Конрадъ, довѣрчивый и спокойный, ѣздилъ на ловлю, или, запершись въ шашрѣ своемъ, замышлялъ шайныя предпріятія и не хошѣлъ допускать вождей къ совѣшу.

И до того просшылъ въ немъ жаръ военный, что, не шрогаясь слезами своего народа, готововаго поднятъ мечъ на его защиту, сложивъ руки на груди, онъ по цѣлымъ днямъ размышлялъ или бесѣдовалъ съ Гальбаномъ. Между шѣмъ

зима жопила снѣга, и Вишовпъ, собравши свѣжія силы, осаждалъ войско, нападалъ на лагерь . . . о какое пышно въ дѣлахъ храбраго Ордена! Великій Магистръ первый ушелъ съ поля брани и, вмѣсто лавровъ и богашой добычи, принесъ вѣсть о побѣдахъ Липвы.

Видѣли вы, когда съ шого побоища онъ привелъ домой войско спрашилищъ? Угрюмая печаль мрачиль чело его, червь грусти извивается по лицу, Конрадъ спрадаеть, — но взгляни ему въ очи: сія большая, полуоткрытая зѣница мечеть изрѣдка свѣплые взоры: шакъ комета, грозящая войнами, каждый мигъ измѣняется; шакъ ночной блескъ, коимъ дьяволъ манилъ пупника. Свирѣпость и радость, слышныя вмѣстѣ, какимъ-шо адскимъ огнемъ блисшали въ его взорѣ.

И страхъ и ропотъ въ народѣ: Конраду нѣшь заботы. Онъ созвалъ на совѣшъ недовольныхъ рыцарей, взглянулъ, промолвилъ, далъ знакъ — о срамъ! Слушающъ внимашельно и каждый ему вѣришь; въ просшупкахъ челоуѣка видяшь волю Божию, но кого не увѣришь боязнь? Спой, гордый властитель! ешь судъ и на себя. Я знаю въ Маріенбургѣ подземное мѣшо: шамъ, когда ночь покрываетъ мракомъ городъ, шамъ сходяшся на совѣшъ шайное судилище (14).

Тамъ одна лампада на сводѣ залы
 глѣдѣла и днемъ и ночью; двѣнадцать
 кресель стояли около престола, на
 престола тайная книга законовъ; во-
 кругъ сидѣли двѣнадцать судей; всѣ
 въ черныхъ одеждахъ: ихъ лица замкну-
 ты масками; въ подземельѣ укрылись
 они отъ толпы народной, а масками
 скрываются другъ отъ друга.

Всѣ добровольно, единодушно по-
 жались карать пресупленія своихъ
 могучихъ властителей, слишкомъ соб-
 лазнительныя или ушаченныя отъ свѣ-
 та. Лишь только рѣшится послѣдній
 приговоръ, — нѣтъ прощенія и брату
 родному; каждый обязанъ насиліемъ или
 измѣною совершить казнь надъ винов-
 нымъ: кинжалы въ рукахъ у нихъ, ме-
 чи у бедра.

Одинъ изъ сокровенныхъ приближил-
 ся къ престолу, и спавъ съ мечемъ предъ
 книгой успава, произнесъ: „Страшные
 судіи! подозрѣнія наши подтверждены
 доводами: человекъ, именующій себя
 Конрадомъ Валленродомъ, не Валленродъ.
 Кто онъ? — неизвѣстно; тому назадъ
 двѣнадцать лѣтъ, невѣдомо откуда, при-
 былъ онъ въ страны надрейскія. Ког-
 да Графъ Валленродъ шелъ въ Палестину,
 онъ былъ въ его свитѣ, носилъ
 одежду оруженосца. Вскорѣ рыцарь Вал-
 ленродъ гдѣ-то погибъ безъ вѣсти; сей

оруженосецъ , подозрѣваемый въ его убійствѣ , тайно ушелъ изъ Палестины и приплыль къ берегамъ Испанскимъ. Тамъ въ битвахъ съ Маврами онъ показалъ свою храбрость и на турнирахъ приобрѣль многія награды; но вездѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Валленрода. Наконецъ онъ произнесъ обѣщаніе инока и сдѣлался Магистромъ на пагубу Ордена. Какъ управлялъ онъ , вы знаете; въ послѣднюю зиму , когда сражались мы съ мразомъ , голодомъ и Липвою , Конрадъ одинъ уѣзжалъ въ лѣса и дубравы и тамъ имѣлъ тайные переговоры съ Вишовномъ. Мои соглядатаи давно слѣдятъ его поступки , разъ вечеромъ , скрылись они подъ угольною башнею и не поняли того , что Конрадъ говорилъ съ зашворницей; но , суди! онъ говорилъ на языкѣ Липовскомъ. Разсмотрѣвъ , что вѣспники тайныхъ судовъ донесли намъ недавно о семь челоуѣкѣ , что о чемъ тогда же извѣстилъ меня мой соглядатаи и что едва ли не подтверждаетъ молва всенародная , — суди! я обвиняю Магистра въ обманѣ , убійствѣ , ереси , измѣнѣ.“

Тутъ обвинитель палъ на колѣна передъ книгою Ордена и , положивъ руку на крестъ , клятвою утвердилъ истину обвиненія и клялся именемъ Бога и мученіями Спасителя.

Умолкъ. Судьи разбирають дѣло; но не слышно голосовъ, ни даже шопота: однимъ движеніемъ очей или наклоненіемъ головы выражаютъ они какую-то глубокую, грозную мысль. Каждый по очереди подходилъ къ прону, оспріемъ книжала перебиралъ листы въ книгѣ Ордена, читалъ про себя законы, спрашивалъ мнѣнія у одной своей совѣспи, размыслилъ, прижалъ руку къ сердцу, и всѣ единогласно завопили: горе! — и прикрашнымъ эхомъ повшорили спѣсны: горе! — въ семь одномъ, одномъ шолько словѣ заключался цѣлый приговоръ; судьи поняли другъ друга, вознесли вверхъ двѣнадцать мечей, но всѣ они были направлены въ единую грудь Конрада; вышли въ молчаніи, но спѣсны еще разъ повшорили за ними: горе!

* * *

Прощаніе.

Зимнее утро; бушуетъ вихрь и сыплетъ снѣгъ; Валленродъ лепитъ сквозь вихоръ и снѣгъ, спалъ у береговъ озера, зовешъ и ударяешъ мечемъ въ спѣсны башни. „Альдона, мы живы, Альдона! Твой милый возвратился, совершенны обѣшы, они погибли, все исполнено.“

Затворница.

Альфъ? да, это его голосъ? мой Альфъ, мой милый, какъ? уже миръ? шы

возвращился здоровъ? ны не уѣдешь болѣе?

Конрадъ.

О, ради самаго Бога, не спрашивай ни о чемъ; слушай, моя милая, слушай и береги каждое слово. Они погибли: видишь эти пожары? Видишь? ипо Литва буншуетъ въ краяхъ Нѣмецкихъ; во сто лѣтъ Ордену не залѣчишь ранъ своихъ. Я попалъ въ сердце споглавному спрашилицу; ужъ нѣтъ казны — испочника ихъ силы: сгорѣли города, пролилось море крови, я свершилитель, я исполнилъ кляпву: самъ адъ не изобрѣшетъ ужаснѣйшаго мщенія. Не желаю болѣе: я человекъ!

Я провелъ младость въ безчестныхъ обманахъ, въ кровавыхъ разбояхъ; нынѣ я захирѣлъ опъ лѣтъ, измѣны мнѣ скучны, я не способенъ къ бою, будетъ мшишь, вѣдь и Нѣмцы люди. Богъ просвѣшилъ меня; я возвращаюсь изъ Литвы; я видѣлъ шѣ мѣста, видѣлъ и швой замокъ; Ковенскій замокъ — однѣ шолько развалины; я опвращилъ очи, побѣжалъ скоро, бѣгомъ къ шой, къ нашей долинь. Тамъ все какъ прежде! шѣ же рощицы, шѣ же цвѣшны; все какъ было въ шопѣ вечеръ, давно, давно, когда мы проспались съ долиною. Ахъ! мнѣ казалось, что это было вчера! Камень... шы помнишь шопѣ камень высокій, которъй

нѣкогда былъ цѣлю нашихъ прогулокъ? онъ спойтъ и шеперь, только заросъ мохомъ, едва я могъ его замѣнить: шакъ покрытъ онъ правою. Я оборвалъ праву, оросилъ его слезами. И дерновую скамью, гдѣ въ лѣтній зной пы любила опдыхать въ тѣни яворовъ, и родникъ, откуда я черпалъ тебѣ воду: все, все открылъ я, осмошрѣлъ, обошелъ. Даже не пронунтъ швой маленькій садикъ, который я обсадилъ сухими вербами. Какое чудо, Альдона! я самъ своею рукою вбилъ эшъ сухія вербы въ сухой песокъ, — шеперь ихъ не узнаешь: выросли прекрасныя деревья, всѣ одѣты въ весеннія листья и на нихъ развѣвается пухъ молодыхъ цвѣтовъ. Ахъ! при видѣ ихъ, непонятная опрада, предчувствіе счастья оживило сердце; цѣлуя вербы, я палъ на колѣна и воскликнулъ: „Боже мой, да совершится, да оживемъ мы вновь, возвращенные въ родимый край, на ниву Лишовскую; да снова листьями надежды зацвѣшеть и наша доля!“

Да, возвратимся! согласись! я имѣю власть въ Орденъ; прикажу опворить, но къ чему приказанія? Хотябъ сіи враша были во сто разъ шверже спали, я выломлю, выбью ихъ. Тамъ, о милая! я поведу тебѣ къ нашей долинь, понесу на рукахъ, или поидемъ далѣе; ешь

въ Липтѣв пущыни, естъ глухія шѣни
лѣсовъ бѣловѣжскихъ, куда не доспига-
ють ни звукъ чуждаго оружія, ни гор-
дые крики побѣдителей, ни споны на-
шихъ побѣжденныхъ брашъевъ. Тамъ въ
пріющѣ шихаго, пастушескаго жилища,
на швоихъ рукахъ, у груди швоей за-
буду, что естъ на свѣшѣ народы, что
естъ какой-шо мѣръ . . . . будемъ жить
для себя. Возвратись, скажи, дай
слово.“ — Альдона молчала, Кон-
радъ умолкъ и ждалъ ошвѣша. Вдругъ
кровавая заря блеснула на небѣ: „Альдона,
ради Бога! упрю предупредишь насъ,
проснушся люди и спража насъ удерж-
жишь; Альдона!“ . . . воскликнулъ онъ,
дрожа ошъ неперпѣнія, не спало го-
лоса, молилъ ее очами, и ломая руки,
воздѣвалъ ихъ къ небу, палъ на колѣна,
и умоляя о милосердіи, обнималъ, цѣ-
ловалъ стѣны хладной башни.

„Ныль, прошла ужъ пора — сказала
Альдона печальнымъ, но спокойнымъ
голосомъ, — Богъ даешъ мнѣ силы, Ожъ
защипишь меня ошъ послѣдняго удара.
Входя сюда, я поклялась у порога сойти
съ башни развѣ въ одну могилу. Я бо-
ролась съ собою; но нынѣ шы, другъ
мой, шы подвигаешь меня пропшву Бо-
га. Ты хочешь возвратишь свѣшу, —
кого? шощее привидѣніе. Подумай, ахъ,
подумай, если я, безумная, склонюсь

на твою просьбу, если покину сію пещеру, а ты не узнаешь меня, ты не скажешь мнѣ привѣта, обратишь очи и съ ужасомъ спросишь: уже ли эшопъ спрашный мершвецъ — моя Альдона? — и будешь искать въ погасшемъ взорѣ, и на лицѣ, кошорое . . . . ахъ! одна мысль поражаетъ . . . . нѣтъ, шощая затворница да не помрачитъ никогда въ умѣ твоемъ лица прекрасной Альдоны.

„Я сама — проси мнѣ, любезный, это признаніе — когда луна блеснетъ живѣйшимъ свѣтомъ и я услышу твоего голоса, я сама прячусь за стѣны и не хочу тебя видѣть вблизи, другъ сердца. Можетъ быть ты шеперь не шощь, каковъ былъ, помнишь, въ прежніе года, когда ты вѣхалъ въ замокъ съ нашими воинами. Доселѣ ты сохранилъ въ сердцѣ моемъ тѣ самыя очи, лице и шощунъ и одежду. Такъ прекрасный шощылекъ, шощонувъ въ яшарѣ, на вѣки сохраняетъ въ немъ свой образъ. Альфъ, намъ лучше ошощаться такими, какими были прежде, какими снова соединимся, — но уже не здѣсь.

„Ошощавимъ шощастливцамъ прекрасныя долины; я люблю свое каменное уединеніе: съ меня довольно и шощого шощастія, шощобы знать шощебя въ живыхъ, шощобы съ каждымъ вечеромъ слышать твой

милый голосъ. И въ этомъ уединеніи можно, дорогой Альфъ, можно бы усладить всѣ спраданія: забудь навсегда измѣны, убійства, пожары; спарайся чаще и ранѣ приходишь ко мнѣ.

„Послушай — что еслибы ты кругомъ равнины насадилъ такую же рощицу, и перевезъ свои любимыя вербы и цвѣшы, и даже шопъ камень съ долины? Порою дѣши изъ ближняго села спануть приходишь на игры въ кругъ деревьевъ опеческихъ; пускай, вплепая въ вѣнокъ родимыя правы, пропоюшь Липовскія пѣсни. Пѣсня родная поможетъ мечтѣ; она нашлетъ сны о Литвѣ, о шебѣ; а потомъ, по моей кончинѣ, пускай онъ поюшь ихъ и на гробъ Альфа.“

Альфъ уже не слыхалъ ее: онъ бродилъ по дикому берегу безъ цѣли, безъ мысли, безъ желанія. То гора льдовъ, то пущыня манишь его: среди дикихъ каршинъ, въ насильспивенномъ бѣгѣ онъ находилъ какую-то усладу, — упомленіе. Тяжко ему, душно ему въ зимнюю непогоду; онъ сорвалъ плащъ, панцырь, распоргъ одежду, и все сбросилъ съ груди, кромъ гореспи.

Съ зарею онъ очутился на городскомъ окопѣ, увидѣлъ чью-то шѣнь, оспановился, смошришь, шѣнь удаляешся и шихими шагами спупаешъ по снѣгу, и вопъ . . . . пропала въ окопахъ;

только слышенъ голосъ : горе , горе , горе !

Сей звукъ пробудилъ Альфа ; онъ изумился , подумалъ минушу — и все понялъ . Вынимаешь мечъ , бросаешься въ разныя стороны , ищешь безпокойнымъ взоромъ ; все пусто вокругъ , лишь только снѣгъ валилъ клубами черезъ поля , да шумѣлъ сѣверный вѣтръ . Онъ взглянулъ на берега , останоуился въ превогѣ , и наконецъ тихимъ , невѣрнымъ шагомъ побрелъ снова подь башню Альдоны .

Онъ завидѣлъ ее издали , она была еще у окна . — „Добрый день , воскликнулъ онъ , столько лѣтъ уже мы видѣлись съ побою въ одну ночную пору ; нынѣ — добрый день , — какое сладкое предвѣстіе ! въ первый разъ — добрый день послѣ сподь многихъ лѣтъ.“

Альдоны .

Что до предвѣщаній ? прости ; другъ мой ! — уже слишкомъ свѣтло ; если тебя узнаюшь . . . . полно уговаривать . — Прости до вечера , не могу , не хочу къ тебѣ выдти ,

Альфа .

Прошло ужъ время ! Знаешь ли , о чемъ прошу тебя ? Сбрось мнѣ вѣпку . . . нѣтъ , у тебя нѣтъ цѣпковъ , — хопя нищку съ одежды , хопя повязку съ головы швоей или камышекъ изъ

ешънъ твоей башни. Вручи мнѣ сегодня — на завтра не каждый надеется — вручи мнѣ на память свѣжій даръ, который еще нынѣ былъ бы на груди твоей, на которомъ еще горѣла бы твоя свѣплая слеза. Передъ смертью хочу приложиться съ нимъ послѣднимъ словомъ; я долженъ умереть — насиліемъ; погибнемъ же вмѣстѣ. Видишь ту близкую башню передъ городомъ; тамъ буду я жить; вмѣсто знака въ каждое утро, я вывѣшу черный плапокъ у окна, каждый вечеръ зажгу лампу у рѣшетки; не своди очей съ той башни; если сброшу плапокъ, если лампа погаснетъ прежде вечера, — запри окно твое; можешь быть уже не приду болѣе.

Проси. "... Онъ удалился и исчезъ; навѣсясь на рѣшетку, еще глядѣла Альдона. Утро минуло, заходило солнце; а еще долго въ окнѣ видна была ея бѣлая одежда, играющая съ вѣтромъ, и къ землѣ пропавшья руки.

„Наконецъ оно скрылось, — сказалъ Альфъ Гальбану, указывая на солнце изъ окна своей башни, гдѣ, запершись ошь самаго утра, онъ сидѣлъ, смотря на окна затворницы, — дай мнѣ плащъ, саблю, прости, вѣрный слуга, пойду къ башнѣ, — прощай надолго, можешь быть на вѣки; слушай, Гальбанъ, если

завтра на разсвѣтъ я не возвращусь, оставь се жилище. Я хочу, я хотѣлъ бы еще поручить тебѣ что нибудь.... о какъ я одинокъ! подъ небомъ и въ небѣ нѣтъ нигдѣ никого, кому бы могъ я промолвить слово въ минушу кончины, кромѣ ея и себя. Прости, Гальбанъ, она узнаешь, ты сбросишь плащокъ, если завтра ушрешь... Но что это? слышишь? ... спучашь въ во-роша.“

Кто идетъ? — прикрашны прокричалъ придверникъ; горе! воскликнуло нѣсколько дикихъ голосовъ. Видно, что спражь не могъ пропивившися, и ворота не вынесли шажкихъ ударовъ. Уже толпа обѣжала нижнія галлерей, уже по желѣзной вишой лѣспницѣ, ведущей въ жилище Валленрода, раздаются топотъ вооруженныхъ. Альфъ запоромъ заслонилъ двери, вынулъ мечъ, взялъ со стола кубокъ, приблизился къ окну, — свершилось, воскликнулъ онъ, налилъ и выпилъ, — спарець! за швое здравіе!

Гальбанъ поблѣднѣлъ, рука его порывалась опрокинуть кубокъ, но онъ удержался, подумалъ; ближе и ближе слышались за дверями шаги; руки его опустились, — шакъ это они.... они здѣсь.

„Спарецъ! понимаешь ли, что значить шумъ сей? О чемъ же думаешь? Кубокъ

твоей наливъ, мой осушенъ; старецъ! за твое здоровье," Въ безмолвіи опоча- ній глядѣль на него Гальбанъ.

„Нѣтъ, я переживу и себя, сынъ мой! хочу закрыть твои вѣжды, буду жить для того, чтобы сохранилъ свѣ- ту славу твоего подвига и передашь его вѣкамъ. Обѣгу сѣла, замки и города Липвы; куда самъ не дойду, долешишь пѣснь моя; бардъ будешь пѣль ее въ бояхъ для рыцарей, а мать дома для дѣшей своихъ; да, ее спанушь пѣшь, и придетъ время, когда пѣснь сія вы- зовенъ мшишеля кошей нашихъ ...“ Альфъ палъ со слезами на перила окна, и долго, долго смопрѣль на башню, какъ будшо желая въ послѣдній разъ нагля- дѣться на милое зрѣлище. Онъ обнялъ Гальбана; они влили свои вздохи въ по- слѣднемъ тихомъ, но продолжительномъ объятіи; уже спалъ спучитъ у запо- ровъ, входяшь и по имени зовушь Альфа.

„Измѣнникъ! голова твоя нынѣ па- дешъ подъ мечемъ, кайся во грѣхахъ, готовься къ смерти; вошь старецъ — духовникъ Ордена; очисти свою душу и умри въ примѣрь другимъ.“

Альфъ вспрѣшилъ ихъ съ обнажен- нымъ мечемъ; но вдругъ сталъ блѣд- нѣшь, ослабѣль, зашатался, облоко-

шился на окно, и кидая вокруг гордые взгляды, сорвалъ плащъ, бросилъ на землю знаменіе Магистра и топталъ его ногами съ усмѣшкой презрѣнія. „Вошь грѣхи моей жизни! я гошовъ умереть, чегожь хотите болѣе? Не пришли ли вы ужь претовашъ опчета въ моему правленію? Взгляните на тысячи погибшихъ, на развалины городовъ, на пылающія села. Слышите вихоръ? онъ гонитъ шучи снѣговъ: шамъ мерзнушь останки вашихъ воиновъ. Слышите? воюшь спай голодныхъ псовъ: они грызущся за останки пира. Я свершилъ сего; какъ же великъ я! горжусь: сполько головъ гидры сразилъ однимъ ударомъ! какъ Самсонъ попрысь единый сполпъ, и сокрушилъ цѣлое зданіе и палъ подъ нимъ.“

Сказалъ, взглянулъ въ окно и палъ безъ чувства; но прежде нежели палъ, онъ бросилъ лампу съ окна; прикраты соверчивъ блестящій кругъ, она ложилъ передъ челомъ Конрада; въ разлитой влагѣ шлѣетъ сердце огнистое, но глубже и глубже шонетъ и темнѣетъ; наконецъ, какъ будто въ знакъ кончины, она распочаетъ послѣдній, великій кругъ свѣта, и внезапный блескъ озарилъ очи Альфа, уже поблѣвшія, — и свѣтъ погасъ.

И въ шоже мгновеніе пробилъ спѣны башни крикъ внезапный, сильный, шо просяжный, шо прерывистый, — изъ чьей же онъ груди? вы опгадаете; а еслибъ кто его слышалъ, шошь вѣрно сказалъ бы, что грудь, издававшая такой спонъ, никогда не произнесетъ уже звука. Въ шошь звукъ былъ опголосокъ цѣлой жизни.

Такъ спруны люшны опъ сильного удара загремятъ и порвущя: въ смѣшанныхъ звукахъ думаешь слышаешь начало пѣсни, но никому ужъ не допѣшь конца ея.

Такова моя пѣснь о судьбѣ Альдоны: пусть Ангель музыки допоешь ее въ небесахъ, а нѣжный слушапель въ душѣ своей,

S., III.

Примѣтанія къ Валленроду.

(13) стран. 124. Картина сей войны списана съ преданій историческихъ.

(14) стран. 128. Въ средніе вѣки, когда сильные Герцоги и Бароны позволяли себѣ ненаказанно великія пресшупленія, когда обыкновенныя судилища были слабы для ихъ усмирения, составилось шайное брѣштво, коего члены, не зная другъ друга,

длѣшвенно обязывались наказывать виновныхъ, не щадя ни друзей, ни родныхъ. Немедленно по произнесеніи смершнаго приговора шайными судіями, извѣщали о томъ осужденнаго, восклицая подъ его окнами или гдѣ нибудь въ его присущствіи: *горе!* Сіе слово, прикрасно произнесенное, служило предостереженіемъ; услышавшій сію роковую вѣсть, гошовился къ смерти, которую, хоша неожиданно, но непременно онъ долженъ былъ получить ошъ руки неизвѣстной. Тайный судъ назывался еще судомъ Веспфальскимъ или *Wesphalgericht*. Трудно опредѣлишь время его основанія; нѣкоторые приписываютъ оное Карлу Великому. Сначала такое учрежденіе было необходимо, но въ послѣдствіи оно дало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, и правительсва должны были не разъ вооружаться прошивъ самыхъ же судей, прежде нежели эшотъ судъ былъ со всѣмъ уничтоженъ.

(Отрывокъ изъ Исторіи Оттоманской Имперіи, изданной Гаммеромъ въ прошломъ 1827 году.)

(Продолженіе.)

Строеніе продолжалось непрерывно и полиника Византійскаго Императора приняла направленіе совершенно противное прежнему: мѣсто безсильныхъ

угрозъ заняли мольбы унижительныя. Онъ отправилъ пословъ съ просьбою о спрѣжъ, которая бы, при наступавшей жажѣ, охраняла поля въ селеніяхъ по Воснору лежащихъ, отъ опустошеній Турецкихъ. Въ то же время прислалъ онъ ежедневно отборныя яства и напитки къ Султанскому столу. Султанъ, вмѣсто того чтобы исполнить просьбу и за вѣжливостъ отплачивать вѣжливостію, издалъ повелѣніе, да не осмѣлился никто препятствовать его войскамъ пастись своихъ лошадей, ослонь и прочихъ вьючныхъ животныхъ на Греческихъ пажитяхъ, а въ случаѣ сопротивленія сила будетъ опражена силою. Въ слѣдствіе сего сынъ Исфендіера, (женатый на сестрѣ Султана), изъ Адрамиша (нынѣ Едремидъ), переведенный въ Европу, опустошилъ сады и пажити около Епибаша (нынѣ Бивадось) своими шпадами. Одинъ Турецкой конюхъ убилъ при этомъ случаѣ Грека, которому помогли его соотечественники, началась схватка, и нѣсколько Турокъ и Грековъ осталось на мѣстѣ (а). Кіярбегъ (Министръ внутреннихъ дѣлъ) представилъ о семъ происшествіи донесеніе Могаммеду, и онъ

(а) Дука XXXIV. с. 137. Кіярбегъ называется *Кауи-аперу*.

въ наказаніе велѣлъ разорить Епибапскихъ жипелей. Турки напали на тамошнихъ жнецовъ, когда тѣ поутру выходили на поле, и такимъ образомъ въ Іюнь мѣсяцъ (1452) (а) началась послѣдняя война Византійскаго Царства. Императоръ велѣлъ запереть градскія ворота и започить всѣхъ Турковъ, внутри оныхъ находившихся. Между ними было нѣсколько молодыхъ Евнуховъ изъ Султанскаго Гарема; пронувшій ихъ предсказаніями, что они лишены будутъ жизни Султаномъ, если возвращаютъ имъ свободу не теперь, а послѣ, Императоръ отпустилъ ихъ на прешій день; въ тоже время Греческіе посланники возвѣстили Султану: „что Императоръ ищетъ своего прибѣжища у Бога, касательно судьбы города, коего врага, по нарушеніи мира, онъ запираетъ и коего жипелей будетъ защищать по силамъ, если Небо не внушитъ Султану миролюбивыхъ чувствованій.“ Могаммедъ, не заботясь объ извиненіи или предлогѣ, объявилъ поспѣхъ войну, и Константинъ заперъ ворота города, въ коемъ уже въ продолженіи шести мѣсяцевъ онъ собиралъ хлѣбъ (б). Между тѣмъ крѣпость Вос-

---

(а) Францесъ К. III. г. 3. Изданіе Алтера с. 52.

(б) Дука XXXIV. с. 138.

порская была кончена Могаммедъ назвалъ ее Богаскезепъ, т. е. устьеръзъ, потому что она находилась при устьѣ канала, и какъ бы переръзываетъ существо по оному (а). — Греки, которыми Турецкое слово Богасъ (устье) слышалось какъ башъ (голова), и которые уже привыкли къ головоръзю, подумали, что крѣпость названа головоръзомъ (б); погречески назвали ее Лаймокопась (в), потому что здѣсь волны Воспорскіе ударяются о Гермейскій мысъ. Начальникомъ поспановленъ былъ Фирусага надъ 400 Янычаровъ съ повелѣніемъ удерживать корабли всѣхъ народовъ и не пропускавъ безъ собранія съ нихъ назначенной пошлины. Чтобы исполнить сіе повелѣніе и имѣть господство надъ Воспоромъ, начальникъ поспавилъ пушки Халила Паши огромной величины на башнѣ, къ самому морю лежащей. 28 Августа отправился отсюда Могаммедъ, приблизился къ городскимъ рвамъ для осмотра рѣнія, и 1 Сентября возвратился въ Адрианополь. (г).

(а) Сеадединъ у Братунтти II. 130. Bogas chiezeci.
Нешри л. 196 Aali. Ssolacsade.

(б) Павхевен Дука XXXIV. с. 135.

(в) *Λαίμοκοπας* Халкондила к. VIII сначала.

(г) Франдесъ к. III. г. 3. с. 52.

Чтобъ воспреняшиспвовашь Деспошамъ, Димитрію и Оомъ, владѣвшимъ въ Пелопонессѣ, помогашъ своему брашу Императору Конспаншину и городу, Могаммедъ при насшупленіи осени послалъ Турахана, Беглербега, посѣдѣшаго въ опустошеніяхъ Пелопонесса, съ двумя его сыновьями, Ахмедомъ и Омаромъ (а), на полуоспровъ. Они ворвались черезъ перешеекъ и Коринѣъ, проникли съ огнемъ и мечемъ въ Аркадію, — чрезъ Тегею и Мантиніею до горы Итومه, и до Кризенекаго залива, взяли Неополихне (нынѣ Неокаспронъ) и осадили безъ успѣха Сидерополихне (нынѣ Сидеркаспронъ). Отсюда опрядъ войскъ подъ предводительствомъ Ахмеда, Тураханова сына, опсправился въ Леоншари. Дорбгою Греки напали на него, разбили, и сына Тураханова опсправили плѣнникомъ къ Деспоту Димитрію въ Спаршу (б). Во время сихъ дѣйствій въ Пелопонессѣ Могаммедъ въ Адрианополѣ занимался безпреспанно пригошвленіями къ осадѣ. Лѣшомъ, крѣпость Воспорская была опспроена, Венгерскій лишейщикъ, по имени Орбанъ (а) перешель изъ Им-

(а) *Λχοματης* и *Λιαβ* Францесъ III. 3. с. 52.

(б) Онъ же. Халкондила К. VIII.

(в) то *γενοσ Οйууροσ* Дука XXXV. у Халкондилы *Ορбанωσ* *Λαξ* то *γενοσ* по комической опечашкѣ у Гиббона находшся вмѣсто а *Dace. or Ungarian* а *Dace.*

ператорской службы къ Султану, который осыпалъ его дарами, и назначилъ ему такое богатое жалованье, что, если бы Византійскіе Министры дали ему четвертую долю онаго, то онъ никогда не выхалъ бы изъ Константинополя (а). Могаммедъ спросилъ его, въ состояніи ли онъ вылить такую пушку, которая бы могла потрясти Константинопольскія стѣны. Я могу, отвѣчалъ Венгерскій мастеръ, лишь пушки какого угодно калибра, и въ прахъ разбишь стѣны Константинополя и Вавилона (б); ручаюсь за свое искусство, но не могу опредѣлить, сколь далеко возьмешь выстрѣлъ. Султанъ велѣлъ начать лишь, предоставляя времени рѣшеніе о прочемъ.

Орбанъ на пробу вылилъ большую пушку для береговой башни въ новой крѣпости, а выстрѣлы испытали на первомъ плившемъ кораблѣ, которой и парусовъ собралъ не успѣлъ. Венеціанскій корабль, подъ начальствомъ Капишана Риччи, послужилъ цѣлью и доказательствомъ, что пушка вылила хорошо и выстрѣлы удачны. Корабль

(а) Дука.

(б) *каг то бабулѡна тегн*, можешь быть Орбанъ намѣкалъ на Вавилонскую или на Багдадскую башню (*turris Bastatinea*), которая находилась въ Константинополѣ близъ востокъ Святаго Романа.

былъ разбишь и пошопленъ. Капипанъ съ тридцатью человекъми спасся на челнокъ изъ волнъ ревѣвшей стихии, но попалъ на берегу въ руки гарнизона крѣпости. Въ цѣпяхъ, они были опведены въ Дидимонихъ къ Султану, который велѣлъ отрубить имъ головы, Капипана посадилъ на колъ, и трупъ оставилъ безъ погребенія. Такъ видѣлъ ихъ Испорикъ Дука (а), находившійся въ тошъ день въ Дидимонихъ: Могаймедъ, довольный искусствомъ липейщика и успѣхомъ пробнаго выстрѣла, повелѣлъ вылить огромнѣйшую осадную пушку, вдвое больше прежней, огромнѣйшую изъ всѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Испорія пушекъ и осадъ. Она стрѣляла каменными ядрами въ двѣнадцать пяденей окружности и двѣнадцать центнеровъ вѣсомъ. Пятидесять паръ быковъ едва могли сдвинуть ее съ мѣста, семь сошь человекъ были опредѣлены для управленія ею. По окончаніи липейя, была она перевезена въ Адрианополь къ вратамъ новаго высокаго дворца, только что оконченнаго, который называется Дшиганума, ш. е. всемірное позорище, и заряжена съ большимъ трудомъ. Жителямъ города объявили, что на слѣдующее утро изъ нея будутъ стрѣлять,

---

(а) Дука XXXV. стр. 139.

ибо опасались, чтобъ они, безъ преду-
 прежденія, ошъ ужаснаго удара не ли-
 шились языка, а беременныя женщины
 не выкинули прежде времени. Насташь
 упрю, прикладывающъ фишиль, поро-
 ховой дымъ наполняетъ весь городъ,
 громъ раздается въ опдаленныхъ о-
 крестностяхъ за нѣсколько часовъ ѣз-
 ды (а), и ядро, пролетѣвъ милю, на са-
 жень глубины врываешя въ землю. Это
 осадное орудіе, по крайней мѣрѣ про-
 изведеннымъ ужасомъ, согласовалося съ
 необьяшными замыслами Могаммеда и
 его необьяшною душею. День и ночь
 болѣе ни объ чемъ онъ не думалъ, какъ
 о завоеваніяхъ и гибели. Въ вечеру, со-
 провождаемый только двумя повѣрен-
 ными, онъ обыкновенно обходилъ спо-
 лмцу, чтобы тайно слышать рѣчи на-
 рода и солдатъ. Если кто нибудь осмѣ-
 ливался узнавать его, и провозглашать
 ему какъ Султану обыкновенное при-
 вѣщствіе, то онъ своею рукою пора-
 жалъ незваного провозглашателя (б). Въ
 одну ночь велѣлъ онъ Евнухамъ спросить
 къ себѣ Калиля-Пашу; Великій Визирь,

(а) На 100 стадій; то есть дѣль съ половиною гед-
 графическія миля. Дука XXXV.

(б) Дука говоритъ, что онъ съ пакимъ удовольстві-
 емъ убивалъ людей, какъ другой — блохъ: *et ut qui-
 vis pulicem conterendo voluptatem carpsit iste sua manu
 interficiendō delectabatur.* Дука XXXV. с. 140.

спрашася казни за двукратное лишеніе престола Могаммеда при жизни отца, взявъ съ собою блюдо съ золопомъ; и поставилъ оное у ногъ Могаммеда, котораго онъ нашель одѣшаго и сидящаго на постели. Что это значить; Гофмейсперъ, (а) спросилъ Султанъ? — „Обычай вельможъ, отвѣчалъ великій Визирь; ни-когда не являясь предъ своимъ повелителемъ съ пускатыми руками; если онъ пошребуетъ ихъ предъ себя въ необыкновенное время (б); я приношу шебъ не мое доспомяніе, а швое.“ „Оно мнѣ не нужно“ возразилъ Султанъ, „я шребую отъ шебя одного, помощи мнѣ овладѣшь Конспаншинополемъ:“

Великій Визирь, шайный другъ Грековъ, которые подарками снискали его къ себѣ расположеніе, шѣмъ болѣе успрашился рѣчей Султана, что самъ народъ почиталъ его сообщникомъ невѣрныхъ (в). Онъ сказалъ въ смыслъ Султана, что Богъ, даровавшій ему уже большую часть Греческихъ земель, не откажеть и въ завладѣніи Сполицею; что всѣ служители Султана непрерывъ будушь

(а) Дука переводить Турецкое имя Лала новогреческимъ Tata. Первое по нашему означать Elala, а второе — tati.

(б) Обыкновеніе продолжающееся до нашего времени.

(в) *Καβουρ οτταυη* есть Турецкое *Giaur Joldaschi*, что Дука вѣрно переводить чрезъ *ο των αχθων συνβορος*.

спарашься, жертвовашь ему для се-го намѣренія и золошомъ и кровію. — „Взгляни,“ ошвѣчалъ Могамедъ, „на по-шелю мою, на кошорой я цѣлую ночь провель безъ сна, ворочаясь со спороны на спорону. Я прошу шебя — не умягчайся серебромъ и золошомъ. Мы спанемъ швердо бишься съ Греками и съ довѣренносцію въ Бога и нашего пророка, возьмемъ городъ.“ Съ сими-шо словами ошпустиль онъ успрашеннаго Визиря, внезапно пробужденнаго изъ обьяшій безпечнаго сна (а). Онъ самъ провель эшу и слѣдующую ночь бодрспвуя, занимаюсь сосшавленіемъ плана осады. Онъ начерталъ положеніе и спѣвны города, почки нападенія, мѣсна войскъ и осадныхъ орудій, башшарей и мины, и совѣшывался объ эшомъ съ людьми, кошорые почно знали положеніе города и сосшояніе его укрѣпленій (б). Прежде нежели мы пойдемъ съ Могаммедомъ къ осадѣ Коншпаншиноцоля, посшараемся, подобно ему, узнать сколь возможно ясно положеніе города и спѣвнъ его со спороны моря и сухаго пуши; посшараемся съ шюю крапкосцію, кошорой пребуешь цѣль Ишоріи, предшавишь предъ взоры чиншателей плоды пашилѣшнихъ личныхъ

(а) Дука XXXV. с. 141.

(б) Дука XXXV. с. 141.

наблюденій. Прѣжняя Испорія и подробное описаніе города принадлежатъ другому сочиненію (а); мы упомянемъ даже здѣсь только о шѣхъ дворцахъ и вѣрошахъ, копорыя означены въ Греческихъ или Турецкихъ Испоріяхъ осады и завоеванія города (б).

(*Продолженіе впрѣдъ*).

(а) Констаншинополь и Боспоръ. Вѣдъ 1821.

(б) У Халконд. Дука, Францеса, Леоварда Хисп. Мендора, Кардинала, прѣжде Мишр. Русскаго, — всѣ они современники и очевидцы; Куспініанъ и Рикторъ пользовались сими источниками, но извѣстны изъ нихъ — однѣ плачевныя восклицанія.

НАУКИ.

Исторія Литтературы.

О Романъ и Драматической поэзи Испанцевъ.

Изъ Шлегелевой Исторіи Литтературы.

Романъ Сервантеса, не смотря на свое внутреннее достоинство, сдѣлался опаснымъ образцомъ подражанія у другихъ народовъ. Въсплѣ съ Донъ Кихотомъ, произведеніемъ единственнымъ по вымыслу, созданъ былъ родъ новѣйшаго романа; у Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ онъ породилъ множество неудачныхъ опытовъ, въ коихъ подражатели Сервантеса тщетно старались возвыситься до Поэзиі прозаическое изображение обыкновенной жизни. Не говоря уже о гениі Сервантеса, который могъ себѣ позволить то, что другому во вредъ обращалось, скажемъ, что и въ самыхъ высшихъ отношеніяхъ онъ былъ счастливѣе своихъ подражателей. Жизнь Испанцевъ носила въ то время характеръ чего-то рыцарскаго и романтическаго, преимущественно предъ жизнію другихъ народовъ Европы. Самый недешапокъ снротаго гражданственнаго порядка, вольная и дикая жизнь провинцій болѣе согласовались съ духомъ Поэзиі.

Подражатели, остроуміемъ и чудесами вымысла или мыслию и чувствомъ стараются возвысить обыкновенную жизнь до Поэзіи, всегда принуждены были искасть поэтической отдаленности; это представляеть намъ жизнь художниковъ Южной Италіи, служившая источникомъ для романовъ Немецкихъ, равно Американскіе лѣса и пущины, которыхъ описаніе такъ часто вскрѣчаемъ у другихъ народовъ иноземныхъ. Если даже происшествіе совершается въ какой нибудь странѣ, въ сферѣ внутренней гражданской жизни, — то Поэтъ не пренебрегаетъ даже въ изображеніи самомъ чистомъ, простомъ, т. е. безъ примеси мысли, остроумія и чувства, не пренебрегаетъ, говорю, возноситься изъ пѣсныхъ предѣловъ дѣйствительности пуда, въ страну, гдѣ свободнѣе дышетъ фантазія: средствомъ къ тому служатъ странствія богатыхъ приключеніями, поединки, похищенія, разбойничья жизнь, походы какой нибудь кочующей группы ашеровъ.

Понятія о Романтическомъ въ самыхъ лучшихъ и славнѣйшихъ романахъ совершенно согласуются съ неприличнымъ въ полицейскомъ смыслѣ. Не лѣзя при этомъ не вспомнить изреченія одного извѣстнаго мыслителя; онъ говоритъ, что, если усовершенствуешься во всѣхъ

часяхъ полиція, (если торговое государство со всѣхъ сторонъ зашворится, если въ паспортахъ путешественниковъ будутъ означать полную біографію и вѣрныя примѣшны каждаго), тогда источникъ обыкновенной жизни совершенно оскудѣетъ для дѣятельныхъ романистовъ. Это сужденіе, не смотря на его странность, можно весьма справедливо отнести къ искаженному роду романовъ.

Вопросъ: какъ опредѣлишь истинное отношеніе Поэзіи къ настоящему и прошедшему? — однозначительнень со слѣдующимъ: раскрышь настоящую глубину и внутреннее существо искусства? Во всѣхъ нашихъ теоріяхъ (выключая нѣкоторыя слишкомъ общія, неопредѣленные и даже иногда ложныя сужденія объ искусствѣ и искусствѣ изящнаго), говорится большею частію объ однѣхъ только формахъ Поэзіи, познаніе которыхъ хотя необходимо, но весьма недоспащательно. Мы едва ли имѣемъ теорію Поэзіи въ отношеніи къ ея сущности, не говоря уже объ отношеніяхъ оной къ жизни, развитіе коихъ было бы еще гораздо важнѣе. Въ предыдущихъ чтеніяхъ я старался замѣнить сей недостатокъ и при всякомъ удобномъ случаѣ излагать основанія подобной теоріи.

Прежде нежели спросимъ себя: допускаешь ли Поэзія изображеніе настоящаго...

шаго? — скажемъ предварительнo, что настоящее не потому кажется чуждымъ и неблагопріятнымъ Поэзіи, чтобы оно въ существѣ своемъ было ниже и обыкновеннѣе прошедшаго. Правда, мѣлкое обыкновенное, поэтическое вблизи, въ настоящемъ времени, сильнѣе поражаетъ взоры; вдали, въ прошедшемъ, гдѣ одни возвышенные образы ясно видны, оно теряетъ. Но сія трудность — не препятствіе для истиннаго Поэта: въ томъ и обнаруживается онъ свое искусство, что все обыкновенное умѣетъ преобразить и представить въ новомъ свѣтѣ Поэзіи, или одушевляя его глаубокою мыслию или открывая въ немъ высшее значеніе. Очевидность всегда спѣсняетъ порывы фантазіи; но должно стараться, чтобы она, налагая на себя безполезныя оковы въ разсужденіи содержанія, съ другой стороны вознаграждалась за сіе въ отношеніи къ языку и представленію.

Чтобы короче объяснить наши мысли о семъ предметѣ, припомнимъ, что мы уже нѣсколько разъ говорили о предметахъ Религіи и Христіанства. Вообще не лзя прямо изображать ни міра сверхъчувственнаго, ни Божества, ни чистыхъ духовъ: природа и человѣчество — вошь предметы ближайшіе къ Поэзіи. Но высшій и духовный міръ

можно облакать въ вещество земное; онъ сквозь покровы свои свѣпипь нашимъ взорамъ. Равнымъ образомъ прямое изображеніе дѣйствительной, настоящей жизни есть лучшее и приличнѣйшее. Прекрасный цвѣтъ юности, возвышенные порывы страстей, полная и ясная картина міра могутъ быть легко развиты въ тиѣсныхъ предѣлахъ прошедшаго и въ сказаніи народномъ; здѣсь опверзася для сихъ предметовъ поле обширное и здѣсь - то являющся онъ во свѣтъ чистѣйшемъ. Древнѣйшій Поэтъ прошедшаго, намъ уже знакомый, Омиръ, есть вмѣстѣ изобразитель живаго, свѣжаго настоящаго времени. Каждый истинный Поэтъ въ прошедшемъ представляетъ свой собственный вѣкъ и даже въ нѣкопоромъ смыслѣ самаго себя. И такъ, по моему мнѣнію, настоящее отношеніе Поэзіи ко времени должно быть слѣдующее. Одно вѣчное, которое важно и изячно во всякомъ времени и мѣстѣ, достойно Поэзіи, по существу своему вѣчной и неизмѣнной; но можетъ ли она изображать его безъ покрова? Ей необходима почва вещественная, — и ее находить она въ своей собственной сферѣ, въ преданіяхъ, въ воспоминаніяхъ народныхъ, въ прошедшемъ. Въ картинахъ прошедшаго она вмѣщаетъ всѣ

поэтическія сокровища настоящей жизни ; а разрѣшая тайну мірозданія, развивая до конца таинственный свѣшокъ жизни , и предсказывая въ волшебномъ своемъ зеркалѣ верховное преображеніе всего, видимаго , она возносятся и къ самому грядущему , и сливая во едино всѣ времена : прошедшее , настоящее и будущее , являетъ намъ въ себѣ истинное чувственное представленіе вѣчности или полнаго времени. Ибо, въ смыслѣ философскомъ, мы разумѣемъ подъ именемъ вѣчности не ошеушныя и оприцаніе времени , но скорѣ нераздѣльную полноту его , гдѣ всѣ его спихи слились во едино , гдѣ прошедшее едѣлалось настоящимъ , гдѣ жизнь настоящая естѣ полная сокровищница надеждъ и богатый зародышъ грядущаго.

Если я вообще называю прямое изображеніе дѣйствительной жизни самымъ приличнымъ въ Поэзіи, то да не подумають , что я опровергаю всѣ произведенія Поэтовъ , избравшихъ путь противоположный. Должно умѣть отличать художника отъ его произведеній. Часто истинный Поэтъ невинно ошибается въ такихъ произведеніяхъ , которыя , по своему первоначальному назначенію , не могутъ достигнуть желаннаго совершенства. Мильшонъ и Клопштокъ — великіе Поэты ; но ни-

кто не опровергнешь, что они хотѣли разрѣшить задачу неразрѣшимую.

Поэтому же нельзя опинять великаго искусства въ предсказаніи у Ричардсона, который, опклонясь опъ прочихъ подражателей Сервантеса и избравши свой путь, старался возвыситься до Поэзіи жизнь время новѣйшихъ; не лзя опровергнуть въ немъ высокаго стремленія потому только, что оно не могло на этомъ пути достигнуть своей цѣли.

Испанская драма не уступаетъ превосходствомъ и богатствомъ Испанскому Роману. Лирическая Поэзія чувствуетъ плодъ одинокой любви и тихаго восторга; даже выходя изъ своего привычнаго, ограниченнаго круга въ кругъ жизни общественной, объемля въкъ и народъ, она носитъ печать того уединенія, въ которомъ созрѣвала. Для Героической поэзіи необходима нація въ полномъ смыслѣ этого слова; нація, богатая воспоминаніемъ, прошедшимъ; нація, сохранившая преданія и въ мифологіи издревле сочетавшая первыя мысли ума съ богатыми картинами Поэзіи. Мира и Эпопея болѣе принадлежатъ природѣ нежели искусству, но Драма принадлежитъ государству, жизни гражданской и общественной и поэтому для полнаго своего развитія пре-

буешь она бѣльшаго средоточія жизни. Вошь ихъ настоящее взаимное отношеніе, ошь кошораго зависить успѣхъ Драмы; равно способствуешь къ сему соревнованіе второстепенныхъ школь искусства въ провинціяхъ съ столицами, какъ главною сценою Драмы. Опсель ясно, почему въ Мадридѣ, Лондонѣ и Парижѣ бѣлье спольшія сцена блиспала; каждая въ своемъ родѣ достигла совершенства и даже до избытка богаша была произведеніями, прежде нежели Испанія и Германія успѣли воздвигнуть театры. Ибо хошь Римъ издревле бѣль столицею церкви, а Вѣна съ 15 го спольшія мѣспо-пробываніемъ Германскихъ Императоровъ, но ни Римъ, ни Вѣна никогда не были такимъ средоточіемъ своихъ народовъ, какъ были при помянутыхъ столицахъ западной Европы.

Испанская Монархія до половины 17 го спольшія бѣль другихъ славилась величіемъ и блескомъ во всей Европѣ; нигдѣ духъ народа не бѣль развишь до такой степени: такъ и сцена Мадрида въ то же время была яснымъ зеркаломъ народной жизни и рано красовалась своимъ пышнымъ цвѣтомъ. Вся Европа признала въ ней богашество и роскошь изобрѣшенія, хошь осуждала форму, значеніе и духъ Испанской Драмы. Положимъ, что все ея достоин-

ство заключаеяся въ характерѣ чисто романтическомъ; но она уже пошому доспойна вниманія; пошому назидательна, что въ ней; какъ въ живомъ примѣрѣ, ясно видимъ: какой родъ Драмы могъ возникнуть изъ Поэзіи Рыцарской, изъ того направленія, которое приняла фантазія въ Европѣ въ среднія времена міра. Испанскій театръ, преимущественно предъ другими, можетъ служить намъ примѣромъ; ибо онъ совершенно чуждъ былъ всякаго вліянія со стороны внѣшней и даже подражанія древнимъ; тогда какъ Испаліянцы и Французы при образованіи своего театра имѣли преимущественно въ виду: возснаношить Трагедію и Комедію древнихъ въ ихъ чистомъ первородной. Сей же образецъ; хотя посредствомъ Сенеки и старинныхъ Французскихъ піесъ, имѣлъ однако рѣшительное вліяніе на Англійскую Дразу.

Если мы взглянемъ на Испанскую Дразу въ лицѣ ея перваго славнаго шворца и власшителя; въ лицѣ Лопе де Веги, то помянутыя преимущества являющіяся намъ не въ ясномъ свѣтѣ; онъ вообще не внушилъ намъ высокаго мнѣнія о превосходствѣ Испанской Драмы; въ безчисленныхъ его произведеніяхъ видимъ поспѣшное и поверхностное исполненіе. Въ Драматическихъ шворе-

нiяхъ художника, какъ и въ лирическихъ пѣснопѣвнiяхъ пѣвца, господствуетъ да и должно господствовать, какое-то однообразiе, которое, облегчая дѣятельность творческую; умножаетъ число произведенiй. Мы часно видимъ въ драматическихъ творенiяхъ не только одного Поэта, но цѣлаго вѣка и цѣлаго народа, что единая общая идея служила для всѣхъ основанiемъ; и не измѣняя ей нигдѣ, въ каждомъ отдѣльномъ произведенiи; художникъ иначе схватилъ ее и съ другой стороны предсказалъ: такимъ образомъ всѣ его творенiя можно назвать разными вариациями на одну тему или различными способами разрѣшивъ одинъ и тотъ же вопросъ. Если Поэтъ совершенно ясно достигъ сiю идею, если опредѣлилъ онъ форму; для нея и для сцены своей необходимую, если онъ владелъ языкомъ и легкимъ изложенiемъ; — тогда непрудно ему породить великое число творенiй, въ формѣ замысловатой, соблюдая правильность въ планѣ и исполненiи. Такъ великiе прагматики древнихъ произвели поспу и болѣе драмъ. Однако не смотря на сiе, число творенiй Мопе, какъ бы ихъ ни убавляли, переходитъ за границы позволенной драматической плодотворности. Большую часть своихъ произведенiй онъ не столько обработы-

валь, сколько накидываль, импровизоваль. Согласень, что между самыми плодовишыми скорописцами всѣхъ народовъ до нашихъ временъ, Лопе займетъ первое мѣсто, что онъ былъ Поэтъ и богашвомъ вымысла и блескомъ представленія и языкомъ поэтическимъ и воображеніемъ пламеннымъ; но послѣднія качества сдѣлались общою принадлежностію всѣхъ его опечесшвенныхъ Поэшовъ такъ, что нельзя ихъ вмѣнить какому либо Испанцу въ особенное достоинство. Но ни талантомъ, ни фантазією Лопе не лзя оправдать его драматическаго скорописанія, ни со стороны искусства, ни въ нравственномъ отношеніи. Порядокъ и строгіе законы шѣмъ болѣе необходимы на сценѣ, что ни одинъ родъ искусства до такой степени не подверженъ поврежденію, какъ родъ драматическій, ни въ одномъ родѣ искусства нѣтъ такого взаимнаго вліянія между народомъ и Поэтомъ. Что сподитъ Драматикъ-Генію, каковъ былъ Лопе, увлечъ за собою вѣкъ свой? Онъ, и безъ блиспашельныхъ достоинствъ, однимъ просшымъ обыкомъ и дѣйствіемъ спрасшей заспавишь публику забышь всѣ высшія шребованія искусства. Примѣры тому такъ многочисленны, что излишне бы было говорить о нихъ. Но съ другою сторо-

ны громогласное одобреніе шеатра слишкомъ упоишельно для щеславія Поэша. Большею частію сама публика позволяешъ себѣ баловашъ необузданную смѣлоспъ своихъ любимцевъ-Драмашиковъ до той степени, что они безъвсякой мѣры и навсегда ей предаются. Даже древніе, у коихъ Драма достигла полнаго совершенства, замѣшили въ ней сію склонность къ возмущенію народа, къ безначалію, и часто укоряли ее въ эпомѣ.

Сколько импровизація прилична народной Поэзіи и другимъ родамъ ея, сполько же Драма должна чуждаться оной. Она процвѣшаетъ, когда зрѣетъ, какъ искусство. Пуекай исполненіе бываетъ въ ней скоро и вмѣспѣ удачно, но покрайней мѣрѣ при начертаніи плана необходимы глубокое изслѣдованіе и спрогаля обдуманность. Иначе мы увидимъ на сценѣ одинъ шолько лешучій призракъ жизни съ ея запушанными спраспями, одну блестящую поверхность оной, чуждую высшаго значенія и содержанія полнаго. Сію то низшую ступень Драмашическаго искусства занимаетъ Лопе вмѣспѣ со многими другими изъ обыкновенныхъ Драмашиковъ Испаніи. Конечно, когда взглянешъ на упадокъ сцены у другихъ народовъ, то ихъ произведенія являшся въ полномъ блескѣ піишическомъ; но не смопря на

сіе; онѣ не удовлетворяютъ высшимъ
 требованіямъ искусства. Но о сихъ
 послѣднихъ рѣдко заботятся не только
 частные люди, но и цѣлыя націи; это-
 му яснымъ доказательствомъ служитъ
 то, что многіе ставятъ Лопе и Калде-
 рона на одной ступени достоинства
 поэпическаго, тогда какъ ихъ раздѣ-
 ляетъ неизмѣримая бездна различія.
 Если хотимъ обнять духъ Испанской
 Драмы въ ея цѣлоспи и совершенствѣ,
 то обратимъ взоры на послѣдняго и
 величайшаго изъ Поэтовъ — Калдерона:

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ):

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи: Съ каршою дороги изъ Чель-ду до Хлассы. *Переводъ съ Китайскаго.* Санктпетербургъ. Въ Тип. Имп. Восп. Дома. 1828. въ 8 ю д. XXVI. 223.

Литшерашура Русская еще очень бѣдна переводами съ иностранныхъ Европейскихъ языковъ (кроме Французскаго); — чтоже скажешь объ Азіатскихъ! Мы вовсе не пользуемся Литшерашурнымъ добромъ нашихъ сосѣдей. Тѣмъ бѣльшее вниманіе Публики должно обратишь на себя описаніе Тибета, переданное прямо съ Китайскаго на Русскій языкъ; даже въ одномъ эпосѣ отношеніи; занимательность же, новостъ содержанія, увеличивающъ еще болѣе его цѣну. Явленіе, употребимъ модное слово, истинно Европейское!

Описаніе сдѣлано въ 1792 Китайцемъ, который былъ посланъ отъ своего Правительства для управленія по части провинтской. Въ предисловіи онъ излагаетъ свои пособія и право на довѣренность чиншателей. Въ заключеніи сказано: „Въ послѣдствіи, когда по благополучномъ окончаніи похода (Горкинцы на юго-западной границѣ Тибета тогда взбунтовались противъ Китая) будешь, для удовольствія Государю и высшимъ чинамъ, въ путешествіи сочиняешь оду на покореніе западныхъ иноземцовъ, тогда сія книга можешь

доставишь не малую пользу сочинителямъ записокъ.“ Снѣмъ увѣришь почтеннаго Господина Лу-хуа-чжу, что книгу его можно прочесть съ удовольствіемъ, даже и не имѣя намѣренія почтѣннѣе шоржешвенною одою Его Богдыханское Величество.

Въ первой часни предлагаешя Топографическое, или лучше почшовое описаніе пуши въ разныхъ направленіяхъ до Хлассы, главнаго города въ Тибешѣ. Во второй — крашкія извѣстія объ времечисленіи, годовыхъ праздникахъ, воинскихъ уложеніяхъ, уголовныхъ законахъ, разныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ и прочихъ достопримѣчательностяхъ Географическихъ, Статистическихъ и проч. — Въ описаніяхъ вездѣ виденъ тихій и спокойный Кнѣзъ, который на все обращаетъ мѣлочное вниманіе, обо всемъ судишь оспорожно и никогда не шоропишь. Даже скучныя его подробности — любопытны для насъ, ибо мы видимъ изъ нихъ, чѣмъ не скучающъ и занимающъ наши любознательныя сосѣди.

Ваше его описаніе Хлассы: „Слово Хласса въ переводѣ значишь страна праведныхъ. Горы съ почтеніемъ предшоящъ ей; зеленыя воды окружающъ ее. Поля ея шучны и изобильны, пуши ея ровны и пространны. По западную ея сторону возвышаешя Будала, на Санскритскомъ языкѣ Пушо. Находишь при горы, изъ которыхъ первая есть Будала, вершина коей предшавляешя изумруд-

ною; воздушные чертоги называютъ пурпуръ. Совершенство и красота каждаго предмета содѣлываютъ мѣсто сіе несравненнымъ. Сей горъ сопредстоитъ Цзякбури, на которой сооруженъ Цзярибидунъ. По Южную сторону сихъ горъ возвышаютсяobelisks, а по Сѣверную споститъ Цзунцзіо - луканъ; зданіе сооружено посреди озера. Желаящій посмотришь долженъ на лодкѣ подъѣхать къ оному. Видъ сего мѣста безподобно красивъ. На пути изъ Хлассей-ціокана къ Будалѣ есть изразцовый мостъ, подъ которымъ съ великимъ шумомъ протекаетъ рѣка Карчка-Мурэнъ, иначе Цзанъ (по Тиб: Вэнчу). Жители расселились по обоимъ берегамъ ея, и живутъ въ изобиліи и веселіи. Въ пяти ли отъ Будалы на востокѣ есть храмъ Хлассей-ціоканъ, въ которомъ блистають золото и изумрудъ. Съ нимъ смеженъ другой храмъ Рамуциціоканъ. Въ семи ли отъ Рамуци на Сѣверѣ лежитъ городъ Чжашичекъ, въ которомъ живеть Кипайскій гарнизонъ. Сэра, Бѣбукъ, Самье и Ганьшенъ — суть обширные монастыри; вблизи удивляешься ихъ совершенству, издали пѣняешься ихъ красотою. Но Цзунцзіо, Кацзи-Рава и Шусіоганъ предъ всѣми несравненны, и споститъ не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Здѣсь Далай-лама въ свободное время беретъ ошдыхъ. Весною персиковыя деревья и яблы, зимою кедры и кипарисы сбрасываютъ другъ на друга снѣгъ. Сіе божественное жилище нисколько не ошди-

чувствуешь отъ Срединной земли и по испидѣ
составляешь божественную столицу на Западѣ.”

Къ описанію приложено Переводчикомъ собственное его прекрасное дополненіе и сташья о вѣрѣ и духовенствѣ Тибетскомъ. Чтобы познакомиться Публику съ почтеннымъ переводчикомъ, который имѣлъ случай на мѣстѣ собрать свои занимательныя извѣстія, мы помѣщаемъ первое сполна, а изъ втораго отрывокъ.

„Тибетъ есть имя Государства, которое сами Тибетцы называютъ Бошъ, просто Бошба, Кишайцы Цзанъ и Си-цзанъ, Монголы Баруиъ-шала и Тубошъ. Кишайцы дали Тибету имя Цзанъ отъ рѣки Цзанъ, что нымъ Вэй-чу, протекающей мимо Хлассы. Си-цзанъ значить западный Цзанъ въ отношеніи къ Кишаю. Баруиъ-шала на Монгольскомъ языкѣ означаетъ западную страну въ отношеніи къ Монголіи. Отъ слова Тубошъ Европейцы произвели Тибетъ.

Тибетское Королевство отъ западныхъ собственныхъ предѣловъ до Кишайской границы содержитъ около 20° долгошы и столько же сѣверной широты. Оно раздѣляется на четыре области: Камъ, Юй, Цзанъ и Нэри. Камъ составляетъ восточную часть Тибета, а Юй заключаетъ ту часть земель, въ которой лежитъ Хласса, столица всего государства. Сія двѣ области въ Европѣ названы однимъ именемъ: большой Тибетъ, а въ Кишаѣ Цанъ-цзанъ, ш. е. Восточный

Цзань (собственно передній Цзань). Цзань есть ширшая область, лежащая отъ области Юй на западѣ и составляющая ленное владѣніе Байцзиня. Мы называемъ ее Малымъ Тибетомъ, а Кишайцы Хэуцзань ш. е. Западный-Цзань, собственно задній Цзань. Нэри есть четвертая область, составляющая сѣверозападные предѣлы Тибета. Она такъ какъ и Хорь, иначе Хараусу, есть пустыня, населенная Монголами, и состоятъ подъ управленіемъ Губернаторовъ или Камбъ, опредѣляемыхъ Далай-Ламою. Внутри сихъ областей находится нѣсколько поколѣній, какъ то: Какбо, Гомбо, Сѣкаръ, Чосюшъ и проч., которыя, находясь подъ державою Далай-Ламы, имѣють своихъ князей и живутъ на особенныхъ правахъ, подобно какъ у насъ Хоринцы, Калмыки, Ногайцы.

Въ отношеніи къ мѣстоположенію Тибетъ должно раздѣлить на двѣ полосы, на Сѣверную и Южную: Сѣверная полоса состоятъ изъ множества высочайшихъ, весьма длинныхъ хребтовъ, составляющихъ опрасли горы Ганшеса. Многія горы бывають зимою и весною, а другія во всѣ четыре времени года покрыты снѣгами. Южная полоса также имѣеть высокія горы, но довольно и обширныхъ равнинъ. Посему въ Тибетѣ теплота климата болѣе соотвѣствуетъ мѣстоположенію, нежели широтѣ Географической. Годовыя времена много соотвѣствуютъ съ временами Сѣвернаго Китая. Весна суха, лѣто дождли-

во, осень прекрасна, а Декабрь, Январь и Февраль составляют довольно холодную зиму.

Гористое и мѣстами степное положеніе Сѣверной полосы естественнѣе болѣе представляет удобносней для жизни пастушеской: но между горами находясь и долины, на кошорыхъ съ успѣхомъ занимающа садоводствомъ и посѣвомъ Арнаушской пшеницы, кошорой поджареная мука (цзэньба) составляет главную пищу Тибетцевъ. Напротивъ, Южная страна почитается благоденнѣйшею страню. Обширныя равнины ея покрыты срацинскимъ пшеномъ и другими хлѣбами, а на холмистыхъ мѣстахъ въ изобиліи растутъ различные нѣжные плоды. Лучшій копышчашый ремень, отправляемый въ Россію, доставляютъ изъ Тангуша и Восточной части Тибета. Изъ царства животнохъ замѣчательныя суть: кабарга, дикіе и домашніе буйлы, овцы и козы съ мягкою волною; почему и шоръ куришельными свѣчами, шерстью буйловъ и козь, особенно шерстяными шканями, не маловаженъ. Соляныя озера, лежащія въ пустынѣ и другихъ мѣстахъ, доставляютъ множество буры и соли, а въ западномъ Тибетѣ добываютъ ее ископаемую. Горы снабжаютъ серебромъ, мѣдью и другими металлами. Тибетъ долженъ изобиловать многими естественными произведеніями; но чтобы умѣть извлекать ихъ, пригошовлять и пользоваться ими, то для сего потребны просвѣщеніе и образован-

ность въ высшей степени, нежели каковыя совмѣстны съ пастушескимъ и земледельческимъ состояніемъ Тибетцевъ.

Образъ Тибетскаго правленія отличенъ отъ общихъ правилъ. Въ седьмомъ, осьмомъ и слѣдующихъ вѣкахъ по Р. Х. Тибетъ составлялъ цѣлое политическое шло подъ единодержавнымъ правленіемъ своего Государя. Въ XIII столѣтіи, Хубилай, желая ослабить воинственнѣйшій духъ Тангушъ и купно раздѣлилъ силы ихъ, подчинилъ Тибетъ двумъ властямъ, Духовной и Свѣшской, и раздробилъ его на нѣсколько ленныхъ владѣній подъ верховнымъ правленіемъ своихъ Генералъ-Губернаторовъ. Домъ Минъ, чтобы усилить свое вліяніе на Тибетъ, произвелъ еще большее раздробленіе подъ двумя же властями. Но свѣшскіе владѣльцы, зашягосъ считая имѣть товарищами въ правленіи духовныхъ, часто покушались уничтожать власть оныхъ. Дворъ Китайскій долго поддерживалъ силу духовенства, а наконецъ въ 1751 году рѣшился уничтожить свѣшскую власть, и верховное правленіе Тибета ввѣрилъ одному Далай-Ламѣ, которій нынѣ на государственныя доходы вмѣсто безсѣнной арміи содержишь около 100,000 Ламъ на жалованіи.

Сей Азійскій Папа, при важномъ шишулѣ Владѣтеля Королевства, имѣетъ одну шолько шѣнь власти. Онъ не можетъ рѣшать важныхъ дѣлъ безъ отношенія къ двумъ Китайскимъ Гене-

раламъ, живущимъ въ его столицѣ. Но при всемъ видимомъ его безсиліи пользуешься, по наружности, опличнѣйшимъ уваженіемъ Пекинскаго двора предъ прочими зависимыми Владѣтелями, и шѣсная связь Далай-Ламы съ Монголіею по религіи на долго обезпечивающъ ему такое преимущество.

Несправедливо полагающъ въ Европѣ, будто Тибещъ плашеть подашь Китаю; Дворъ Кишайскій въ порабощеніи окрестныхъ владѣтелей ищеть только славы для себя и пищины для своего народа, и почитая уничиженіе прочнымъ основаніемъ своему спокойствію, опнюдь не касаетса ихъ выгоды. Въ силу постановленій древняго помѣщнаго правленія, Богдо-Ханъ, какъ глава Имперіи, возлагаетъ обязанность на своихъ вассаловъ представлять ему свои мѣщныя произведенія, что у насъ называющъ данію: но сія дань, будучи не что иное какъ изьявленіе подданничества, всегда бываетъ маловажна въ количествѣ, а Дворъ Кишайскій напрошивъ въ сугубой наградѣ за оную посшавляетъ свое величіе, ничего не шребуя опъ ихъ владѣній.

Народонаселеніе въ соразмѣрности съ пространствомъ земель почитающъ очень маловажнымъ, и многочисленность безжениаго духовенства полагающъ главною тому причиною. Жителей вообще можно раздѣлить на чешыре класса: на духовенство, дворянство, цоргующихъ и зем-

ледѣльцевъ, но дворянство и торгующіе суть малочисленнѣйшіе классы.

Науки въ Тибетѣ на томъ же основаніи, на какомъ и въ Китаѣ, т. е. въ училищахъ учащагося только читать и писать, а въ Словесности и Математикѣ усовершенствующагося учащихся учителей и большею частію въ монастыряхъ. Толкованіе догматовъ вѣры составляетъ главное ученіе. Магія есть порокъ свойственный всей Азіи, а не одному только Тибету; и сему суевѣрію, почитаемому здѣсь высокимъ знаніемъ, учащагося изъ частныхъ преданій, а не въ школахъ.

Хоша чиновниковъ, и особенно духовныхъ, опредѣляющъ къ должностямъ по предварительному испытанію въ нужныхъ предметахъ; но со всѣмъ тѣмъ въ одной только Хласѣ можно видѣть нѣкошорое просвѣщеніе въ наукахъ и знаніе полишики, нѣкошорые успѣхи въ искусствахъ и утонченность во вкусѣ. Въ прочихъ же мѣстахъ ограничивающагося однимъ удовольствіемъ необходимымъ потребностямъ жизни, и Тибетъ еще далекъ отъ той степени образованія, до которой надлежало бы ему достигнуть, судя по глубокій его древности, современной Китаю. Онъ еще младенчествуетъ, и Тибетецъ, будучи въ грубомъ состояніи недалеко отъ невѣжества древнѣйшихъ временъ, почитаетъ себя счастливей всѣхъ на свѣтѣ.“

Спашью о вѣрѣ и духовенствѣ Тибетскомъ предлагаемъ здѣсь въ извлеченіи:

Вѣра Брахманская въ Индіи есть корень Тибетской, Монгольской и Фоевской въ Китаѣ. Европейцы называютъ ее Брахманскою отъ Индійскаго слова Брахманъ—духовный. *Фо* есть слово Кишайское, означаетъ человека упражнявшагося въ добродѣтели до такой степени, что при смерти шло его не умираешь, но измѣняешься въ духовное. Основателемъ Брахманской вѣры почитаютъ Индѣйца Сагзя Муни, родившагося по Кишайскимъ извѣстіямъ въ 1031 году до Р. Х. Послѣдователи сей Религіи вѣрятъ, что онъ низшелъ съ неба на землю для наученія смертныхъ въ то время, когда они совершенно забыли законъ и всѣ уклонились въ развратъ. Они утверждаютъ, что родъ человеческій, мало по малу уклоняясь отъ закона, нѣкогда снова впадешь въ крайнее нечестіе, и въ сіе время придетъ съ небесъ другой посланникъ, который покажетъ людямъ пошерянный ими истинный путь. — Кишайскій Дворъ заимствовалъ ученіе изъ Бенгалы въ 65 г. по Р. Х. Тибетцы, хотя сопредѣльны съ Индіею, но, кажется, нѣсколько позже приняли оное. Монголы въ IV столѣтіи по Р. Х. уже имѣли сіе ученіе.

Изъ объясненій Ламъ не могъ я, говорить переводчикъ, совершенно понять, въ чемъ состоятъ догматы ихъ ученія. Исключая переселенія душъ, которое намъ впрочемъ извѣстно только по вѣншему смыслу, они по видимому принимаютъ два лица въ бож-

ешвъ. Сопвореніе міра производяшь изъ хаоса въ лицѣ заключеннаго, ж приписываюшь первому, а управление имъ второму лицу. Еще допускаюшь злое начало. Нравственность ихъ, особенно касательно обузданія воли и спрасшей, содержишь высокія правила, изъ естества чловѣка почерпнушыя. Богослуженіе Тибешское шакъ какъ и Монголовъ состоишь въ одномъ одношонномъ чпеніи священныхъ книгъ на разпѣвъ. Утреннее и полуденное служеніе бываешь на голосахъ, а вечернее на однихъ духовыхъ музыкальныхъ орудіяхъ. Въ ихъ богослуженіи вспрѣчаюшь нѣкошорые обряды, сходные съ Христіанскими; но ошкуда они заимшвованы, сего не лзя знашь, пока при пособіи ихъ священныхъ книгъ не ошкроемъ историческаго начала оныхъ.

Религія Тибешская ближе къ Брахманской по внѣшнимъ обрядамъ; а Религія Фойсшовъ по существу ученія. Фойсшъ изнуряешь себя строжайшимъ постомъ и употребляетъ шолько муку, срацинское пшено и зелень; Ламы, напошивъ, не смотря на догмашъ переселенія, употребляютъ въ пищу почши всѣхъ живошныхъ, исключая лошадей, свиней и рыбы. Но разпросшраняшь о сей матеріи не принадлежишь къ моей цѣли: скажу шолько, чшо климашъ и мѣстоположеніе сущъ главныя причины шакого различія. Духовенштво Тибешское ешь безженное, и въ образѣ жизни во многомъ сходствуешь съ правилами Европейскаго

монашества. Духовные въ Тибетѣ, такъ какъ и въ Монголіи, обыкновенно живутъ при какомъ либо храмѣ, около котораго каждый имѣетъ свой домикъ съ небольшимъ домашнимъ храмомъ. Мѣста сіи собственно суть монастыри; но мы называемъ ихъ капищами или кумирами.

Нынѣшній Куреньскій Хушухта (важный духовный сановникъ) обрѣтенъ въ маломъ Тибетѣ и съ великою честью препровожденъ изъ Тибета въ Курень въ 1820 году, на шестомъ году отъ рожденія. Далай-Лама умеръ въ 1816 году и по 1821 годъ еще не былъ найденъ. По пророчеству Кишайской полишки надлежало ему возродиться въ Восточной части Тибета, присоединенной къ Кишаю. Въ 1821 году; предъ отъѣздомъ переводчика изъ Пекина, пріѣзжіе Тибетцы сказывали, что въ семь году непременно найдутъ перерожденнаго. Что касается до обожанія Далайламъ, то народъ, будучи увѣренъ въ высочайшей святости ихъ, имѣетъ безпредѣльное почтеніе къ нимъ, но не воздастъ божескаго поклоненія:

Переводъ очень хорошъ. Мы надѣемся со временемъ получить отъ переводчика и Исторію Тибета, извлеченную изъ Кишайскихъ лѣтописей. Усердно желаемъ ему получить всѣ нужныя средства для такого достохвальнаго труда, коимъ доставитъ честь Россіи тѣмъ болѣе, что и въ Европѣ не много еще сдѣлано по сей части. Описание Тибета посвящено Княгинѣ Э. А. Волконской.

Евгеній Вельской, Романъ въ стихахъ. Москва. Въ Тип. С. Селивановскаго. 1828. 44 страницъ въ 12 ю д.

По всему вѣроятію, Евгений Вельской есть пародія на Евгенія Онегина, но весьма неудачная. Имя героя одно; къ началу приклеены Разговоръ Автора съ Книгопродавцемъ, Романъ дѣлится на строфы, стихи въ строфахъ числомъ вездѣ одинаковы (хотя расположеніе ихъ не вездѣ одинаково, какъ въ Евгенія Онегинѣ), на первый разъ выдана одна первая глава: кажется, во всемъ есть сходство. — Но прочтите, если вы любопытны, шерпѣливый чашатель, — и пошчасъ замѣните разницу: прочитавъ первую главу Онегина, вы вѣрно съ жадностію хватались за другую; эшаго нешерпѣнія вы не ощутите по проченіи Вельскаго; вы не поѣшуете на Автора, какъ съшovali на Пушкина, за чѣмъ онъ не порошится издашь вшорой главы; ошъ чего бы эшо? — постараемся разгадать причины.

Первая причина та, что Евгений Вельской — лицо весьма не замѣчательное. Онъ, какъ мы узнаемъ изъ его журнала, влюбленъ въ самага себя, въ свою красоту, и учился въ пансіонѣ Дюкло; мать оппускаетъ его въ Москву подъ покровишельство Графа Знашова; Вельской на дорогѣ разговариваетъ съ своимъ дядькой; ѣстъ съ большимъ аппетитомъ, особенно густыя сливки и

пирогъ, спишь очень крѣпко, ѣдешь спокойно и прѣѣзжаешь къ Московской заславѣ.

Но, скажешь, это еще не доказательство, что новый Романъ скученъ: въ первой главѣ Онѣгина, также никакого нѣтъ содержанія; недоспашокъ же характера въ Героѣ признанъ многими; да, мы съ этимъ согласны, Онѣгинъ не привлекателенъ, но самъ-то Поэтъ умѣешь занять насъ. Вошь шайна, почему намъ нравится Романъ Пушкина. Эша шайна есть высокое умѣние Поэта волшебнымъ перомъ своимъ всякой предметъ обращать въ золото. Къ сожалѣнію, она неизвѣстна Авшору новаго Романа, и пошому произведение его просто — скучно.

Но, повторяешь опять охошники до прошиворѣчій, на эшошь Романъ должно смотрѣшь, какъ на пародію, какъ на шулку: вы сами, Г. Рецензентъ, сказали это сначала. Но, Гг. аншгонисты! Ред. спрашиваетъ васъ: какъ называется ша шулка, кошорая не смѣшна, не забавна? Получивъ отвѣтъ на вопросъ свой, онъ не замедлишь далѣе возражать вамъ.

Сборы на Невскій проспектъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи вольными стихами. Соч. С. А. Ольхина. С. Пешербургъ. 1828. Въ Тип. Депарш. Внѣшней шорговли. въ 8-ю д. 32 стран.

Это разговоръ прехъ лицъ между собою, изъ конхъ одно, служанка, уговариваетъ поочереди

своего барина и барыню нарядишься и иди на
невскій проспектъ, — не безъ хорошаго стиха:

И для шого, что мы хошимъ гулять,
Не только волосы пожалуй почернѣютъ,
И зубы выросшуть! . . . ай да проспектъ!

И какъ хишеръ спалъ нынче свѣтъ:

Живуть — да молодѣютъ.

Опытъ Русской Анеологiи, или избранныя Эпиграммы, Мадригалы, Эпитафiи, Надгробныя, Аполлоги и другія мелкія стихотворенiя. Собрано Михаиломъ Яковлевымъ. Издано Иваномъ Сленкинымъ. С. Пешербургъ. Въ тип. Деп. Народ. просвѣщенiя. 1828. IV. 215 стран. въ 16 ю д.

Собирашеть въ предисловіи говорить, что Греки имѣли собраніе мелкихъ стихотвореній подъ именемъ Анеологiя, что Французы издали такое же собраніе: *слѣдовательно (!)* и Русскимъ надо имѣть то же. Вошь въ слѣдствіе какихъ силлогизмовъ многія книги у насъ издающся.

По видимому безпрестанно умножающся роды Поэзiи: всякой, по своимъ понятiямъ, раздѣляешь искусство. Такимъ образомъ дѣленіе Поэзiи на легкую и тяжелую, на мелкую и крупную совершенно произвольно и ни на чемъ не основано. Всѣ эштѣ дѣленія переняшы нами у Французовъ, копорые умѣютъ всему дать форму условную и не могутъ наслаждашья произведеніемъ изящнымъ

безъ формы, безъ правилъ, безъ участія разсудка въ эщомъ наслажденіи. Мы не понимаемъ, что за особенный родъ *мелкой* Поэзіи: всякая піэса, въ до стиховъ принадлежишь мелкому роду Поэзіи; но если мы шакъ будемъ раздѣлять ее на роды, по создадимъ *мелкій, мельчайшій, самый мелкій, крупный, крупнѣйшій, самый крупный* и ш. д.

Греки собрали всѣ небожья опривочныя стихотворенія съ тою цѣлю, чтобы не дашь погибнуть и шѣмъ малымъ послѣднимъ цвѣтамъ, на которыя, какъ замѣчаетъ Шлегель, рассыпалась ихъ Поэзія. Ихъ точно можно сравноишь съ лепестками, слешѣвшими съ огромныхъ деревьевъ во время ихъ богатаго цвѣщенія. Французы, которые думали создать Литшературу свою на основаніи Греческой, въ подражаніе Грекамъ издали также свою Анпологию; но тогда уже, когда ихъ Словесность совершила опредѣленный кругъ и показала то, что она произвести можеть. Собравшись своей литшературной нивы обильную жашву, Французы на досугъ опъ шрудовъ подобрали и упавшія колосья. А наша нива еще не созрѣла, мы и не думали жашъ ее, а ужъ колосья подбираемъ. Вошь въ какіе анахронизмы вводишь насъ подражательность! Мы забываемъ, что всему есть своя порасянію, созрѣванію, цвѣщенію, жашвѣ, ошдыху. Замѣшимъ мимоходомъ, что сочинителю Исторіи Русской Литшературы, воспишанной подъ вліяні-

емъ споль многихъ чуждыхъ народовъ, весьма трудно будетъ оплечить шѣ явленія, кошорыя совершаются въ порядкѣ вещей словеснаго міра, ошъ шѣхъ, кои явились не въ пору и причина кон ихъ заключаешся во вліяніи со спороны внѣшней. Сколько у насъ прививковъ, пересадокъ! Надо опгадать родину каждаго, изслѣдовашъ причины успѣха или неуспѣха и ш. д. Не менѣе шрудной обязанности подвергается и Кришикъ современныхъ произведеній и едва ли не большей; ибо онъ долженъ обращашъ вниманіе читашелей на каждое явленіе Словесности безъ исключенія, опгадать его происхожденіе, причину и показать ему мѣсто. Кришика должна шакже опносіться къ Исторіи Литтерашуры, какъ Спашишика Государшва къ Исторіи онаго.

Все эшо мимоходомъ. Обратимся къ нашему сборнику. Изъ сказаннаго выше слѣдуешъ, что у насъ казалось бы рано еще издавашъ книжки шакого рода; что издающся онѣ не по внутренней потребности, не, по убѣжденію въ необходимости шакихъ сборниковъ, а по какой-шо невольной, зависпливой спрасши къ подражанію, кошорая часто насъ обманываешъ. У нихъ ешъ, дай и мы сдѣлаемъ! — и дѣлаюшъ. Вотъ происхожденіе эшаго сборника! Вотъ источникъ желанія собиращеля издашъ лучшія Русскія Эпиграммы, Мадригалы, Эпишафій, Надписи и проч.

Оправданы же следствиями справедливость нашего замѣчанія. Въ зрѣлой Литтературѣ, въ полной сокровищницѣ умственной жизни какого нибудь народа, во всякомъ мелкомъ произведеніи ошзывается изобиліе мыслей и чувствъ, богатство сока, въ цѣломъ деревѣ разлитаго. Даже и въ сихъ мелкихъ произведеніяхъ можно видѣть характеръ совокупной Словесности всего народа. Такъ на пр. въ Аншологіи Греческой мы видимъ то же спокойствіе, склонность къ созерцанію, грацію, круглосу, пластику, которыя составляютъ главныя черты Литтературы Греческой. Такъ въ Аншологіи Французской мы встрѣчаемъ непринужденное, шушливое остроуміе, прелестныя формы, игру словъ, въ коихъ ничто еще не превзошело западныхъ Аѳинянъ Европы. Такъ въ маленькихъ эпиграммахъ Гёте, Шиллера, Гердера и другихъ Нѣмцевъ, мы видимъ ясный, глубокий умъ Германцевъ, воспѣванныхъ въ опчиствѣ Европейскаго Любомудрія. Какіе же признаки собственно *нашей* Словесности находимъ мы въ Општѣ Русской Аншологіи, собранной Г-мъ Яковлевымъ? Еслибъ Г. Собирашело опшвѣчалъ намъ на эшопшъ вопросъ въ своемъ предисловіи, тогда необходимость его изданія была бы оправдана.

Не будемъ забѣгать впередъ; не будемъ требовать отъ Литтературы нашей того, что еще не свойственно ей возрасту, не будемъ искаать въ мелкихъ произведеніяхъ того характера, который

еще она не успѣла выразишь въ важныхъ родахъ Поэзіи.

Собирашеть въ своемъ изданіи могъ бы по крайней мѣрѣ ограничиться мелкими стихошвореніями лѣтъ писателей, которые наиболее способствовали къ развитію Словесности Русской и въ своихъ произведеніяхъ положили печать своего характера и своего народа. Таковы на пр. Державинъ, Дмишріевъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковской, Бащюшковъ, Пушкинъ и немногіе изъ новаго поколѣнія. Тогда бы сіе собраніе сколько нибудь удовлетворило нашему требованію.

Собирашеть, напрошивъ, въ своемъ Опытѣ далъ мѣсто всякому маленькому стихошворенію отъ двухъ до двадцати стиховъ, и, по видимому, не одно достоинство, а, выразимся ѣщакъ, свойство мелкости давало всякой піесѣ право на названіе Антологической. Словомъ, собирашеть не показалъ вкуса въ выборѣ *цветочковъ* для своего цвѣтника, и вмѣстѣ съ незабудкой, лиліей, фіялкой сажалъ и куриную слѣпошу и калуферъ и донникъ и мяшу. Иной авторъ отъ рода не писалъ стиховъ, но случайно сказалъ экспромптъ, или перевелъ что нибудь изъ Парни, — и его произведеніе вы увидите въ этомъ цвѣтникѣ. Между прекрасными бездѣлками Державина, Карамзина, Дмишріева, Жуковского, Пушкина, Дельвига, Баратынского, встрѣчаете сполько сора Парнаскаго, который давно бы надо вымести, а имъ

нарочно усыпаль Собирашель дорожки своего сада антологического. Много бы заняло мѣста, еслибъ мы и сжали указывать все то, что Авторъ помѣстимъ дурного и жалко-посредственнаго. Чтб на пр. милаго въ этой *Эпитафій младенцу К. Шаликова?*

Не слезы лишь о немъ — разсудокъ говоришь—
 Завидовать его судьбѣ счастливой должно;
 Но сердца истина сія не убѣдишь:
 Ощцу и матери не плакашь невозможно!
 Что нѣжнаго въ эпитахъ спихахъ, написан-
 ныхъ будшо бы въ подражаніе Парни!
 Изгладь сіи чершы, *блиставшія вотще!*
 Разлучены сердца, *которыя еще*
 Твоя кора соединяешь.

За послѣдніе стихи Собирашель объявляетъ благодарность О. М. Сомову (Не ужели это стихи О. М. Сомова?).

Новыя піэсы Пушкина маловажны: это, вѣроятно, первыя произведенія его дѣтства.

Изданіе книжки очень мило, заглавный листокъ выгравированъ весьма изрядно, а всего лучше обвертка, рисованная Гонзагомъ.

Земль 1-й.

*Ужьхаль другъ! Прсланіе къ Н. Г. Б. Москва. Въ
Тип. Авг. Семена. 1828. въ 8-ю д. 16 стран.*

Авторъ, безъ высокихъ приязнаній на Поэзію, описываетъ въ Посланіи къ другу удовольствій охотничьей жизни. Предметъ его, разумейся, имѣетъ занимательность относительную. Стихи довольно гладки, хотя рѣемы не вездѣ богаты. Встрѣчаемъ нѣсколько охотничьихъ выраженій, счастливо употребленныхъ. Вообще, это произведеніе не столько можетъ нравиться любителю Поэзіи, сколько любителю сельской жизни нашего Сѣвера и охотничьихъ удовольствій.

N. N.

*Замѣчанія на Разборъ Благороднаго Театра.
(Письмо къ Издат. М. В.)*

М. Г.

Въ 9-мъ Номерѣ вашего Вѣстника помѣщена рецензія на Комедію мою: Благородный Театръ. — Принося искреннюю мою благодарность неизвѣстному Г-ну Рецензенту какъ за похвалы, такъ равно и за критическія замѣчанія, — хотя весьма снротія, но по большой части справедливыя; — долгомъ счисляю замѣшить двѣ важныя ошибки, сдѣланныя имъ вѣроятно отъ того, что Комедія моя еще не напечатана. —

Въ изложеніи хода шрепьяго дѣйствія Г-нъ Рецензентъ говоритъ о любовной сценѣ между Вельскимъ и Олинкой слѣдующее: — „Она

„(Олинкѣ) колеблется, онъ (Вельской) спано-
 „вишься на колѣни, входяишь Любской и Посош-
 „ковъ. — Первый, у кошораго были уже подо-
 „зрѣнія, ужасается; но Посошковъ увѣряешь его,
 „что они повшоряющъ ролю; онъ вышупаешь на
 „сцену и *разнимаетъ ихъ*. — Любовники испуга-
 „лись въ самомъ дѣлѣ и окаменѣли отъ страха;
 „Посошковъ удивляешься ихъ шаланшу комическо-
 „му. — *Нагалась опять репетиція, и Вельской,*
 „*какъ слѣдовало въ комедіи, подаетъ записку*
 „*Олинкѣ, Посошковъ беретъ ее и учитъ Вель-*
 „*скаго, какъ это сдѣлать хитрѣе и искуснѣе.*“

Въ шрешьемъ дѣйствіи нѣтъ никакой репе-
 тиціи: повшореніе того, что зрители видѣли
 уже во вшоромъ актѣ, было бы непрощитель-
 нымъ плеоназмомъ. — Правда, Вельской отдаешь
 записку Олинкѣ, и Посошковъ учишь его, какъ
 передашь ее хитрѣе и искуснѣе; — но все это
 происходитъ во вшоромъ дѣйствіи, а не въ
 шрешьемъ. —

Замѣчая противорѣчія въ характерахъ дѣй-
 ствующихъ лицъ, Г-нъ Рецензентъ говоритъ слѣ-
 дующее о характерѣ Посошкова: — „Его глу-
 „пость, видная во всѣхъ смѣшныхъ сценахъ, гдѣ
 „онъ шакъ невинно помогаешь Вельскому, не по-
 „дозрѣвая даже въ немъ соперника, — *тогда какъ*
 „*при немъ Любской объявилъ о предложеніи Вель-*
 „*скаго и о намѣреніи своемъ отказать ему,* —
 „*эта глупость ни тѣмъ другимъ не оправдана.*“ —

Трудно и даже невозможно было бы оправдать такую глупость, еслибы она существовала въ моей Комедіи. Любской не только не говоришь нигда при Посошковѣ о предложеніи Вельскаго, но въ печеніи всей комедіи примѣшнымъ образомъ стараешься скрывать ошъ Посошкова, что у него есть соперникъ. —

Вошь ошибки, сдѣланныя Г-мъ Рецензеншомъ. Чшожь касаешься до мнѣнія его о недоспашкахъ моей комедіи, шо хошя я не во всемъ съ нимъ согласенъ, но не намѣренъ защищаться: трудно бышь судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ, да и не слишкомъ забавно напоминать какойнибудь аншикришкой извѣстный стихъ изъ Мизантропа:

Et moi, je vous soutiens que mes vers sont
fort bons.

Я старался всегда употреблять съ пользою дѣльныя замѣчанія и не имѣлъ привычки отвѣчать на тѣ, кои казались мнѣ несправедливыми. Не всегда извлекаю я пользу изъ кришикъ на свои комедіи, — но никогда не ошказывалъ въ уваженіи моемъ Лишперашору, который, подобно неизвѣстному Г-ну Рецензеншу, безъ всякихъ насмѣшекъ съ должнымъ приличіемъ и вѣжливосцію говоришь ошкровенно свое мнѣніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

М. Загорскій.

Иностранная книга.

The life and voyages of Christopher Columbus.
 Жизнь и странствія Христофора Колумба,
 сог. Ирвинга Вашингтона. 4 "части", въ 8 ю д.
 Лондонъ.

Прежде нежели вышло въ свѣтъ сіе любопытное сочиненіе, уже во многихъ журналахъ Англійскихъ были помѣщены опривки изъ первыхъ страницъ онаго. Еще тогда сказано было въ London Literary Gazette, что, судя по симъ опривкамъ, можно утвердительно доложить, что сіе новое твореніе прибавишь новый лучъ къ заслуженной славѣ Автора. Предпріятіе не совсѣмъ обыкновенное, описанъ предметъ, по всеобщему мнѣнію довольно извѣстный и даже испощенный, сначала можешь возбудить удивленіе; но сія странность объясняется особенными обстоятельствомъ, въ которыхъ находился Авторъ. Получивши свободный доступъ къ архивамъ, дошелъ совершенно неприкосновеннымъ, онъ черпалъ изъ источника, до сихъ поръ запечатлѣннаго, изъ записокъ, старательно укрываемыхъ отъ публики. Чистота и изящество слога энергическаго, счастливое выраженіе чувствованій души свободной и мыслящей, вѣроятно не удивяшь никого, кто знакомъ съ прежними сочиненіями Ирвинга; но сіе послѣднее произведеніе лучше обработано: въ немъ, разумѣется, должны быть высшія припязанія Автора,

въ успѣхъ книгъ мы не сомнѣваемся. Возбудишь новое участіе къ предмету успарѣвшему, представишь полную исторію дѣла великаго вмѣсто *записокъ* всегда неудовлетворительныхъ: вошь что было главною цѣлю Автора, — и мы съ чистымъ, искреннимъ удовольствіемъ наслаждаемся плодами его трудовъ продолжительныхъ и тяжелыхъ. Въ London Magazine находятся также ошрывки изъ книги Ирвинга, сопровождаемые большими похвалами. Мы представимъ читателямъ переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, кои по новымъ подробностямъ показали намъ болѣе занимательными. Вошь какъ описано первое появленіе знаменитаго Генуэзца въ Испаніи.

„Любопышно, говоритъ Ирвингъ, знать обстоятельство, сопровождавшія первое появленіе Колумба въ спрантъ, кошорая назначена была поприщемъ для его славы, и кошорую онъ своими ошерытїями долженъ былъ сдѣлать могущественною. При первомъ вступленіи его на новое поле мы замѣшимъ нѣкоторыя рѣзкія черты жизни, обильной похождениями и происшествїями, черты, вмѣстѣ поражающія и наславляющія.

„Первые слѣды его ошкрыты нами въ свидѣтельствѣхъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти его (во время знаменитаго процесса его сына, Діего, съ казною) представленныхъ Гарцією Фернандезомъ, лекаремъ, жившимъ въ маленькой гавани *Палось де Могуерь*, что въ Андалузіи.

На полмили отъ города находился древній монастырь Францисканскій во имя св. Маріи Рабидаской, еще донинѣ существующій: по словамъ лекаря, однажды упромъ, какой-то пѣшій иностранецъ, сопровождаемый мальчикомъ, постучался въ ворота монастыря и попросилъ у привратника кусокъ хлѣба и воды для мальчика. Въ то время, какъ исполняли его смиренную просьбу, монахъ Жуанъ Перезъ де Маркецца, Пріоръ монастырскій, случайно проходилъ мимо воротъ; его поразилъ необыкновенный видъ спранника, и онъ, по выговору узнавши въ немъ иноземца, вошелъ съ нимъ въ бесѣду. Сей иноземецъ былъ Колумбъ съ сыномъ своимъ, Діего. Не знаютъ, откуда онъ шелъ тогда; но по всемъ обстоятельствомъ видно, что онъ былъ въ нуждѣ. Цушь свой направлялъ онъ въ городъ *Гуельму*, гдѣ онъ хотѣлъ видѣться съ своимъ шуриномъ, братомъ жены его, кошорой уже не было въ живыхъ.

„Пріоръ имѣлъ познанія довольно обширныя: онъ въ особенності обращалъ вниманіе на Географію, мореплаваніе и на новыя открытія. Охотна къ занятіямъ такого рода, вѣроятно, ему внушена была сосѣдствомъ гавани Палосской, жишели коей славились преимущественно предъ всеми моряками Испаніи своими отважными предпріятіями и часшо ѣзжали на вновь открытыя острова бѣрега Африканскаго. Бесѣда Колумба возбудила живое участіе въ Пріорѣ; его поразили

великіе замыслы и важныя проэкты иноземца. Въ однообразной жизни монаха необыкновеннымъ произшествіемъ была самая встрѣча съ человѣкомъ, который, прося у ворахъ монастырскихъ немного воды и хлѣба, обнаруживалъ такой высокой характеръ и рѣшился покуситься на предпріятіе самое необыкновенное. Пріоръ удержалъ Колумба, который нѣсколько времени прогостилъ у него; но монахъ, не довѣряя своимъ собственнымъ знаніямъ, пригласилъ одного ученаго изъ друзей своихъ для бесѣды съ иностранцемъ. Сей другъ былъ Гарція Фернандезъ, шоль самый лекаръ Палосскій, который въ послѣдствіи, будучи призванъ въ свидѣтели по случаю помянушаго процесса, сообщилъ сіи любопытныя подробности. Много совѣщаній было въ стѣнахъ древняго монастыря, и намѣренія Колумба были разсмотрѣны въ мирныхъ келліяхъ Рабиды со вниманіемъ, съ уступчивосью, которыхъ онъ долго добивался среди волненій Двора и въ коихъ оказывали ему и вельможи и мнимые мудрецы его вѣка. Нѣсколько старыхъ моряковъ Палосскихъ были также призваны на совѣтъ, и ихъ мнѣнія, казалось, благопріятствовали новой теоріи. Старый опытный кормчій, по имени Педро де Веласко, утверждалъ, что около шринадцати лѣтъ тому назадъ, онъ во время одного изъ своихъ путешествій былъ такъ далеко занесенъ бурями къ Северо-западу, что мысъ Клеръ оказался у него на Воспо-

къ и что вдругъ онъ очутился на морѣ самошь-
шихомъ, не смошря на сильное дуновеніе въшра-
омъ Запада, что, по его мнѣнію, можно было
рѣшишельно почестъ явнымъ признакомъ суще-
ствованія земли по сему направленію. Веласко,
боясь приближенія зимы, не осмѣлился ѣхать да-
лѣе и искашь сей страны неизвѣстной.

Добрый Жуанъ Перезъ былъ одинъ изъ шѣхъ
людей, кошорые свою пылкую, искреннюю друж-
бу любяшь выражашь не въ однихъ пусшыхъ же-
ланіяхъ, но на дѣлѣ. Убѣдившись, что сіе пред-
пріятіе можеть получить успѣхъ весьма важный
для его отечества, онъ обѣщаль Коломбу достави-
ти милоспивый пріемъ при Дворѣ и неопшупно
просиль его опшравитишя шуда безъ замедленія и
прямю приспштитишя съ предложеніями къ Госуда-
рямъ Испаніи. Перезъ находилъ въ короткихъ сно-
шеніяхъ съ Фернандомъ де Талавера, Пріоромъ мо-
наштыря де Прадо и духовникомъ Королевы Ка-
стильской, Изабеллы; онъ пользовался всею до-
вѣренностью Монарха и его супруги; сему-шо
монаху, мнѣніе коего имѣло важный вѣсъ въ дѣ-
лахъ государшвенныхъ, Перезъ представиль Ко-
ломба, снабдивъ его письмами къ Талаверѣ, въ ко-
ихъ онъ усердно просиль послѣдняго исходатай-
швовашь Коломбу покровишельство у Короля и
Королевы, въ пользу его предпріятій. Вліяніе ду-
ховенства, кошорбе въ Испаніи было сильнѣе не-
жели гдѣ нибудь, санъ исповѣдника Королевы, до-

спавлявшій право на свободный къ ней доступъ во всякое время, — все, по видимому, обѣщало счастливый успѣхъ отъ сего посредничества. Между шѣмъ, Пріоръ Жуанъ Перезъ взялъ на свои руки молодого сына Коломбова, содержалъ и старательно воспитывалъ его въ монастырѣ. Ревне и дружба сего достойнаго чловѣка никогда не охладѣвали, и много лѣтъ спустя, когда слава счастливаго мореплавателя возсіяла во всемъ своемъ блескѣ, Коломбъ окруженный блистательною полною придворныхъ, прелатовъ и ученыхъ, которые всѣ почитали себя споспѣшествовавшими сего предпріятія, Коломбъ обращалъ признавательные взоры къ смиренному монаху, всѣхъ дѣйствительнѣе оказавшему помощь. Онъ пробылъ въ монастырѣ до весны 1476-го года, когда Дворъ переѣхалъ въ древнюю столицу, Кордову, гдѣ Фердинандъ и Изабелла располагались соединить свои войска и все приугощивши для рѣшительнаго похода противъ Мавровъ Гренады. Исполненный надеждъ и почти увѣренный въ томъ, что получитъ скорую аудіенцію чрезъ покровительство Талаверы, Коломбъ нѣжно обнявъ почтеннаго Пріора Рабиды, коему ввѣрилъ сына, и въ радости отправился ко двору Кордуанскому.

Но ему определено было судьбою подтвердитъ своимъ примѣромъ истину словъ, сказанныхъ однимъ изъ нашихъ поэтовъ, что „жизнь неудачнаго просишеля есть предвкушеніе ада.“

Въ продолженіи болѣе шести смертельныхъ годовъ, онъ терпѣлъ всѣ бѣдствія, неразлучныя съ обманутыми надеждами, видя безпрестанное возрожденіе новыхъ неожиданныхъ препяшствій, копорыя удаляли его отъ цѣли въ шу самую минушу, какъ онъ думалъ доспичь ее.

Во время прїѣзда Коломбова ко Двору, Фердинандъ и Изабелла были заняты обширными планами и намѣревались довершить предпріятіе, самое замѣчательное въ ихъ царствованіи. Они собирались возобновить борьбу, въ послѣдствіи пріугошовавшую сокрушеніе владычества Мавровъ въ Испаніи. Но лишь только война съ Гренадою была окончана, какъ Изабелла склонила вниманіе къ предшавленіямъ друзей Колумба; ибо сей послѣдній успѣлъ уже пріобрѣсти при дворѣ друзей, копорые, правда, были немногочисленны, но разделяли его надежды и съ жаромъ защищали его планъ. Ужь наступило время, терпѣніе его почти истощилось, и онъ уже покинулъ дворъ Испанскій, рѣшась предложить другому Государству свои планы, какъ вдругъ на дорогѣ получилъ радостное извѣстіе о томъ, что Королева на нихъ соизволяетъ, и возвратился въ Кордову.

Колумбъ предложилъ слѣдующія условія, копорыя и были приняты: ему пожизненно (а по смерти его наслѣдникамъ) неопъемлемо принадлежалъ санъ Адмирала всѣхъ странъ, копорыя откроешь онъ въ Океанѣ, на тѣхъ же самыхъ пра-

вахъ, какими пользовался великій Адмиралъ Каспилли въ своемъ округѣ; онъ долженъ былъ получить пишло Вицекороля и главнаго правителя всѣхъ ошкрытыхъ имъ земель; ему принадлежало право на десяшую часть золоша, камней драгоценныхъ, товаровъ и всякаго рода прибыли съ земель, подъ его адмиральствомъ состоящихъ; ему самому, а вмѣсто его намѣстнику, слѣдовало бытъ единственнымъ судьей во всѣхъ тяжбахъ, кошорыя могли возникнуть между шранами ошкрытыми и Испанією, касательно шорговли; въ послѣдствіи, онъ имѣлъ право заплашить осьмую часть издержекъ, и въ свою очередь получить равномѣрно осьмую часть прибыли.

По утверженіи сихъ пункшовъ, всѣ документы, шребовавшіе подписи Королевской, были подписаны обоими Государями; но Изабелла, какъ Королева Каспилли, взяла на одну себя всѣ издержки перваго похода и выговорила условіе, чшобъ никакой иноземець не имѣлъ права селишься въ земляхъ новоошкрытыхъ, назначаемихъ ею шолько для ея Каспильскихъ подданныхъ. Во всю свою жизнь она строго выполняла сіе условіе, съ весьма немногими исключеніями: сіе условіе простиралось даже на подданныхъ ея супруга.

Послѣ продолжительныхъ ошлагательствъ и безчисленныхъ шрудностей, происходившихъ большею частію по причинѣ шраха всѣхъ моряковъ, назначенныхъ для сего шполь ошважнаго предпріи-

нія, при корабля были наконецъ снаряжены въ гавани Палоса де Могуеръ, въ Андалузіи. Рѣшительные приказы самаго двора не могли бы побѣдить сихъ препяшшвей, безъ усилій дѣятельнаго Мартина Алонза Пинзона, богатаго и опытнаго Палосскаго мореплавателя, который вмѣстѣ съ своимъ брашомъ участвовалъ въ самомъ походѣ и вмѣстѣ съ нимъ употребилъ все свое вліяніе на моряковъ Палоса. Онъ даже предлагалъ значительныя суммы Колумбу, дабы дополнилъ всѣ издержки. Но все снаряженіе состояло только изъ трехъ кораблей столь малыхъ, что непонятно, какимъ образомъ могли они противустать шѣмъ сильнымъ бурямъ, копорымъ подверглись на возвращенномъ пути въ Испанію.

„Судя по трудностямъ, изъявленнымъ всѣми правительственнымъ мѣстами Испаніи на запросы объ издержкахъ похода, можно только удивляться тому, какихъ малыхъ пособій требовалъ Колумбъ и какъ скудно было снаряженіе. Очевидно, что онъ ограничилъ свои требованія только самымъ нужнымъ, боясь чтобы изъ опасенія большихъ издержекъ во всемъ ему не отказали. Онъ просилъ не болѣе трехъ маленькихъ кораблей. Два изъ нихъ были простыя легкія суда, называвшіяся въ то время каравеллами; они величиною не превосходили большихъ барокъ, копоры еще послѣ употреблялись для плаванія около береговъ и въ устьяхъ рѣкъ. На древнихъ карши-

нахъ еще до сихъ поръ можно найши вѣрное изображеніе сихъ каравеллъ. Онѣ, по обыкновенію, дѣлались безъ палубъ, ш. е. не были покрышы на срединѣ, но корма и носъ строились выше. Пешръ Мученикъ, ученый современникъ Коломба, говоритъ также, что два корабля, ему данные, были безъ палубъ. Впрочемъ, самъ Коломбъ почиталъ сіе выгоднымъ для путешествія, совершаемаго для открытій; ибо съ малыми кораблями удобнѣе плавать около береговъ, входящъ въ заливы и въ рѣки, не весьма глубокія. Во время прешьяго своего путешествія, когда случилось плыть ему вдоль береговъ залива Парія, онъ жаловался на огромность своего корабля, кошорый былъ шолько во сто понновъ. Но не смотря на сіе изо всѣхъ спранныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ первый походъ Коломба, всего удивительнѣе то, какимъ образомъ можно было рѣшиться на столь малыхъ беспалубныхъ судахъ предпринять такое опасное путешествіе по морямъ неизвѣстнымъ, сопряженное съ такими трудностями, и какимъ образомъ сіи суда избѣжали опасностей, коими угрожали имъ и вѣтры и волны.

Наконецъ, въ пятницу, 3-го Августа 1492 года, Коломбъ отправился въ свой первый путь. Его маленькая эскадра состояла изъ адмиральскаго корабля *Санта-Марія*, кошорый былъ не много поболье двухъ другихъ и съ палубою, *Пинты* подъ начальствомъ Маршина Алонзо Пинзона, и *Нинья*

подъ управленіемъ брата сего послѣдняго, Винченція Янеза Пинзона. Сначала направили пушью къ островамъ Канарскимъ, куда и пристала эскадра: здѣсь на три недѣли задержала ихъ починка *Пинты*, весьма поспрадавшей въ дорогѣ. Не прежде 6-го Сентября могли они оставишь гавань Гомеру и пустишсь на поприще, совершенно новое. Спрахъ мапированъ, призраки, которыми робкое ихъ воображеніе оправдывало боязнь, мечшательные ужасы, коими они въ разговорахъ взаимныхъ еще болѣе пугали другъ друга, — все это весьма живо описано Ирвингомъ: но мы быстрѣ пройдемъ сіи горестныя подробности и послѣдимъ встрѣшсь нашего героя на берегахъ Новаго Свѣта. Первый видъ онаго, происшествія дня и ночи, предшествовавшихъ открытію, воспламеняли воображеніе не одного славнаго поэта. Прозаическій рассказъ нашего Авшора, основанный на достовѣрныхъ документахъ, безъ содѣйствія вымысла, одушевленъ также своимъ жаромъ; вѣрно онъ пронешъ душу самую холодную: по крайней мѣрѣ намъ шакъ кажешся.

„Положеніе Колумба день ото дня становилось ужаснѣе. По мѣрѣ приближенія его къ мѣстамъ, гдѣ онъ долженъ былъ открышь землю, безпокойство его спутниковъ возрастало. Въ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, кошорыя болѣе и болѣе увѣряли Адмирала въ его надеждахъ, они видѣли пустой, умышленный обманъ, и всякой

часъ гошовы были перейши ошь ропоша къ ош-
 крытому возмущенію; они хотѣли принудить
 своего предводителя возвратиться въ ту самую
 минушу, когда онъ думалъ осуществить свои
 надежды и когда долженъ былъ вкусить первый
 плодъ трудовъ своихъ. Безъ ошчаянія не могли
 они подумашъ, что далѣе и далѣе пускающся въ
 сей неизмѣримый Океанъ, кошорый называли они
 безконечною пусшынею водъ и кошорый, по ихъ
 мнѣнію, со всѣхъ споронъ окружалъ міръ оби-
 шаемый. Что станешся съ ними, когда истощаш-
 ся всѣ запасы? Ихъ скудныя суда, споль слабо
 успроенныя, не были годны даже для шого пу-
 ши, кошорый уже они совершили; а между
 шѣмъ все углублялись далѣе и далѣе, и простран-
 ство, ошдѣляющее ихъ ошь земли, болѣе и болѣе
 увеличивалось: какъ возвращашся они, когда въ
 виду нѣшъ ни одной пристани, гдѣ бы можно бы-
 ло добыть новыя запасы? . . . Такимъ-шо обра-
 зомъ сообщая другъ другу свои безпокойства,
 они гошовились къ явному сопрошивленію. Адми-
 раль казался имъ ошчаяннымъ честшлюбцемъ,
 кошорый изъ желанія славы выдумалъ планъ несбы-
 точный. Что нужды ему было до спраданія,
 до опасностей чуждыхъ, когда онъ самъ очевидно
 жершвовалъ собшвенною жизнію, гонясь за при-
 зракомъ славы споль невѣрной! Но имъ насшавать
 на шакомъ безумномъ предпріятіи, значило про-
 сто принести себя другому въ жершву. И при-

шомъ же какая обязанность понуждала ихъ къ этому? и гдѣ же границы этой обязанности? Они далеко уже перешли шѣ предѣлы, за которые ни одинъ человекъ не дерзалъ до нихъ; они проникли въ моря, не видавшія прежде ни паруса. И кто же бы спалъ порицашъ ихъ, еслибъ, для спасенія своей жизни, они поворошили корабли къ родинѣ, пока еще не было поздно? . . . Адмиралъ спанешъ жаловашся, что его принудили къ возврату! — Но его не послушаютъ: онъ иношранецъ, безъ довѣрія, безъ друзей; всѣ умные и ученые люди осуждали планъ его; никто не вступишся за него, а его прошивники еще будущъ радовашся шакой неудачѣ. . . Даже были люди, рѣшавшіеся на мѣры самыя ужасныя. Чшобъ не было никакихъ жалобъ, они предлагали бросишъ Адмирала въ море и сказашъ, по возвращеніи въ Испанію, что онъ самъ упалъ ночью съ края корабельнаго, наблюдая звѣзды въ свои орудія астрономическія. Сіи козни достигли до Колумба, но онъ не измѣнялъ своего спокойнаго, яснаго вида, иныхъ старался привлекашъ словами ласковыми, другихъ, подшрекая гордосшъ или корыщодлюбіе, а самымъ смѣлымъ угрожалъ примѣрнымъ наказаніемъ, еслибъ они осмѣлились сдѣлашъ что нибудь для шаго, чшобы воспрепятствовашъ продолженію путешествія. . . .“

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

С М Ъ С Ъ.

Историческія изысканія о жизни и писаніяхъ Воспорянина Сфера, Философа Стоицеской секты.

(Отрывокъ изъ опыта изысканій о Воспорѣ Киммирійскомъ).

Древніе обитатели Воспора Киммерійскаго, происходя опть Грековъ, сохранивъ религію, языкъ и нравы Греціи, и находясь во всегдашнихъ сношеніяхъ съ своими однородцами, безъ сомнѣнія упражнялись въ наукахъ, художествахъ, Словесности и Философіи, подобно жителямъ прочихъ Греческихъ поселеній, въ разныхъ частяхъ свѣта находившихся. Памятники древности, донныѣ отыскиваемые на Воспорѣ, свидѣтельствуютъ о успѣхахъ ихъ въ нѣкоторыхъ художествахъ; и монеты, чеканенныя въ Панцикапѣ и другихъ Воспорскихъ городахъ, могутъ равняться красошою съ монетами разныхъ городовъ Греціи. Но имена Воспорянъ, прославившихъ свое опечесство успѣхами въ наукахъ и искусствахъ, къ сожалѣнію, не переданы потомству; или, лучше сказать, память ихъ погибла вѣроятно со множествомъ другихъ Историческихъ свѣденій о сей опдаленной въ тогдашнемъ мѣрѣ странѣ. Остатки древнихъ писателей сохранили намъ од-

нако же имена нѣкошорыхъ знаменитыхъ ученыхъ мужей, родившихся на Воспорѣ, но прославившихся внѣ своего опечесства.

Извѣснѣйшій изъ сихъ мужей неоспоримо естъ Стоическій Философъ, Сферъ. Хошя всѣ дни его прошекли въ Греціи; хошя ни одно обшояшельство жизни, кромѣ рожденія, не опносится къ Воспору, за всѣмъ шѣмъ, имя сего челоуѣка не должно бытъ забыто въ изысканіяхъ объ Исторіи его опчизны. Всякая спрана всегда имѣетъ право присвоивать себѣ часть шой славы, копорую рожденные въ ней великіе люди приобръшаютъ въ мѣрѣ своими добродѣтелями, дарами ума и великими дѣяніями.

Діогенъ Лаэртій, оставившій намъ въ 10 книгахъ жизнеописанія знашнѣйшихъ Философовъ древности, посвяшилъ особую спашью Сферу, коего онъ называетъ Сфиромъ. Въ двухъ различныхъ мѣстахъ сего сочиненія онъ извѣщаетъ, что сей Философъ былъ родомъ изъ Воспора: (1) что, кажется, должно означать городъ Паншикапею; ибо Греческіе писатели часно подъ названіемъ Воспора разумѣли сей городъ, по причинѣ положенія онаго на Воспорѣ Киммерійскомъ (2). Плутархъ, въ жизни Агиса

(1) Кн. VII, въ жизни Сфера и въ жизни Зинона.

(2) Демосенъ, въ рѣчи противъ Лелтияна.

и Кліомена (3) называешь однакоже Сфера Ворлоенскимъ уроженцемъ. Но свидѣтельство Діогена, долженствовавшаго, при составленіи жизнеописаній Философовъ, входить въ подробныя изслѣдованія о всемъ томъ, что до нихъ касалось, должно быть, кажется, предпочтено мнѣнію Плутарха, который говоритъ о Сферѣ мимоходомъ, и который вѣроятно перемѣшалъ опечетство сего Философа съ опечетною Віона, другаго современнаго мудреца, родившагося въ Ворисфенѣ (4) или Ольвіи.

Въ то время какъ Сферъ всушилъ въ свѣтъ, Зиновъ Кипрійскій (5) начиналъ полагать основанія новой секты Спиритовъ. Сей Зиновъ, который сначала слѣдовалъ правиламъ Киническихъ Философовъ, подъ руководствомъ Фивянина Краписа (6), ученика славнаго Діогена Синопскаго, почувствовалъ вскоре опшращеніе къ сей Сектѣ, и предпринялъ очистишь оную опъ унижавшихъ ее опшращительныхъ спранныхъ; или, лучше сказать, Зиновъ предпринялъ преобразовать ее въ новую секту, сохранивъ только одні благородныя и вы-

(3) Глава 25.

(4) Діог. Лаэрт. Кн. IV въ жизни Віона.

(5) Онъ же, Кн. VII, въ жизни Зинова и Сфера.

(6) Свидасъ, въ словѣ Краписа.

сокія свойсва прежней, какъ-шо : про-
шпому въ жизни, любовь къ добродѣше-
ли, какъ единственному и истинному
благу ; презрѣніе или покрайней мѣрѣ
равнодушіе ко всему, что не естъ доб-
родѣшель (7). И такъ онъ оставилъ
Крассиса, слушалъ въ печеніи нѣкопо-
раго времени Спилпона, Полемона, Ке-
нократа, и составилъ новое ученіе, от-
крылъ въ Аѣинахъ публичное училище
подъ поршикомъ, называвшимся *Пики-
ломъ* : отъ чего послѣдователи его и
получили названіе *Стоиковѣв*, ибо по
Гречески поршикъ называется *Стоа* (8).
Сіе училище вскорѣ прославилось : многіе
слушатели спекались бесѣдовать съ
Зинономъ. Въ числѣ оныхъ явился Сферъ,
содѣлавшійся вскорѣ однимъ изъ слав-
нѣйшихъ его учениковъ (9).

По смерти Зинона, послѣдовавшей,
если вѣришь Евсевію, въ 1 е лѣто СХХХй
Олимпіады (10), за 260 лѣтъ до наше-
го лѣтосчисленія, Клеанъ Ассосскій (11),
по собственному назначенію Зинона, за-
ступилъ мѣсто сего Философа, и Сферъ.

---

(7) Діог. Лаэрт. Кн. VI въ жизни Менедима Киника.
Кн. VII, въ жизни Зинона.

(8) Онъ же, въ жизни Зинона.

(9) Плутархъ въ жизни Агиса и Клеомена, гл. 25.

(10) Евсевій, въ *Хроникѣ*, Ч. II.

(11) Діог. Лаэрт. Кн. VII, въ жизни Зинона, и въ
жизни Клеанова.

содѣлался послѣдовавшемъ Клеанѣа. Нѣ-
 сколько лѣтъ спустя, онъ предпринялъ
 путешествованіе въ Пелопоннись. Онъ про-
 велъ нѣкоторое время въ Лакедемонѣ,
 гдѣ занимался преподаваніемъ Спартан-
 скому юношеству правилъ стоической
 Философіи. Клеомень, сынъ Царя Леони-
 да, былъ въ то время еще очень мо-
 лодъ: не взирая на сіе, онъ прилежно
 посѣщалъ бесѣды Философа. Замѣтивъ
 пылкость души Клеомена и предума-
 шривая паланшы, которыя со време-
 немъ должны были открыться въ семь
 юношѣ, Сферъ особенно полюбилъ его,
 и старался возбудишь въ немъ стрем-
 леніе къ славѣ. Плутархъ примѣчаетъ
 при семъ случаѣ: „что правила Стоиче-
 „скихъ Философовъ бывають часто
 „опасны для твердыхъ и пылкихъ ха-
 „рактеровъ, доводя иногда оные до
 „безразсудной дерзости; но что, дѣй-
 „ствуя на характеры тихіе и умѣрен-
 „ные, онѣ служатъ къ укрѣпленію и
 „улучшенію оныхъ (12).“

Неизвѣстно какъ долго пробылъ
 Сферъ въ Лакедемонѣ; но мы знаемъ, что
 когда Клеомень, по смерти Леонида,
 вступилъ на опеческій престолъ (что
 послѣдовало за 235 лѣтъ до нашего
 лѣтосчисленія), и когда побѣдивъ внѣ-

---

(12) Плутархъ, въ жизни Агиса и Клеомена, гл. 25.

шнихъ и внутреннихъ враговъ, сей Царь хотѣлъ выполнить предположеніе злополучнаго Агиса IV для преобразованія Спаршанской Республики, Сфера находился при своемъ пипомцѣ и участвовалъ въ благомъ его предпріятіи. Клеомень возстановилъ во всей силѣ законы Ликурговы, копорые, со временъ Лисандра, были забышы или пренебрежены (13); преобразовалъ войска, сдѣлалъ новый раздѣлъ земель, и ввелъ снова общее владѣніе имущесшвами: въ чемъ самъ подалъ первый примѣръ, отказавшись опъ владѣнія всѣмъ собственнымъ достояніемъ. Послѣ сего Клеомень спарался ввести прежнюю дисциплину при воспитаніи юношества, и въ семъ - по важномъ дѣлѣ вспомошествованіе Сфера было ему очень полезно, шакъ что въ короткое время всѣ заведенія для шѣлесныхъ упражненій юношей, равно и общесшвенныя прапезы, были возстановлены по прежнему; и даже всѣ жители Лакедемона, спрашась можешъ бышъ могущества Клеоменова, а можешъ бышъ и по доброй волѣ, приняли, казалось, спрогій образъ жизни своихъ предковъ (14).

(13) Эліанъ, *разныя Исторіи*. — Ксенофонтъ, въ *Эллинской Исторіи*, Кн. V. — Плутархъ, въ *жизни Лисандра*. —

(14) Плутархъ въ *жизни Агиса и Клеомена*, гл. 36.

Павсаній пишетъ (15), что въ его время юноши, выходявшіе изъ класса *Ефиеоевъ* (опроковъ) для вступленія въ разрядъ зрѣлыхъ мужей, назывались въ Лакедемонѣ *Сферянами*. Происходило ли сіе наименованіе отъ Сфера, правившаго колесницею Пелопса, и давашаго названіе свое острову Сферія близъ Тризина, гдѣ находилась его гробница? (16) Или дано оное опрокамъ въ память Философа Сфера, какъ преобразователя Спаршанскаго юношества? Последнее кажется вѣроятнѣе.

Достоинно замѣчанія, что человекъ, принадлежавшій рожденіемъ къ племенамъ, которыя Греки едва ли отличали отъ дикихъ варваровъ Скиѳовъ (17), и пришедшій изъ глубины пустынь Киммерійскихъ, сдѣлался главнѣйшимъ орудіемъ въ преобразованіи народа Спаршанскаго, народа, который законами и учрежденіями своими былъ поставленъ въ Греціи на высочайшую степень славы и могущества. Гордый Лакедемонъ принялъ наставленія Воспорскаго Философа, но не умѣлъ соблюсти оныхъ; и упадокъ сего Государства вскорѣ показалъ міру, сколь шрудно возстать на-

---

(15) Кн. III, гл. 14.

(16) Павсаній, Кн. II, гл. 33.

(17) Эсхинъ, въ рѣчи о Вѣнцѣ, противъ Ктисифонта.

роду, однажды себя унизившему. Спаршанцы пѣхъ времянь не были уже похожи на Спаршанцовъ Термопильскихъ. Клеомень, бывъ побѣжденъ Македонскимъ Царемъ Антигономъ Гонашомъ въ сраженіи при Селласіи, около 221 года до нашей Эры, былъ принужденъ бѣжать въ Египеть, гдѣ онъ попомъ убишь по повелѣнію Царя Пшоломея Филопатора; возшановленные имъ учрежденія унишожились снова, и Спарша ушрашила навсегда свою славу и свою независимость. (18).

Нѣкоторыя писатели древности представляють Клеомена шираномъ, хопѣвшимъ нисровергнуть установленные законы (19): необузданная шолпа нерѣдко дѣлаеть подобныя упреки Государямъ, спарающимся, ко благу общему, укропиль буйство и исправиль испорченные нравы народа. Для достиженія своей великой цѣли, Клеомень вѣроятно долженъ былъ употребиль болѣе власти, нежели сколько законы государственныя предоставляли Царямъ Спаршанскимъ. Впрочемъ и Павсаній, ошудяющій Клеомена, и Плущархъ, выхваляющій его качества, согласны ме-

---

(18) Плущархъ, въ жизни Агиса и Клеом. — Онъ же въ жизни Филопатора. Поливій, кн. II. Юсшннъ, кн. XXVII, гл. 4. Павсаній, кн. II, гл. 9.

(19) Павсаній, кн. I, гл. 9.

жду собою въ шомъ, что касается до его мужества и дарованій ума.

Глубокомысленный Поливій (20), оплакивая печальный конецъ Клеомена въ Египтѣ, говоритъ о немъ, какъ „о „человѣкѣ, пріятномъ въ обращеніи, Госу- „дарѣ рѣдкихъ способностей и искусномъ „въ дѣлахъ общесшвенныхъ; какъ о вели- „комъ полководцѣ и великомъ Царѣ.“ Хвала, приписываемая пишомцу, должна опчасти опноситься и къ наставнику.

Вѣроятно, что еще прежде паденія Клеомена, Сферъ возвратился къ Клеанеу въ Аѣины; ибо извѣстно, что въ послѣдствіи Царь Египетскій Пшоломей-Филопаторъ, восшедшій на престоль по смерти опца своего Пшоломея Эвергета за 220 лѣтъ до нашей Эры, писалъ къ Клеанеу, прося его прибыть въ Египетъ, или по крайней мѣрѣ прислать одного изъ учениковъ его. Хрисипъ, слушавшій вмѣстѣ съ Сферомъ ученіе Зинона и поступившій также какъ и онъ въ училище Клеанеа, не захотѣлъ опправиться къ Пшоломею; но Сферъ принялъ предложеніе и прибылъ къ Царю въ Александрію (21). Покажешся конечно страннымъ, что сей Философъ рѣшился жить при дворѣ Го-

(20) Кн. V, гл. 9.

(21) Діог. Лаэрт. Кн. VII, въ жизни Хрисилла.

сударя, не задолго передъ тѣмъ погубившаго того самаго Клеомена, кошорый былъ его любимымъ воспитанникомъ, и къ кошорому онъ не могъ не питать чувствъ уваженія и привязанности. Какъ бы то ни было, но Діогенъ Лаэртій и Аевиней сообщаютъ намъ одинъ остроумный отвѣтъ, сдѣланный Сферомъ Пшоломею. Разговоръ коснулся однажды вопроса: „долженъ ли мудрецъ судить о вещахъ по одному простому мнѣнію?“ Философъ, следуя извѣстному правилу Споиковъ, (22) рѣшилъ сей вопросъ отрицательно. Пшоломей, для уличенія его въ заблужденіи, приказалъ, во время стола, подать различныя яства и плоды, искусно сдѣланные изъ воску. Сферъ, принявши сіи изображенія за настоящіе предметы, просянулъ къ онимъ руку; но Пшоломей ошпановилъ его, сказавъ, что онъ ошибается въ своемъ сужденіи. Тогда Философъ отвѣчалъ Царю безъ промедленія и весьма ксшати: „что сужденіе его было основано не на досповѣрности, но только на одномъ вѣроянтіи; и что большая есть разница между мыслію, выражаемою утвердительнымъ образомъ, въ коей не предполагается ошибки, и другою просто вѣроян-

---

(22) Овъ же, Кн. VII, въ жзни Аристона.

ною.“ (23) Свидасъ, (24) присвоиваетъ сей опвѣсть Клеану; но единоголасное свидѣтельство Діогена Лаэртія и Аиней безъ сомнѣнїа должно бысть предпочтено извѣстію, сообщаемому симъ писателемъ позднѣйшихъ временъ.

Діогенъ пишетъ также, (25) что во время бытности Сфера въ Египтѣ, нѣкто по имени Менесиспрахъ упрекалъ его въ томъ, что онъ не придавалъ Птоломею царскаго пишула. „Я не бѣ-
„сѣдую, опвѣчалъ Сферъ, съ Птоло-
„меемъ какъ съ царемъ могуществен-
„ной державы, но какъ съ человѣкомъ,
„любящимъ мудрость.“ Слово, достойное примѣчанія, которое возвышая Философію, должно было льстить самолюбію Монарха, коему оно присвоивало достоинство, бывшее въ споль большой чести у древнихъ.

Оспальные дни жизни Сфера укрылись опъ Испорїи. По видимому, онъ долженъ былъ дожить до довольно глубокой старости, поному что промежутокъ времени между смертію Зинона и восшествіемъ Птоломея-Филопатора на престоль, заключаешь уже въ себѣ 40 лѣтъ. При семъ должно пола-

(23) Онъ же кн. VII въ жизни Сфера. — Аиней, *лїръ угеныхъ*, кн. VIII, гл. 13.

(24) Въ словъ *Еулоуов*.

(25) кн. VII, въ жизни Сфера.

гашь, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ слушашелемъ Зинона и что прибытіе его въ Александрію послѣдовало не въ первые годы царствованія Пшоломея.

Сфера оставилъ многія сочиненія, о коихъ древніе писатели упоминающъ съ уваженіемъ. Ни одно изъ нихъ не сбереглось до временъ нашихъ; намъ извѣсны только однѣ заглавія нѣкоторыхъ, собранныя Діогеномъ Лаэртіемъ, и нѣсколько опривковъ разбросанныхъ въ разныхъ древнихъ книгахъ. Постараемся собрать здѣсь все, что возможно.

Важнѣйшія и обширнѣйшія изъ извѣстныхъ сочиненій Сфера, по видимому, были его три книги *о вещахъ, подверженныхъ противурѣчію*: въ сихъ книгахъ онъ старался, вѣроятно, оправдать Стоиковъ въ частыхъ противурѣчіяхъ, коими ихъ упрекали (26); далѣе, двѣ книги *о Системѣ Діалектики*, и *разсужденіе о Философахъ Эритрійскихъ*, основателемъ коихъ былъ Менедимъ Эритрійскій (27); двѣ книги *о страстяхъ*, двѣ *о мірѣ*, три *о Ликургѣ и Сократѣ* и *Разсужденіе о Республикѣ*

---

(26) Плутархъ о противурѣчіяхъ Стоиковъ и въ разговорѣ противу Стоиковъ.

(27) Діог. Лаэрт. кн. II, въ жизни Менедима Эритрійскаго.

Лакедемонской (28) — Сіе послѣднее сочиненіе заключалось, кажется, также въ трехъ книгахъ; Діогенъ Лаэртій не говоритъ того, но доказательство ему находимъ мы въ IV книгѣ *пирѣ мудрецовъ* Аѳиней (29), гдѣ мы читаемъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ сего писанія Сфера.

Аѳиней говоритъ объ общеспвенныхъ споллахъ Лакедемонянъ, называвшихся *Фидитіями*, или *Филитіями*, или же *Сисситіями*; что означало соединеніе друзей (30), потому что во время оныхъ, если вѣришь Плутарху, составлялись связи дружества между молодыми Лакедемонянами. „За сими прапезами, продолжаетъ Аѳиней, для коихъ каждой вносилъ свою часть припасами и деньгами, слѣдовали добавочныя блюда, называвшіяся *эпеклами*. Сфера въ 3й книгѣ Разсужденія своего о Лакедемонской Республикѣ, пишетъ „что каждый членъ *Фидитіи* доставляетъ *эпеклы* самъ для себя, и что охошники, коихъ иногда бываетъ много, приносятъ для того добытую ими дичь. „Что касается до богачихъ людей, то

(28) Онъ же кн. VII, въ жизни Сфера.

(29) гл. 8.

(30) Плутархъ въ жизни *Лихурга*, гл. 10 и 18. — Ксенофонтъ, въ *Рѣслубл. Лакедемон.* гл. 7. — Аристошель, въ *Политик.* кн. II, гл. 9.

„они присылаютъ хлѣбъ и овощи смощ-
 „ря по времени года, и соразмѣрно съ
 „числомъ собранныхъ въ *Фидити* особъ:
 „ибо считаютъ, что бесполезно бы было
 „заготовлять излишніе припасы, по-
 „тому что излишекъ оспался бы безъ
 „употребленія.“ (31).

Плутархъ, вѣроятно, въ томъ же са-
 момъ сочиненіи Сфера о Лакедемонѣ по-
 черпнулъ одну спашью, сохраненную
 имъ въ жизни Ликурга. Выпишемъ и сей
 отрывокъ, которъй покажетъ, сколь
 важными считали древніе Философы
 Ариеметическія числа.

Плутархъ повѣствуетъ о учрежде-
 ніи Сенапа въ Спарть. „Слѣдуя Ари-
 стотелю (пишетъ онъ) Ликургъ огра-
 ничилъ число Сенапоровъ 28 человекъ
 ми, потому что изъ 30 особъ, первоначаль-
 но согласившихся вмѣстѣ съ нимъ
 на перемѣну образа правленія, двое изъ
 страха усторонились потомъ отъ се-
 го предпріянія; но Сферъ напропивъ,
 утверждаетъ: „что съ самаго начала
 „Ликургъ пригласилъ только 28 чело-
 „вѣкъ къ содѣйствію ему въ преобразо-
 „ваніи и что онъ преимущественно на-
 „значилъ сіе число потому, что оно
 „есть число полное, составленное изъ
 „7 умноженныхъ 4 ю, и какъ первое по-

---

(31) Аэиней кн. IV, гл. 8.

„слѣб, представляющее число совершенное и равное въ соединеніи своихъ частей.“ Что до меня касается, продолжаешь Плушархъ; то я думаю, что законодатель избралъ число 28 Сенапоровъ преимущественно предъ прочими числами потому, что оно, со включеніемъ двухъ Царей, составляло круглый счетъ 30 особъ, заседавшихъ въ Сенапѣ. (32) Мы уже видѣли, что Сфера способствовалъ Клеомену въ преобразованіи, введенномъ симъ Царемъ въ Спартѣ, слѣдовательно онъ старался въроятно съ особеннымъ тщаніемъ изучать духъ законовъ Ликурга. Мы тѣмъ болѣе должны сожалѣть о потерѣ твореній Воспорскаго Философа о Республикѣ Лакедемонской, что творенія сіи были конечно плодомъ глубокихъ его размышленій, основанныхъ на самомъ опытѣ.

Между сочиненіями Сфера находимъ *трактатъ о Сѣмени* (33). Онъ думалъ, „что сіе вещество происходитъ отъ „совокупности тѣла, и что слѣдовательно способность рожданья принадлежитъ равно всѣмъ частямъ онаго. „Онъ присовокуплялъ къ тому, что „въ живошныхъ женскаго рода нѣтъ „силы плошотворенія по слабости, ма-

---

(32) Плушархъ въ *жизни Ликурга*, гл. 9.

(33) *Диог. Лаэрт.* кн. VII *жизни Сфера*.

„тому количеству, и водяности ихъ
„сѣмени (34).“

Діогенъ Лаэртій упоминаетъ еще о Сферовомъ практасѣ, о *Дефиниціяхъ или опредѣленіяхъ*, (35) а Цицеронъ пишетъ, что Сфера былъ почитаемъ между Споиками какъ человекъ, имѣвшій особенный даръ хорошо опредѣлять. Вотъ примѣръ опредѣленій Философа Воспорскаго: „Доблесть, или мужество есть такое состояніе духа, посредствомъ котораго мы переносимъ все, что, что только вышній законъ низаспавляетъ насъ претерпѣвать. Или: сохраненіе здраваго и твердаго сужденія, когда надлежитъ переносить, или отвергать отъ себя нечто кажущееся намъ непреодолимымъ; или же: наука презирать неблагопріятныя событія, составляя о нихъ наспоющее и вѣрное понятіе и имѣя всегда въ виду сіе понятіе.“ Таковы опредѣленія доблести или мужества, составленныя Сферомъ. Соученикъ его Хрисиппъ сказалъ короче: „Что мужество есть знаніе того, что должно претерпѣвать.“ (36) Во всѣхъ сихъ опредѣленіяхъ замѣтны спрогія правила Зионовой Философіи.

---

(34) Онъ же, кн. VII, въ жизни Зиона.

(35) Онъ же, въ жизни Сфера.

(36) Цицеронъ въ *Тускулан.* кн. IV, гл. 24.

Воинъ оспальныя сочиненія Сфера, коихъ Діогень Лаэртій сообщаетъ намъ однѣ заглавія: *о счастьи, о малѣйшихъ вещахъ, противъ атомовъ и призраковъ, о чувствахъ, о правоученіи, о должностяхъ, о склонностяхъ, о царствованіи, о законѣ, о гаданіи, о сходствахъ, о рѣчи, о привычкѣ, о пышности о славѣ, о смерти, о деусмысліяхъ, о категоріяхъ*. Сверхъ сего, Сфера издалъ *Любовныя разговоры*, нѣсколько *Писемъ* и многія *Диссертаціи*, изъ коихъ пять *о Ираклитѣ* (37). Сіе послѣднее сочиненіе вѣроятно принадлежало къ числу многихъ *Комментарій* на книгу *о Природѣ*, въ коей Ираклитъ разсуждалъ о мірѣ, полишикѣ и языческой *Теологіи*, и которая была написана довольно темнымъ слогомъ (38).

Хотя *Философія* *Споическая* была въ большой чести у Римлянъ и была одолжена сему народу величайшимъ своимъ блескомъ; но видно сочиненія Сфера были мало ему извѣстны. Одинъ Цицеронъ, какъ мы выдѣли выше, упоминаетъ о семъ *Философѣ*.

Въ заключеніе замѣшимъ, что *Споикъ* *Хрисиппъ* посвятилъ Сферу свое *Разсужденіе* о *Аркесилаевомъ искусствѣ* (39).

(37) Діог. Лаэрт. кн. VII, въ жизни Сфера.

(38) Онъ же, кн. IX, въ жизни Ираклита.

(39) Онъ же, кн. VII, въ жизни Хрисиппа.

Аркесилай былъ основателемъ средней Академіи, и изобрѣшателемъ искусства спорить въ подтвержденіе и опроверженіе одного и того же предложенія (40). Сіе общошпельство показываетъ можетъ быть ту пѣсную связь, которая соединяла двухъ знаменитѣйшихъ послѣдователей Зинона и Клеанѳа.

И. Стемпковскій.

Одесса.

6 го. Марша 1828.

Литтературныя и другія новости.

И. М. Снегиревъ, исполняя порученіе Московскаго Общества любителей Исторіи и Древностей Россійскихъ, занимается сочиненіемъ о Русскихъ народныхъ праздникахъ по слѣдующей программѣ (*):

---

(40) Онъ же, кв. IV, въ жизни Аркесилая.

(*) Варшавское Историческое общество предложило также подобную задачу: описать народные праздники и суевѣрія въ Польшѣ, и опредѣлило сочинителя награждать золотою медалью. Вѣроятно такой подвигъ заслужитъ и у насъ всеобщее вниманіе, особенно, если вникнуть въ тѣ трудности, съ которыми сопряженъ онъ для частнаго человека, не имѣющаго никакихъ пособій, а подкрѣпляемаго въ своихъ занятіяхъ одною любовію къ просвѣщенію ошечественному и къ старинѣ Русской. И. М. Снегиревъ приложилъ всевозможныя старанія къ приобрѣтенію матеріаловъ посредствомъ путешествій по Россіи, переписокъ и справокъ съ книгами. Здѣсь прилагается программа,

Праздники суть торжественные дни воспоминаний, благодарения и радости; предметы их — природа, человечество и Божество; цель — посредством торжественных обрядов призывать людей к соединению и любви взаимной, питая в них нравственные чувства и возбуждая благоговейное веселие, как благоприятствующее оным состоянием души человеческой.

Славянские народные праздники в России отдельно рассматриваются от праздников церковных, хотя и впадают во дни оных и с ними соединяются.

Как Поэзия и как достояние народа, праздники, показывая характер, дух и мнения его, относятся к Археологии, Мифологии и Нравственности. Народная *Русская Ертология*.

I. Народные праздники в отношении ко времени разделим на древние, берущие начало свое в языческих временах, до введения Христы в Россию; на новые, введенные разными обстоятельствами, и на смешанные, т. е. древние с новыми, отечественные с чужеземными, как то: с Греческими (Еллинскими), Финскими, Литовскими и даже Ташарскими, Христианские с язы-

---

по которой он намерен расположить свое сочинение, с тою целью, чтобы наблюдатели старины благоволили сообщить ему свои мнения о труды его или дополнения к оному. Он примет их с благодарностью. Мы с своей стороны весьма рады будем, если Журнал наш сделается посредником в таком полезном деле. *Прим. Изд.*

ческими и на оборотъ, такъ что нерѣдко Хрістіанскіе праздники имѣють языческія у простолюдиновъ наименованія, напр: Св. Иванъ называється *купалою*, *ярилою*, а Св. Агрипина *купальницею*, недѣля ошъ Рождества Хрістова *коледою* и *коротуномъ*; также Св. Власію суевѣріе поселянь даєть шѣ же принадлежности, какія *Волосу*, упоминаемому Неспоромъ и шворцемъ Игоревою пѣсни, *богу Скотію*, а Св. Іліи Пророку шѣ же, какія Перуну. Если оные праздники принадлежатъ не къ язычеству: то, по крайней мѣрѣ, къ первымъ временамъ Хрістіанства между Славянами, когда свѣтъ истинной вѣры еще слабо ихъ озарялъ. Предки наши, отвергнувъ идолопоклонство, немолко ско оразсѣпашься и со всіми его обрядами.

При такомъ многочасномъ и многообразномъ смѣшеніи мнѣній шрудно оплечить коренныя идеи ошъ прививныхъ. Многіе предметы, относившіеся къ идолослуженію, въ послѣдствіи обратились въ забаву, время ошъ времени измѣнялись и наконецъ дошли до насъ въ другомъ видѣ, сохранивъ шолько нѣкошорыя коренныя чершы.

Такъ какъ праздники приурочивающься къ порамъ годовымъ и къ работамъ сельскимъ, служа сроками плашежу оброка, временемъ ярмарокъ, или сборовъ, шорговъ, и въ древности также были временемъ вѣчей, судовъ народныхъ и святишельскихъ, и ш. д.: шю посему дѣлается они на *постоянныя*, напр: *праздничкіе дни въ Новгородѣ, Семихъ, и*

Радунецъ, Семень или Семень день и пр; на подвижныя, или *слугайныя*, напр: *Никольщина* (въ Коспр. Губ.), празднованіе свадьбы, именинъ, поминки, *коровья смерць*, или *опахиванье* во время скошскаго падежа.

Сюдаже принадлежатъ: *Авсень, застѣвъ, страдная пора*, или *страда* (въ Сибири); *помощь вдовья*, копорая отправляется въ дни воскресныя, *толокá* (поже что помощь опъ сосѣдей для уборки хлѣба и сѣна, или для унавоживанія полей), *бабье лѣто* между Успеневымъ и Ивновымъ (29 Ав.) днями въ Смол. Губерніи, а въ Москвѣ съ 1 Сенш.; въ Торопцѣ *Спожиницы, Дожинки* или *Обжинки*, соотвѣтствующія Иудейскому празднику *жатвы первородныхъ житъ, зажинъ* (наемъ въ работу на большія поля) и ш. д.

Сѣмейныя праздники: *бѣсѣды, братина* или *посидѣлки* и прочіе, упомянутыя въ числѣ случайныхъ; *общественныя*, напр: *Семикъ, Русальская недѣля, Купало* и ш. д.

Различіе и сходство Бѣлорусскихъ, Велико-россійскихъ и Малороссійскихъ праздниковъ.

II. По мѣсту, они бывають *общіе*, напр: *Маслница, Святки, Троицынъ, Семень, Ивановъ дни*; и *мѣстныя*, напр: въ Московской Губерніи *Красная горка*, въ Сибѣри *Клюгъ*, въ Цывильскѣ *Холки*, въ Ярославлѣ, Твери, Рязани, Коспро-мѣ и Воронежѣ *Ярило*. По мѣстамъ одни и шѣже праздники извѣстны подъ разными названіями, шакъ

напр: Московскій Семикъ въ Вологдѣ называется *Полянною*, въ Вянкѣ *Свистопляскою*. Иванъ Купало въ Твери называется *Ярило*, въ Новгородской Губерніи *Кѣккуй*; Рождество Богородицы въ Ярославлѣ *Лукоемъ* днемъ, въ друг. мѣстахъ *Пасиковымъ* и *Апосовымъ* днемъ; Святки къ Новгород. Губерніи *окрутаньемъ* и *кудесами*, въ Торопцѣ *Субботками*, въ Малороссіи *коледованьемъ*.

Мѣстомъ ошправленія сихъ праздниковъ, или игрищемъ сушь: горы, рощи, дубравы, жальники, берега рѣкъ и озеръ, луга и поля; одни изъ нихъ бываюшъ днемъ, другіе ночью, напр: опахиванье, загадыванье о святкахъ, купанье на Ивановъ день. Въ однихъ участвуюшъ мужчины, въ другихъ женщины, въ иныхъ дѣвицы, или шѣ и другіе вмѣстѣ.

Они соединены съ различными обрядами, напр: омовеніемъ, перескакиваніемъ черезъ огонь, окуриваніемъ, съ заплешеніемъ и пусканіемъ на воду вѣнковъ, съ хороненіемъ золоша, съ распленіемъ олова (ошъ чего, можешъ бытъ, и пословица: *слово олово*) и съ другими примѣпами, кои служатъ предзнаменованіемъ къ худу или добру (*).

Къ нимъ принадлежатъ *приговоры*, *оговорки*, *обрядовыя пѣсни* (купальскія, семицкія, троицкія, святочныя), *колы*, *хороводы*, *игры* и *пляски*.

Въ праздникахъ употребляется питье, напр: *пиво* (Маршовское, Кузмодемьяновское), *меды*, *вино*,

(*) НВ. *Игры и увеселенія* народныя, какъ у Грековъ и Римлянъ, соединялись съ праздниками.

варенуха и кушанья: *блины, пироги, пряженцы, пряники, ковриги и коврижки, бѣсѣдки* (въ Кашинѣ), *хворосты* (въ Курскѣ), *созни* (въ Сибири), *жаворонки, кресты, кони или лошадки* (о Свяшкахъ) *калитки* (въ стар. Ладогѣ), *калагы, басманы, короваи, драгены, лишницы* и ш. д.

Одно изъ сихъ кушаньевъ употребляется при поминовѣніи родителей, напр: блины, а другое при свадьбахъ, напр: короваи, претіе въ Семихъ, напр: драчены, козули (въ Коспр. Губ.), ярскіе (въ Торжкѣ) и пр.

А. А. Ювскій, кромѣ исчисленныхъ нами сочиненій въ прошломъ номерѣ, издалъ еще *Химическія уравненія*, и *Ниманово руководство къ осмотру Алтекъ*. —

Неизвѣстная дама издала Географическое Лото для дѣшей, въ коемъ на мѣсто номеровъ на картахъ и шашкахъ, означаются собственныя Географическія имена. Мысль очень остроумная! Деньги, выручаемыя продажею сего Лото, назначены великодушною Издашельницею на воспитаніе бѣднаго сироты. Приглашаемъ родителей и наставниковъ воспользоваться сею полезною игрушкою для своихъ дѣшей, и вмѣстѣ, такимъ дешевымъ для себя образомъ, участвовать въ благодѣшльномъ подвигѣ! —

При второмъ Изданіи мы совѣшавали бы выбросить изъ предисловія слова, что Географія есть наука памяти. —

Недавно вышелъ изъ печати списокъ Московскимъ всѣхъ гильдій купцамъ, въ трехъ столбцахъ, изъ коихъ въ первомъ означено имя, отчество, фамилія и гильдія каждаго купца; во второй мѣсто его жительства, въ третьей, — чѣмъ производилъ онъ торгъ и какія имѣлъ заведенія. Изъ сего списка видно, что купцовъ первоспашейныхъ въ Москвѣ 8, первой гильдіи — 158, второй — 296, третьей — 2520 (*), — Нѣжинскихъ Грековъ — 15; въ концѣ вышавлены имена купцовъ, ямщиковъ, Нѣжинск. Грековъ, о которыхъ не имѣлся свѣдѣнія.

Нѣсколько словъ отъ Автора Валленрода, приложенныхъ въ концѣ его книги.

Мы назвали повѣсть свою историческою; ибо характеры дѣйствующихъ лицъ и главные изъ упомянутыхъ происшествій списаны съ Исторіи. Лѣтописи того времени, состоящія изъ частныхъ и неполныхъ сборниковъ, должны пополняться догадками и объясненіями, если мы захотимъ составить изъ нихъ что нибудь исторически цѣлое. Но хотя я въ повѣсти о Валленродѣ и позволилъ себѣ нѣкоторыя догадки, однако надѣюсь оправдать оныя приближеніемъ къ истинѣ. Изъ лѣтописей видно, что Валленродъ не происходилъ изъ знаменитаго въ Германіи дома Валленродовъ, хотя и выдавалъ себя за члена онаго. По видимому, онъ былъ

(*) Почему съ 489 N. имена и проч. означены не въ столбцахъ, а въ строку?

чьимъ-то незаконнымъ сыномъ. Кенигсбергская лѣтопись (изъ библіотеки Валленрода) говоритъ: er war ein Affenkind. О характерѣ сего удивительнаго чловѣка находимъ разныя и противорѣчащія одно другому извѣстія. Ббольшая часть лѣтописцевъ упрекаетъ его въ гордости, жестокости, пьянствѣ, спротиву къ подчиненнымъ, въ маломъ усердіи къ вѣрѣ и даже ненависти къ духовенству. Въ одной лѣтописи (также изъ библ. Валленрода) онъ названъ Reiterfinder. „Его сердце всегда расположено было къ одной войнѣ, спорамъ и раздорамъ, и не смотря на то, что Орденъ обязывалъ его преданностію къ Богу, онъ былъ ужасомъ всего благочестиваго духовенства.“ (Давидъ Люкасъ.) „Онъ не долго правилъ; ибо Всевышній наслалъ на него огонь внутренній.“ Но съ другой стороны погдашніе же писатели признають въ немъ величіе души, мужество, благородство и швердось характера, ибо безъ рѣдкихъ качествъ онъ не могъ бы удержать своей власти въ Орденѣ, заслуживши нанесенными ему бѣдствіями его ненависть. Припомнимъ теперь дѣла Валленрода. Когда принялъ онъ начальство надъ Орденомъ, все благопріятствовало къ войнѣ съ Литвою; ибо Вишовшь обѣщался самъ вести Нѣмцевъ на Вильну и щедро награждать ихъ за сію помощь. Но Валленродъ оплагаль войну, болѣе и болѣе отвращая отъ себя Вишовша и въ то же время такъ ему довѣрился, что сей Князь, тайно помирясь съ Ягеллономъ, не

только ушелъ изъ Пруссіи, но на пуши вступаю въ Нѣмецкіе замки какъ союзникъ, сожигалъ ихъ и истреблялъ гарнизоны. Въ такой бѣдственной перемѣнѣ обстоятельствъ надлежало или оставить войну или начать ее съ большою осторожностію. Великій Магистръ объявилъ крестовый походъ, отдалъ всю казну Ордена на приготовленія (5,000,000 маркъ, около миліона Венгерскихъ флориновъ — сумма въ то время необъяснимая) и пошелъ на Липву. Онъ могъ бы овладѣть Вильною, еслибъ не прашилъ времени на пиряхъ и охотѣ. Наступила осень; Валленродъ, оставивъ лагерь безъ провіанта, въ величайшемъ безпорядкѣ возвратился въ Пруссію. Лѣтописцы и позднѣйшіе Историки не могутъ отгадать, чѣмъ было поводомъ къ такому внезапному отступленію, и въ современныхъ произшествіяхъ не находятъ тому причины. Нѣкоторые даже приписывали побѣгъ Валленрода помѣшательству въ умѣ. Всѣ упомянутыя здѣсь противорѣчія въ характерѣ и поступкахъ нашего героя согласить можно, если допустимъ, что онъ былъ Липовецъ, и умышленно вступилъ въ Орденъ, чтобы отмстить ему за опеченство. Въ самомъ дѣлѣ, правленіе его нанесло сильнѣйшій ударъ могуществу крестоносныхъ рыцарей. Положимъ даже, что Валленродъ былъ пошлѣе Вальшера Спационъ, сокративъ нѣсколькими только годами прошекшее время между отъѣздомъ Вальшера изъ Липвы и появленіемъ Конрада въ Мариенбургѣ. Валленродъ умеръ въ 1394 г. скоропо-

стижно : рассказываютъ чудеса о его кончинѣ. „Онъ умеръ , говоришь Лѣтопись , въ бѣшенствѣ безъ соборованія Св. Елеемъ , безъ благословенія пасшырскаго. Не задолго до смерти его свирѣпствовали бури , ливни , пошопы; Висла и Ногашь снесли плошины . . . . воды прорыли себѣ новое лоно шамъ , гдѣ шеперь спойшь Пилау.“ Гальбанъ , или какъ именуютъ его лѣтописцы , Докторъ Леандръ фонъ Альбанусъ , монахъ , единственный и неразлучный другъ Валленрода , подъ личиною набожности ; по сказанію лѣтописцевъ , скрывалъ въ себѣ ерешика , язычника и даже кудесника. О кончинѣ Гальбана нѣтъ вѣрныхъ извѣстій. По словамъ иныхъ , онъ ушолъ ; по другимъ , ушелъ тайно или взялъ былъ саханую. Лѣтописи , нами приведенныя ; взяты по большой части изъ сочиненія Коцебу, *Preussens Geschichte, Belege und Erläuterungen* (Исторія Пруссіи съ примѣчаніями и объясненіями). Гаршкнохъ , называя Валленрода безумнымъ (*unspinnig*) , весьма кратко даетъ о немъ извѣстіе.

~~~~~

Разкыя извѣстія.

Смерть Ленга и Клаппертона. Наконецъ , къ сожалѣнію всѣхъ просвѣщенныхъ , подтвердилась достовѣрными извѣстіями кончина сихъ двухъ предприимчивыхъ путешественниковъ , хотѣвшихъ проникнуть въ внутренность Африки. Ихъ намѣреніе , по крайней мѣрѣ , не совсѣмъ было без-

успѣшно. Ленгъ былъ убитъ въ самомъ Томбукту, а Клаппершонъ въ Сакашу. Жители, опасаясь, чтобы они не открыли народамъ Христіанскимъ ихъ внутренняго состоянія, и шѣмъ не показали способовъ къ завоеванію ихъ страны, умерщвили ихъ.

Высота Монблана. По измѣренію Гг. Рожера и Корабѣфа высота Монблана надъ озеромъ Женевскимъ проспирается почти до 4,435 мешровъ; озеро Женевское находится на 376 мешровъ выше морской поверхности, и слѣдовательно высота Монблана надъ морскою поверхностію проспирается до 4,811 мешровъ.

Новый вулканъ въ Баку. Кавалеръ Гамба, Франц.Консулъ въ Тифлисъ, сообщаетъ извѣстіе объ изверженіи новой огнедышущей горы, открывшейся 25-го Декабря прошедшаго года недалеко отъ Баку.

Последній листъ 10 го нумера печатанъ въ отсутствіе Издашеля, — потому вкрались нѣкоторыя ошибки и перепечатано старое извѣстіе о народочисліи въ Киптаѣ изъ Апрельской книжки *Journal des voyages*, напечатанной въ М. В. еще въ прошломъ году изъ другаго иностраннаго Журнала. Издашель проситъ своихъ субскрибентовъ замѣнить последнюю страницу (229) прилагаемую.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Мая 29 го дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя Цензоръ
Сергій Аксаковъ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Обѣтъ Іефеая ().*

За мной, подруги молодя,
Эсфирь, Тамарь, Рахель и Лія!
Берише болѣ цвѣшовъ
И звонче бейше по шимпанамъ!
Скорѣй, во срѣшенъе полковъ,
Къ своимъ роднымъ Израильшнянамъ:
Я слышала побѣды кликъ,
Труба завѣшная звѣнѣла;
И ошъ чего — но лишъ на мигъ —
Сшѣснилась грудь, душа замѣла? . .
Идешъ великій мой ошець:
Ему хвала, ему вѣнецъ!
И мы ликуя, мы играя,
Подруги, встрѣшимъ Іефеая!
Спѣшатъ. . . .

*

Предводяшь рашныхъ ходъ
Левиты, пастыри свяшы,

(*) Библия, книга суд., глава XII.

Покушъ, трубяшъ въ рога вишые;
 Въ дыму кадилъ несущъ Эффодъ;
 Слились гуслей и арфы звуки. . . .
 И радостно просперши руки,
 Летишь къ отцу младая дочь,
 На выю кинулась, лобзаешь. . .
 Но, мрачный какъ въ пустыни ночь,
 Ефеай надъ дочерью рыдаешь.
 И вдругъ скръпясь и гласъ смягча:
 „Зачѣмъ къ отцу такъ горяча!
 О, дочь! на что съ такимъ порывомъ,
 Куда спѣшишь? — къ чему бѣжашъ?
 За чѣмъ ты *первая*? — ты ждашь
 Моглабъ отца не шоропливо.
 Ахъ, слащебъ къ сердцу моему
 Тебя прижалъ въ моемъ дому,
 Мое возлюбленное чадо!
 Единородная моя!
 Ты все мое, моя семья:
 Увы! кого шеперь, съ усладой,
 Къ себѣ привьетъ рука швоя,
 Ефеай, окованный обѣтомъ?
 Я шрачу все, все ошданѣ!“ . . .
 „Опець! ушѣшь меня ошвѣтомъ:
 Въ швоихъ словахъ мнѣ шакъ шемно!“
 „Я объяснюсь. . . . Я укрѣпился,
 Судьбѣ необходима дань! . . .
Аммонъ, ты знаешь, ополчился,
 Пустыни сынъ возшаль на брань;

И наши трубы зазвѣли;
 Курились жершвой олтари,
 И Аммонитскіе цари
 Въ поляхъ Израиля узрѣли.
 Ужь насъ одна дѣлила ночь,
 Мы такъ сошлись съ ними близко
 И шущь, не пошаю, о дочь!
 Мое упало сердце низко.
 Но я дрожалъ не за себя!
 О милой родинѣ скорбя,
 Вперилъ я въ небо мысль и очи.
 Чредой шекли видѣнья ночи:
 Явились зыбкіе *Вѣсы*
 Подъ синизной небесныхъ сводовъ,
 На нихъ судьбины двухъ народовъ . . .
 Бѣжала ночь, шекли часы,
 Съ какой-то шайною свяшныи
 Архангелъ Божій пролеталъ;
 Онъ, мнѣ сдалось, сынамъ пустыни
 Побѣды славу общалъ:
 Ихъ было много ... много ... бипва
 Дышала гибелью на насъ;
 И понеслась моя молишва,
 И я возвысилъ швердый гласъ,
 И сотворилъ объшь скрѣпимся
 Единородная моя! . . .
 Когда съ побѣдой возвратимся
 Въ свой край, такъ рекъ въ молишвѣ я:
 Будь *первый встрѣнный* обреченнымъ —

Хошябъ ошець, иль другъ иль брашь —
 Его сожгу огнемъ священнымъ
 Какъ жертву . . . слышу въ сердцѣ хладъ :
 Увы! ты первая . . . о Боже!
 На что ты первая? . . . „Но что же?
 Мнѣ эша ли страшна судьба? . . .
 Я Богу вѣрная раба!
 Я дочь великаго *Ефвая*!
 Обѣща крѣпость сохраняя,
Ефвай! родитель мой, мой Царь!
 Не нарушай свяшаго слова:
 Пускай гошовишя алшарь,
 А жертва на алшарь гошова!
 Въ шиши младыхъ моихъ годовъ
 Не знала я спрасней волненья:
 И чистую ты избралъ кровь,
 Ошець! для жертвоприношенья.
 Будь смерть моя родной спранъ
 На жизнь, на счастье залогомъ:
 Я гасну здѣсь, но въ вышинѣ
 Сольюсь съ живымъ и вѣчнымъ Богомъ!
 Не бойся робости моей:
 Ни страха, ни волненья груди
 Не узрятъ въ дочери швоей
 Ни Божій жрецъ, ни наши люди!
 И скажущь: „въ храмъ съ своимъ ошцемъ
 Она вошла споной незыбкой,
 И, подь сверкающимъ ножемъ,
 Сіяла радостной улыбкой,

Полна' покорной тишины ...

Но , мой опецъ , пока свершился

Въ выси небесной кругъ луны ,

Дай мнѣ *послѣднимъ* насладиться :

Хочу съ природой распросишься

Моей родимой стороны.

Возьму подрутъ , усавлю хоры ,

И на знакомыя намъ горы

Пойдемъ мы къ горлицамъ спонашъ.

Тамъ дѣвственность мою оплачу ;

Не буду я младенцу машъ

И жизнь до брачныхъ узъ ушрачу :

Дозволь !“ ... „Иди , дия , спѣши !“

И (чшобъ закрышь шоску души ,

Въ кошорой мука безъ надежды)

Онъ скрыль лице свое въ одежди

* * *

Ужь пролешали день за днемъ ;

Уже давно костры сѣли ,

И алые ручьи бѣжали

Подъ свѣшлымъ , выгнушымъ пожемъ.

Жрецы , въ одеждахъ *Аарона* ,

Дождили жершвенную соль

И , по велѣнiю закона ,

Дѣлили , по размѣру доль ,

Мяса-сожженiя и туки ,

И воздѣвали къ небу руки

Левишы , съ пѣснiю свяшой ;

И спройныя Салима дѣвы ,

Облекшись Тирской *сиңетой*,
 Святые вшорили напѣвы.
 Одинъ косперъ въ шиши пылалъ,
 Иной онъ *жертвы* ожидалъ

* * *

„Играйте ; волны Иордана !
 Свѣшлѣй , звѣзда родныхъ небесъ !
 И на крушыхъ холмахъ Ливана
 Шуми , шуми кедровый лѣсъ !
 Созрѣешь жашва золошая ,
 Зардѣешь финикъ на скалѣ ;
 Одной лишь дочери *Ефѳая*
 Не *станеть на родной землѣ*.“
 Такъ пѣли дѣвъ Салимскихъ хоры . . .
 Пещера звонкая въ скалѣ ,
 И , мнилось , вшорили и горы :
 „*Не станеть на родной землѣ !*“

*

Играли волны Иордана ,
 Взошла звѣзда родныхъ небесъ ,
 И на крушыхъ холмахъ Ливана
 Шумѣлъ , шумѣлъ кедровый лѣсъ .
 Созрѣла жашва золошая ,
 Зардѣлся финикъ на скалѣ ;
 Одной лишь дочери Ефѳая
 Не стало на родной землѣ ! . . .

Ө. Глинка.

1827 годъ. Июль. Г. Петрозаводскъ.

П Р О З А.

*Взятіе Константинополя.**Изъ Гаммера.*

(Продолженіе).

Въ восточномъ углу Эракіи, на семи холмахъ, подобно древнему Риму, возвышается новый, именуемый опъ своего перваго основателя Византіею, опъ вѣрстаго Конспаншинополемъ, а по испорченному Греческому имени города нынѣ Испамболомъ (а), или еще болѣе испорченнымъ, но въ устахъ Турокъ много знаменательнымъ словомъ Исламболъ п. е. обширный Исламъ, или полноша Ислама. Греки называли его также *Анеусою*, п. е. цвѣтущею (б), Арабы — Конспаншинеи Фарукъ (в), п. е. разлучающею, потому что онъ лежитъ на почкѣ раздѣленія Европы и Азіи; и какъ Арабы называютъ Мекку — матерью городовъ, такъ Османъ придаетъ столицѣ своего Государства пышное, но положеніемъ ея заслуженное имя матери свѣта (Уммедюнѣя). Какъ владычица двухъ часпей свѣта и двухъ морей, какъ рожденная повелительница Азіи и Европы, какъ величайшее складочное мѣсто Востока и Запада, дер-

(а) Испорчено изъ *εις την πόλιν*.(б) *Λυδουβι*.

(в) Камусъ III часть. Константинов. изданіе с. 40 I:

жишь она престоль свой на границахъ обвухъ, и съ двухъ споронъ окружаешся волнами, а шолько съ шрешей при-мыкаешъ къ швердой земль Эракии. Къ Югу обращаешъ она взоры свои на Пропоншиду (море Мармарное), а къ испоку оной на Геллеспоншь, (Дарданеллы), рыбою обильный; къ Воспоку на Босфоръ (каналъ), семь разъ подобно великой змиъ извивающійся, и при каждомъ берегу имъющій семь мысовъ, семь печеній и семь прошивопеченій; пошомъ чрезъ сѣверное усшь онаго на бурный Поншь (Черное море). При южномъ усшь, ш. е при началъ своемъ, Босфоръ изгибаешся къ западу и образуетъ обширнѣйшую, удобнѣйшую гавань, кошорая наполняешся кораблями по всѣмъ вѣшрамъ и доставляешъ имъ безопасность; она по своему виду и ешественному богатшву прежде именовалась Золошымъ рогомъ (а). Гавань сосшавляешъ одну, берегъ Пропоншиды другую, сшвна съ сухаго пуши шрешью сторону большаго криволинейнаго шреугольника города, кошорый съ обвухъ морскихъ споронъ былъ окруженъ просшою сшвною безъ рвовъ, со спороны сухаго пуши защищался двойною высокою сшвною, съ высокими башнями, и двойны-

(а) Хрубокерас.

ми, глубокими и широкими рвами. На каждомъ изъ трехъ угловъ эшого, на при часа ходьбы проспирающагося преугольника возвышался укрѣпленный замокъ; на одномъ концѣ гавани, на высошѣ съ двухъ споронъ обшекаемой моремъ, которая прежде называлась Акрополемъ, а нынѣ естъ мысъ Серая, споялъ замокъ св. Димитрія, получившій свое названіе ошъ церкви шого же имени, и сообщившій оное мысу; море называется рукавомъ Св. Георгія также ошъ близъ лежащей церкви. Во шпоромъ углу преугольника, на другомъ концѣ гавани, на самомъ краю, споялъ Кинегіонъ, (нынѣ Гайванъ серый), амфишестръ, назначенный для звѣриной бишвы, а позади его дворець Влахернскій, копорый послѣдніе Цари Греческіе любили преимущественно предъ другими дворцами и копораго имя сохранилось въ нынѣшнемъ Греческомъ отдѣленіи города, по немъ названномъ. На шрешнемъ концѣ города, ш. е. на другомъ концѣ спѣны съ сухаго пуши, возвышался Киклобіонъ или Пеншапиргіонъ, или пяпибашенная крѣпость, послѣ знаменишая подъ именемъ семибашенной. Осмошрѣвъ при края преугольника, взглянемъ на бока его, держась шолько окружности города, копораго внутренніе дворцы и церкви, исключая одной

Св. Софіи, т. е. божественной мудрости, не встрѣчающа въ Истории осады, а слѣдственно и здѣсь также. На споронѣ прибрежной, обращенной къ Пропонтидѣ, (на одномъ концѣ которой лежитъ высота Акрополя, (Серая), а на другомъ Семибашенная) находились двѣ искусственныя, шеперь засыпанныя и внутри спѣныя заключенныя гавани, одна прежняя Елевтерійская или Теодосійская (а), нынѣ Влангабостанъ, (б) другая Юліанская или Софійская, нынѣ еще называемая Кадригалимани, т. е. галерною гаванью; послѣдняя въ отдѣленіи Кондоскаль (короткая лѣстница), которая прежде называлась гептаскалонъ, т. е. семиступенною лѣстницею (в). Обѣ гавани были украшены дворцами, первая Елевтерійскимъ, вторая Софійскимъ. Между высокою Св. Димитрія, окруженною моремъ, и Софійскою или Юліанскою гаванью, стоялъ нижній Царскій дворець Буколіонъ (г), (близъ Тшапладикапу), названный такъ отъ группы льва и быка, высѣченной изъ камня; верхній или большой Царскій дворець занималъ частію мѣсто шеперешняго Серая. Ме-

(а) К. и В. I, с. 209.

(б) Имя Вланга употреблялось еще у Грековъ *αχρη του Βλαυα* Дука XXXIX. с. 159.

(в) К. и В. I. с. 124.

(г) Тамъ же с. 196.

жду Елевперійскою или Θεодосійскою гаванью (Влангабоспань) и Киклобиономъ (семибашенною) лежалъ дворець Псаматія (а), близь воротъ, еще нынѣ такъ называемыхъ.

На другой, приморской сторонѣ города, которой одинъ конецъ есть мысъ Сераля, а другой отдѣленіе Влахернское, открывающія нынѣ къ гавани четырнадцать воротъ, изъ коихъ однакоже только пять являющіяся въ Испоріи осады: первыя и крайнія ворота Кинегіонъ (б), вторыя Ксилопорта, т. е. деревянныя, (в) третьи большія ворота дворца Влахернскаго, четвертыя Пепрапоръ, въ нынѣшнемъ Фанаръ или Греческомъ отдѣленіи, наконецъ Орайя, нынѣ Иудейскія, или ворота рыбнаго рынка. При нижней части дворца Влахернскаго находились подземныя задѣланныя ворота, Керкопорта, которыя задѣланы вельѣмъ еще Исаакъ Комнинъ, спрashedъ исполненія пророчества, что (г) Императоръ Фридрихъ войдетъ ими въ городъ; это одинъ и тѣже съ Ксилопор-

(а) У францеса *Φομαζίων* III. 3. с. 56.

(б) Нынѣ Гавань Серая Капуси, то есть ворота звѣринаго дворца.

(в) Сіи деревянныя ворота, Ксилопорта, не должно смѣшивать съ нынѣшними деревянными воротами къ гавани, которыя называются Одувъ Капуси. Одувъ по турецки значитъ дерево.

(г) Никита Хоніашъ II, 4.

пою. Если мы можемъ оспавить вороша прочія къ гавани, какъ и семь башень на морской споронѣ, по должны напрошивъ того обспояшельно разсмопрѣшь вороша сухаго пуши, пошому что ошсюда успремилась вся сила осады, и пошому что всѣ онѣ изчислены поименно въ испоріи оной. Первыя вороша со спороны сухаго пуши суть Карсійскія, называемыя шакже Калигаріею, кошорыхъ имя Турки по обыкновенію своему, чшобъ оно значило что нибудь, исказили въ Егрии Капу ш. е. кривыя вороша (а). Онѣ шакже назывались Булгарскими, а для насъ могли бы преимущественно именовашься Нѣмецкими, пошому что Визаншійская Испорія два раза упоминаешъ о двухъ Нѣмцахъ, кошорымъ было поручено защищеніе ихъ, во время Комнина, Арнульфу Гильпрехту (б), а при послѣднемъ Констаншинѣ Іоанну Гранту (в). Вторыя вороша, (нынѣ Адрианопольскія), назывались Маріандри или Поліандри, ш. е. вороша тысячи или многихъ людей, пошому что при поспроеніи сшѣнь обѣ половины строившихъ, изъ коихъ одна начала работу на правомъ концѣ (у Влахерна), а другая на лѣвомъ (у семибашенной), здѣсь сошлися

(а) К. и В. I. с. 106. у Леонарда Хіосскаго Каллгаріа, у Дуки *χαρβίου*.

(б) Анна Комнина, К. II. 3.

(в) *Johannis Crandi Alemani*. (Леон. Хіос).

вмѣспѣ и соспавили многочисленное скопище. Еще при осадѣ города Аварами, между сими и ближайшими ворошами происходила жесточайшая битва (а); но во время Турокъ это случилось у шрепъихъ и среднихъ ворошъ, у ворошъ Св. Романа, копорья еще нынѣ, ошъ ужасной осадной пушки, на нихъ направлявшейся, называются Топъ Капуси, ш. е. вороша пушки. Близъ нихъ возвышались двѣ башни, одна Св. Романа, а другая Багдадская (б). За симъ слѣдуютъ ворошы, изъ коихъ дорога вела сперва въ дворець испочника (в) (нынѣ Балик-лю), потомъ чрезъ Регіумъ (Щекмедше) въ Селимбрію (Силиври). По этому онѣ носили тройное названіе ворошъ испочника, ворошъ Регіума (г) и ворошъ Селимбрии (д), послѣднее удержали до сихъ поръ. Наконецъ пятыя и послѣднія ворошы, упоминаемыя въ Испоріи осады, суть Золошья, чрезъ копорья ходили шріумфаторы, и копорья, будучи украшены мраморными статуями и барельефами, соспавляли большія Тріумфальныя вороша города. Хо-

(а) К. и В. I. с. 107. Кодишь. Chronicon Pascale въ Герракліѣ.

(б) Turris Bactatinea. (Леон. Хіос).

(в) Της πηγης Дука. См. К. и В. I. с. 210.

(г) К. и В. I. с. 110.

(д) Της πυλης της λεγομενης Σιλυβριας. Францесъ, IV. 2. 3. с. 56 Альшерово изданіе.

ша нѣкоторыя шріумфы, какъ шо: Вандальскій, въ кошоромъ несли передъ Велизаріемъ золошыя храмовыя сосуды, похищенныя Гензерикомъ изъ Рима и опяшь опняшыя у Гелимера, — Готскій, кошорый шоржешествовалъ соперникъ Велизарія евнухъ Нарсесъ, — Персидскій Гераклія, — Паннонскій и Далмашскій, кошорымъ Іоаннь Комнинъ ознаменовалъ побѣды свои надъ Персами и Далмашами, — проходили шолько опъ Акрополя чрезъ Гипподромъ до большой церкви (Св. Софіи): однако же большая часть шріумфовъ, какъ-шо чешыре Булгарскіе, Гераклія, Іоанна Цимискія, Никифора Фоки и Василія, испребителя Булгаръ, и Сарацинскій, празднованный Теофиломъ по возвращеніи его изъ Тарса и Мопсуесшы, проходили чрезъ Золошыя ворота, и прямо по большой улицѣ, дѣлившей городъ, до желѣзныхъ воротъ большаго дворца. Вскорѣ за послѣднимъ шріумфомъ испребителя Булгаръ, ворота задѣлали, опасаясь, дабы не сбылось пророчество, что Лашинцы возьмутъ городъ и вступяшь въ него чрезъ сіи ворота. Изъ подобнаго же опасенія на прошивоположномъ концѣ этой же стѣны были задѣланы подземныя ворота (Керкопорша) (а); но мы видимъ,

(а) Радульфъ де Дичето. Матю. Париж. Рожеръ Говеден. въ Дюканжевомъ Constantinopolis Christ. I. с. 363.

что во время осады онѣ были опять опшворены, и, вмѣсто Императора Фридриха и Лапинцевъ, чрезъ оныя проникли Турки. Золотыя ворота оспались зашворенными, и до сего дня продолжается пророчество, что онѣ при перемѣнѣ власпишелей города, перемѣнили только роль: пошому что чрезъ Золотыя ворота, чрезъ копорыя шакъ часто входили въ шріумѣ Хриштолюбивыя Императоры, должны опять, — шакъ говорить пророчество, въ которое вѣрують сами Турки, — нѣкогда вступишь Хриштіане во градъ Конспаншина, возвращенный вѣрѣ опцевъ его.

Кромѣ пророчествъ, Богомъ вдохновенныхъ, во всѣ времена существовали ложныя и справедливыя пророчества, вѣрныя, ясныя взгляды въ будущее, и пустыя предсказанія; первыя высшимъ возрѣніемъ на внутреннюю сущность вещей и необходимую связь причинъ и дѣйствій въ произшествіяхъ были основаны на швердой почвѣ разсудка и опытности; вторыя слѣпымъ суевѣріемъ въ случайныя наружныя явленія ушверждались на зыбучемъ пескѣ пустыхъ словъ и знаковъ. Однѣ, свободныя отъ страстей; по этому самому не уважаются людьми, копорыя окованы спрашями, и исчезають обыкновенно, не обративъ на себя вниманія; другія, по

большей части спрашями внушаемья, бывающъ сильнымъ побудительнымъ средствомъ мужества или страха. Таковы суть пророчества и сказанія народныя: онѣ имѣютъ большую важность для Историка, потому что не рѣдко объясняютъ духъ времени, характеръ народа, составъ правленій, связь происшествій. — Народы, какъ особья лица, пророчествуя себѣ счастье или несчастье, сами готовятъ оное, если пророчества исходятъ отъ внутренняго корня силы или безсилія, ближайшихъ причинъ благополучія или злополучія. Не то что предсказываетъ врагъ или другъ, но то что самъ предвѣщаетъ себѣ въ чувствѣ мужества или боязни, несетъ за собою побѣду или гибель. Пророчества, извнѣ разпространившіяся, могутъ иногда ускорить совершеніе той или другой; но пророчества, изъ среды народа выходящія, непременно пролагаютъ путь его возвышенію или паденію, и на нихъ должно взирать не только какъ на содѣйствующія причины послѣдняго завоеванія или пораженія, но какъ на преждевременное слѣдствіе духовнаго благосостоянія или нравственнаго разрушенія, за которыми слѣдуетъ владычество или рабство. Мужество и сила предсказываютъ себѣ побѣду и завоеваніе, слабость и немощь пораженіе

и смерть. Признакъ восходящаго и низходящаго Государства, характеръ покоряющаго и покоряемаго народа, ясно изображается въ его пророчествахъ. Это положеніе подтверждается предвѣщаніями, существовавшими у Христіанъ и Мусульманъ, о завоеваніи Конспаншинополя и судьбъ Византійской Монархіи, которыя вѣрно сохранены для насъ Греческими и Турецкими историками. Поэтому выслушаемъ нѣ и другія, какъ многозначущіе отголоски ихъ времени.

Начнемъ съ Христіанскихъ. Предсказанія сіи были чепырехъ родовъ; онѣ касались или только судьбы столицы, или всего Государства, судьбы Палеологовъ или всѣхъ Христіанъ. Мы не включаемъ въ ихъ число Пророчества Священнаго писанія, мѣстъ изъ Боговдохновенныхъ Пророковъ Ісаи (а), Іезекіиля, Аммоса и Іереміи, примененныхъ Историкомъ Дукою къ ужасамъ завоеванія. Мы говоримъ только о частныхъ. Кромѣ предсказанія, относящагося до двухъ городскихъ ворошь и при описаніи ихъ упомянушаго, (что оными вступяшъ Императоръ Фридрихъ и Лапинцы), существовали еще два о судьбѣ города. Первое: что непріятель проникнешъ до середины онаго, до бычачьей

(а) Дука XXVII с. 149, 164 и 165.

площади (а); но что здѣсь жилиши возвращаясь, храбро опразяшь его и удержишь городъ (б). Второе, сдѣланное за нѣсколько вѣковъ однимъ благочестивымъ мужемъ, по имени Мореномъ, что народъ, состоящій изъ стрѣльцовъ, овладѣетъ гаванью города и уничтожитъ Грековъ. Хотя оба онѣ противорѣчили одно другому, предсказывая совершенную гибель и только великую опасность; но послѣднее, единственное въ этомъ родѣ, было заглушено бѣльшимъ числомъ предвозвѣщавшихъ конецъ города, Государства и царствующаго дома. Впрочемъ предсказаніе благочестиваго Морена было весьма неопредѣленно: ибо названіе стрѣльцовъ можно примѣнить не только къ Арабамъ, Персамъ и Туркамъ, но также къ Словенамъ, Булгарамъ, Аварамъ, даже къ Франкамъ, Латинцамъ и Грекамъ, однимъ словомъ ко всѣмъ народамъ, употреблявшимъ луки и стрѣлы, которые являлись передъ Константинополемъ. Въ отношеніи къ Государству, существовало пророчество, приписанное Льву Философу, и не за долго найденное въ монастырѣ Св. Георгія, близъ арсенала (на мысѣ серальномъ), состоявшее изъ двухъ досокъ,

(а) Forum tauri. Смолр. К. и Б. I. 170. 9.

(б) Халконд. к. VIII. с. 124. Баз. Изд.

раздѣленныхъ на поля, изъ коихъ одна заключала поле для имени Императоровъ, другая Папріарховъ. — Поля сіи были наполнены именами Императоровъ и Папріарховъ, которые со временъ Льва сидѣли на престолахъ Царскомъ и Папріаршемъ, и только два поля оставались незанятыми: одно для послѣдняго Императора, другое для послѣдняго Папріарха. Второе предсказаніе, возвѣщавшее паденіе Грековъ, находилось въ оракулахъ, приписанныхъ Египрейской Сибиллѣ. Пророчества прешьяго рода, собственно касавшіяся до дома Палеологовъ, назначали времени ихъ правленія пѣть же предѣлы, какъ и дому Османовъ; пошому что Михайль Палеологъ и Османъ почти въ одно время вознеслись, пошъ на престолъ Комниновъ; а эшопъ — Седжуковъ, и оба въ одно время должны были низвергнуты съ оныхъ. Михайль, родоначальникъ Палеологовъ, говоряшъ, вопрошалъ однажды у вѣщунновъ о судьбѣ Монархіи въ рукахъ своихъ преемниковъ; они отвѣчали ему ничего не знаменующимъ словомъ Мамаими; изъ этого вывели, что сколько наслѣдниковъ его будетъ царствовать, сколько буквъ содержишь въ себѣ это слово; а пошому и предсказывали паденіе ихъ дома съ седьмымъ Палеоло-

гомъ. Наконецъ о судьбѣ всего Турками угрожаемаго Христіанства существовало Венгерское пророчество, которое Гуниадъ слышалъ послѣ потери сраженія при Кассовѣ, изъ устъ одного старца. „Христіане,“ такъ утѣшалъ онъ героя, скорбѣвшаго о своемъ пораженіи, „до тѣхъ поръ не будете счастливы, пока Греки не уничтожатся совершенно. Чтобы положить конецъ неудачамъ Христіанъ, необходимо нужно разрушеніе Константинополя Турками.“ Всѣ сии пророчества, возвѣщавшія гибель Грековъ, исходили отъ нихъ самихъ, потому что даже Венгерское предсказаніе Византіецъ только влагаешь въ уста старца. Какъ могли выходить оракулы бѣдствія изъ пухлой, на глиняныхъ ногахъ стоявшей статуи Византійской Монархіи, — объясняетъ духовное и нравственное разрушеніе оной, вѣрный предвѣстникъ политическаго; какъ гибельно дѣйствовали на судьбу осажденных эти голоса злобщихъ врановъ, которые, носясь надъ полемъ битвы обихъ державъ, обоня запахъ смерти, каркали въ воздухъ, — объяснился дальнѣйшимъ повѣщиваніемъ объ Исторіи осады.

Теперь выслушаемъ предсказанія Мусульманъ, коихъ Исторіи позволяютъ себѣ примѣнять къ предстоящимъ

присшествіямъ только слово Могаммеда, которое онъ произнесъ во имя неба, какъ писаніе Божіе (въ Коранъ), или какъ собственное пророчество (въ преданіи, гадись). Извѣстно, что Коранъ запрещаетъ всѣ гаданія и всѣ предвѣщанія, кромѣ изреченныхъ самимъ пророкомъ, и осуждаетъ суевѣріе также какъ и безвѣріе. Пророкъ сказалъ ученикамъ своимъ: „Слышали ли вы о городѣ, котораго одна сторона земля, двѣ другія море?“ — Они отвѣчали: „слышали, посланникъ Бога!“ — Онъ сказалъ: „последній часъ (суда) не придетъ безъ того, чтобы онъ не былъ завоеванъ семьюдесятью тысячами сыновей Исака. Когда они придуть къ нему, то будутъ сражаться не оружіемъ, не машинами военными, но словомъ: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Богъ великъ. Тогда низвергнется одна часть морскихъ спѣвъ, во второй разъ другая, а въ третій спорона спѣвъ сухаго пуши.“ И опять во второй разъ говорилъ пророкъ: „они завоюють Константинополь, лучший Государь есть завоюющій его, лучшее войско, пришедшее съ нимъ.“ (а) Сія слова пророка одушевили народъ

(а) Le tefettehünne el Konstantinijeten we le niamelemiru emiruha we le niam et-dschischu, dschischuha. (Едрисъ, Али, Салаккаде).

его, Арабовъ, семь разъ испытавъ завоеваніе Конспаншинополя, подъ стѣнами кошораго они стояли однажды семь лѣтъ, осаждая его, съѣли и собирая жашву съ окружныхъ полей для своего пропитанія. Во время шестой семилѣтней Арабской осады погибъ Эюбъ, знаменосецъ пророка: Дервиши и Шеики воспламеняли рвеніе и храбрость вѣрныхъ для построенія ему святой гробницы. Роль, которую играли оба Французскіе Пепра, Пепръ пусшынникъ изъ Аміена и Пепръ Священникъ изъ Прованса, одинъ проповѣдуя крестовыя походы, другой нашедши копье при осадѣ Антіохіи, сыгралъ еще удачнѣе Шейкъ Акшемседдинъ при осадѣ и завоеваніи Конспаншинополя (а). Уроженецъ Сиріи и ученикъ великаго Шейка Гадши Бейрама, онъ проповѣдывалъ по шекешу преданія пророка завоеваніе Конспаншинополя, и опредѣлилъ день и часъ приступа гораздо счастливѣе, нежели Шейкъ Бохари при осадѣ Мурада втораго. Въмѣсто того, что Бохарію являлась на стѣнахъ Святая Дѣва въ лиловой одеждѣ, угрожая и воспрещая, ему предсталъ во снѣ Эюбъ, знаменосецъ пророковъ, копорый указалъ мѣсто своей гробни-

(а) Пространное описаніе жизни его въ Шакаиъ, а изъ онаго у Алан. 143; наконецъ въ особенномъ Биографическомъ сочиненіи: Менакиби акшемседдинъ.

цы. Нахожденіе гробницы почиталось чудомъ и ускорило завоеваніе Константинополя.

Подъ знаменіями упомянутыхъ пророчествъ, копорыя предвѣщали Грекамъ только гибель и бѣдствія, а Османамъ завоеваніе и побѣду, началось въ первыхъ числахъ Февраля 1453 года трудное шествіе большой осадной пушки изъ Адрианополя. Пятьдесятъ паръ воловъ везли ее; двѣсти человекъ шли по сторонамъ, чтобы поддерживашь ее въ равновѣсіи; впереди были отправлены двѣсти пионеровъ для исправленія дорогъ и мостовъ (а). Два мѣсяца потребны были пушкѣ для совершенія двухдневнаго пути (б). Корадшабегъ, которому поручили доставленіе оной, обошелъ въ продолженіе этого времени Сѣверныя и Южныя окрестности Константинополя вдоль береговъ Понта и Пропонтиды. На первомъ сдались ему города Мезембрія (Мизиври) (в), Анхіаль (Ахиоли) (г), Визонъ (Виза) (д), на шри часа ошъ

(а) Дука XXXVII. с. 145

(б) Ошъ Адрианополя къ Константинополю 36 часовъ ѣзды. Маршрутъ въ Румили Гадши Халфы с. 188 и 189, и слѣдственно не 150 миль, какъ говоришь Гиббонъ.

(в) Гадши Халфы Румили с. 26.

(г) Тамъ же с. 25 древнее *Αρχαλος*.

(д) Тамъ же с. 16.

Константинополя относящая башня Св. Стефана (нынѣ еще Св. Стефана) (а), замокъ Эпибашъ (нынѣ Вивидъ) (б); только Селимбрія (Силиври) (в) упорствовала надѣясь на крепость своихъ стѣнъ, не смотря на предшествовавшіе примѣры, что гарнизоны всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя не сдавались по первому требованію, были нещадно испребляемы (г). Въ продолженіи сихъ опустошеній предъ врагами Константинополя жили его миряне и ссорились, принимая или отвергая соединеніе церковей Греческой и Римской. Хотя они, 12 Декабря прошлаго года, по видимому и соединились въ большой церкви (Святая Софія) (д), чтобы получить отъ Капюлическихъ Государей помощь противъ Турокъ, но искра Церковнаго раздора плѣла еще подъ пепломъ, и воспламенялась при каждомъ случаѣ; духовенство придворное, капелланы и діаконъ слѣдовали Императору, который присутствовалъ на отправленіи Капюлической службы Римскимъ Кардиналомъ Исидоромъ; но священники, Архимандриты и монахи явно

(а) К. и Б. II с. 9.

(б) Тамъ же с. 189.

(в) Тамъ же с. 60.

(г) Дука XXXVII. с. 145.

(д) Дука XXXVI с. 143. —

обнаруживали опъ шого свое опвраще-
 ніе, держась спороны Патріарха Генна-
 дія, удаленнаго въ монастырь Пан-
 шокрашора, и называвшаго Геношиконъ,
 п. е. законъ о соединеніи церквей, без-
 божнымъ дѣломъ, а Томаса Аквина
 ерешикомъ. Съ нимъ соединился въ не-
 нависти къ Каполикамъ и Лапинцамъ
 Великій Адмираль Лука Нопара, могуще-
 ственнѣйшій человекъ въ этой слабой
 Монархіи. Онъ прямо говорилъ, что
 лучше желаетъ видѣть господство Ту-
 рецкаго шюрбана нежели Лапинской
 шапки (а); а народъ явно оказывалъ же-
 ланіе скорѣе понасъ въ руки Лапин-
 цевъ, которые вѣрили хоща Христу
 и Машери Божіей, нежели безбожныхъ
 Турокъ (б). вмѣсто шого, чтобы со-
 дѣйствовашъ защищенію города, Греки
 и Лапинцы убѣгали и презирали другъ
 друга; большая церковь была пуста,
 оставлена; священники опказывали
 въ причастіи шѣмъ умирающимъ, ко-
 торые не признавали ихъ мнѣнія;
 монахи и монахини не принимали она-
 го изъ рукъ духовниковъ, прислупив-

(а) Дука *φαιτολον Τουρκων* — *καλυπτραν λατινικην* с.
 148. Гиббонъ (LXVIII нота 35) переводитъ с. Калип-
 тра Кардинальскою шапкою; французское *Callote* ка-
 жется произошло отъ Калиптры, шакъ какъ Италі-
 яское *Fazzoletto* отъ *φαιτολη*.

(б) Дука, шамъ же.

шихъ къ генопикону; въ монашыхъ царспвовадь духъ смяшенія. Одна монашыхъ, къ величайшему негодованію вѣрующихъ, а особенно Испорика Дуки, сдѣлалась Мусульманкою, ѡла мѣсо, одѣвалась по Турецки и приносила жершвы пророку (а). Такъ прошель поспѣ.

Въ пяшницу послѣ свяшой недѣли шеспаго Апрѣля, явился Могаммедъ съ войскомъ предъ Констаншинополемъ, разбилъ свою палатку за холмомъ предъ ворошами Харсіады или Калигаріею, и обштупилъ городъ съ сухаго пуши ошъ Деревянныхъ ворошъ дворца до Золошыхъ (б). Большая пушка была посшавлена предъ ворошами Калигаріею (в), но послѣ, шакъ какъ новоукрѣпленныя вороша предспавляли много сопрошвленія, перевезена къ ворошамъ Св. Романа (г), кошорыя ошъ того получили имя ворошъ пушки, и носяшъ его еще но нынѣ (д). Подлѣ эшой двухъ-сошъ фуншовой пушки спояли двѣ малыя, кошорыя сшрѣляли ядрами въ полшора ценшнера, и пролагали пушъ для большой.

(а) Дука XXXVI с. 147.

(б) Дука XXXVIII с. 148.

(в) Леонардъ Хіосскій въ Баз. издашці Халконддам с. 315.

(г) Тамъ же с. 316.

(д) К. и Б. с. 108.

Два часа времени нужно было, что бы зарядилъ ее, и только семь разъ въ день можно было спрѣляшь изъ нея, — восьмой разъ предъ разсвѣтомъ, какъ сигналъ нападенія. Но скоро она разорвалась и погубила маспера (а), который лилъ ее, Венгерца Орбана. Однако же она скоро была исправлена и продолжала семь разъ въ день пошрясать стѣны тяжелыми камнями (б); но человекъ, направлявшій удары чудовища, не существовалъ уже, и дѣйствіе не оплѣвало ожиданію. Въ это время явился въ лагерьъ посланникъ Іоанна Гуніада, который за полтора года заключилъ съ Султаномъ прехлѣпнее перемиріе. „Гуніадъ“ доносилъ посланникъ, „сложилъ достоинство намѣстника и передалъ оное своему Государю (Ладиславу); почему обѣщаннаго имъ не можешь болѣе сдержашь, и посылая ему назадъ Турецкое условіе перемирія, пребуешь своего, — съ Венгерскимъ же Королемъ Султанъ можешь сохранишь оное по своему благоусмотрѣнію.“ Гуніадъ былъ побужденъ къ сему посольству вышеупомянутымъ Венгерскимъ пророчесствомъ, и посланникъ думалъ также, что онъ съ своей стороны обязанъ дѣлать все, чтобы ускорить

(а) *τον τεχνητην το πυρ διεραυη.* Францезь. III. с. 3 с. 53.

(б) *Lapides hi nigri erant.* Халкондиль.

исполненіе онаго ко благу Христіанства паденіемъ Констаншинополя. Увидѣвши, какъ пушкарь неловко мѣшилъ и спрѣлялъ изъ большой пушки, онъ смѣялся его неумѣнью, и показалъ, какъ съ бѣльшимъ успѣхомъ направлялъ орудіе. Онъ научилъ его для скорѣйшаго пролома спрѣлялъ не въ одну почку, но сперва на пять или на шесть фузовъ въ правую сторону, потомъ на столько же въ лѣвую, и наконецъ уже направлялъ удары въ средину обѣихъ цѣлей, для того что стѣна, ослабленная съ боковъ, тѣмъ вѣрнѣе сокрушится въ срединѣ. Совѣту послѣдовали, и получили успѣхъ (а). Такимъ образомъ Венгерскій пушкарь и Венгерскій посланникъ лишьемъ и направленіемъ большаго орудія содѣйствовали паденію Констаншинополя.

Кромѣ большой пушки и двухъ другихъ, стоявшихъ по бокамъ ея опѣ Деревянныхъ до Золотыхъ ворошь, по всей осадной линіи было наставлено множество среднихъ и малыхъ орудій, и съ четырнадцати баштарей спрѣляли по городу. Для копанія минъ употребили Сербскихъ горныхъ работниковъ изъ Новобриды (б): они проникли въ ровъ города, подъ защитою галлерей, закрышой бѣ-

(а) Дука XXXVIII. с. 154 и Енгель III с. 175.

(б) Леонрадъ Хиос.

дымъ и краснымъ войлокомъ, и сдѣлали въ первой спѣнѣ проломъ, которымъ причинили Грекамъ много вреда, не будучи ими перевозимы (а). Они построили чешыре подвижныя башни на колесахъ и огромную осадную машину, которая, будучи движима многими колесами, закрыта внутри и снаружи въ при ряда воловьими кожами, снабжена сверху башнями и брусверомъ, защищала нападающихъ. Ко рву въ ней отворялись три двери; внутри находилось много лѣсу и фашинь для засыпанія рва, а съ башень опускались подъемныя мосты, чшобы посредствомъ оныхъ переходить на башни города. Число войскъ Турецкихъ, пришедшихъ къ Константинополю, было до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ; изъ нихъ сто тысячъ конницы были расположены сзади лагеря, сто тысячъ на правомъ крылѣ до Золотыхъ воротъ и пятьдесятъ тысячъ на лѣвомъ до дворца Влахернскаго; въ срединѣ находился Султанъ съ пятнадцатю тысячами Янычаръ (б). Саганось-Паша съ нѣсколькими тысячами споялъ на высотѣ, позади Галапы, на другой, Константинополю противоположной сторонѣ гавани (в). Флотъ, снаря-

(а) Халк. к, VIII. с. 204. Пар. Изд.

(б) Леон. Хіос.

(в) Халконд., VIII и Францесъ III. 3. с. 53.

ряженный Адмираломъ Балта-Огли, Българскимъ ренегатомъ, въ продолженіи зимы въ заливъ Босфора, состоялъ изъ восьмидесяти прехвесельныхъ и сорока восьми двухъ весельныхъ галеръ, двадцати пяти транспортныхъ судовъ и трехъ сошь небольшихъ лодокъ (а), всего изъ чешырехъ сошь двадцати кораблей. Такова была военная сила осаждающихъ, въ двадцать разъ (б) превышавшая осажденныхъ числомъ и въ тысячу разъ мужествомъ.

Число вооруженныхъ Грековъ проспиралось до чешырехъ тысячъ девяти сошь семидесяти трехъ человекъ (в), какъ то значился въ спискъ, сдѣланномъ по повелѣнію Императора проповестіаромъ Францею въ продолженіи осады. Къ тому присоединялись двѣ тысячи чужестранцевъ и пришла или пять сошь Генуэзцевъ (г), подъ предводительствомъ Іоанна Лонга, изъ благородной фамиліи Джюспиніани, посланные на двухъ галерахъ въ помощь городу. Императоръ частыми подарками изъявлялъ имъ свою признательность.

(а) Францезъ с. 53. Алперово изданіе, столбець 2. Въ первомъ столбцѣ рѣчь идетъ объ одной части флота *μερος του αυτου σολου*, о 30 галерахъ и 130 малыхъ судахъ.

(б) *Adversus viginti Turkos Roma num unum stetisse*. Дука с. 150.

(в) Францезъ III, 3. с. 52. столбець 2.

(г) Францезъ с. 54 говоритъ 300 чел. Дука (с. 149) 500.

Храбраго Лонга онъ назначилъ пропостаторомъ, ш. е. Генераломъ трехъ сотъ человекъ (а), и приказалъ выдать ему грамоту, по которой онъ получалъ островъ Лемносъ, въ случаѣ если Могаммедъ, подобно опцу своему Мураду, принужденъ будетъ снять осаду (б). Надежда на сіе питала не только Грековъ, но и Генуэзцевъ, владѣвшихъ Галатою, которые хотя отправляли пословъ къ Могаммеду и общали въ свѣдѣніе договоровъ сохраненіе дружбы, но въ то же время доставляли Конспанпинополю всякую помощь. Могаммедъ видѣлъ это и общался легко раздавить змѣю, умершвивъ дракона (в). Венеціанской Баило удержалъ для защищенія города Венеціанскіе корабли, шедшіе назадъ изъ Азова и Трапезунда (г); такимъ образомъ флотъ, находившійся въ гавани, состоялъ изъ трехъ Генуэзскихъ кораблей, одного Испанскаго, одного Французскаго, четырехъ Кандійскихъ, двухъ изъ Кидоніи, и трехъ большихъ Венеціанскихъ купеческихъ судовъ, называвшихся галеаццами, всего изъ четырнадцати кораблей (д). Орудіями городъ былъ снабженъ не лучше. Осажденные

(а) *Σρατηγόν ἐπὶ τριακοβίου ἀνδρας*. Францезь, с. 54.

(б) Дука XXXVIII с. 150.

(г) Онъ же с. 149.

(д) Францезь, III. 3. с. 52. первой столбець.

(в) Онъ же с. 151.

не должны были сожалѣть, что не могли противопоставить огромной пушкѣ Турокъ такую же, потому что ихъ пушки, въ полтора центнера, были уже слишкомъ велики для стѣнъ города, которыя такъ сильно попрыскали онѣ при каждомъ выстрѣлѣ, что причиняли болѣе вреда Грекамъ, нежели Туркамъ. Тѣмъ не менѣе однакоже вознегодовали Греки противъ пушкаря, когда разорвало ихъ большую пушку; почтивъ его подкупленнымъ отъ Султана, они даже хотѣли казнить его, но по недостатку вѣрныхъ доказательствъ освободили (а). Въ продолженіи ночи они съ величайшею быстротою задѣлали бреши, и огнемъ выгнали минёровъ изъ подкопа. Какъ Турецкое большое орудіе получило форму и направленіе отъ Венгерца, такъ Греческимъ огнемъ управлялъ Нѣмецъ Іоаннъ Грантъ (б). Посредствомъ сего огня удалось осажденнымъ испребить большую, въ три ряда воловыми кожами покрытую осадную машину Турокъ, которая низвергла ночью башню Св. Романа. Могаммедъ клялся всѣми проро-

(а) Халконд. к. VIII.

(б) Леонард. Хиосс. и Францезъ с. 54 *ὁ γενναῖος Γερμανός.*

ками (а), что онъ никакъ не думалъ, чтобы невѣрные въ одну ночь могли совершить столько великаго.

Пятнадцатаго Апрѣля, Турецкій, изъ четырехъ - сошь кораблей состоящей флотъ, вышелъ изъ бухты Фидалии къ южному устью Босфора и спалъ на якорь (б) у двойной колонны (нынѣ Бешикташь); нѣсколькими днями спустя, явились въ Пропондидъ пять кораблей, одинъ Императорскій и четыре Генуэзскихъ, которые весь Маршъ стояли въ Хіосѣ, ожидая попутнаго вѣтра, и только теперь могли воспользоваться первымъ южнымъ вѣтромъ. Отдѣленіе Турецкаго флота, изъ полупоросла судовъ (в), стало противъ гавани, чтобы воспрепятствовать пяти кораблямъ входъ въ оную. Небо было ясно, море покойно, стѣны города усѣяны зрителями; Султанъ, верхомъ, смотрѣлъ съ Европейскаго берега на великое зрѣлище начинающагося морскаго сраженія, въ кошоромъ надѣялся вѣрной побѣды, судя по большому количеству сво-

(а) Францезъ заставляетъ его клясться 37 тысячами пророковъ, но это ложно; каноническое число пророковъ, коими Султанъ клянется и въ договорахъ, есть 124000.

(б) Францезъ III. 3 с. 53.

(в) По Дукъ (с. 151) судовъ было 305. Но и здѣсь лучше вѣрись Францезу, какъ очевидцу, и умереннѣйшему. Алшерово изд. с. 55.

ихъ кораблей; но въ числѣ оныхъ было только восемнадцать галеръ, и шѣ имѣли несвѣдущихъ машросовъ и солдашъ. Съ высокаго Императорскаго и съ Генуэзскихъ кораблей сыпались стрѣлы и огонь на низкія Турецкія суда, копорыя однакоже грозили овладѣшь Императорскимъ кораблемъ. Горшки съ шекучимъ огнемъ и огромные камни, бросаемые съ онаго, попопляли и сожигали ихъ. Флекпанелла (а), Императорскій Капитанъ, дрался какъ левъ на передней часпи корабля, также Генуэзцы Капанео, Новарра и Баланери. Море было покрыто стрѣлами, копорыя препящивовали греблѣ другихъ судовъ; многія галеры разбились одна о другую, двѣ сгорѣли. Могаммедъ не могъ болѣе владѣшь собою. Забывъ отдаленность, спихію, самаго себя, скрежеща зубами, съ пѣною урта опъ ярости и бѣшенства, онъ понуждаешъ свою лошадь въ пѣнящуюся пучину, чшобы доспичъ флоша, копорый опстоялъ на выстрѣлъ камнемъ (б), и чшобъ вырвашъ у Грековъ побѣду. За нимъ слѣдуютъ вельможи, его окружающіе, бросаясь на лошадяхъ своихъ въ море. Солдашы, испуганные и присшыженные, возобновляющъ напа-

(а) *Φλαυτανελλας*, Исидоръ Хиос. и Франц, с. 55.

(б) *ὄβρι λίθου βολήν*. Францесъ с. 55.

деніе съ великою храбросію, но безуспѣшно. Пять кораблей съ поднявшимся свѣжимъ вѣтромъ благополучно достигли сквозь Турецкія лодки гавани, копорую за ними опять заперли желѣзною цѣпью, отъ рыбныхъ воропъ Галашы до рыбныхъ воропъ Констаншинополя пропянушою (а). Велика была пошера Турокъ и еще болѣе посрамленіе. Могаммедъ въ бѣшенствѣ прошивъ своего Адмирала Балта - Огли, копорому приписывалъ пораженіе, хотѣлъ предать его смерти, и только по просьбѣ Янычарь оставилъ ему жизнь; но лично хотѣлъ излить на него гнѣвъ свой. Четыре невольника держали Адмирала, распроспершаго на землѣ, и Султанъ самъ нанесъ ему сто ударовъ своею тяжелой булавою (б) и столько же ранъ. Одинъ изъ Афабовъ раздробилъ ему камнемъ щеку и глазъ (в). Такъ была исполнена просьба Янычарь, и дарована жизнь Булгарскому ренегашу. Такъ уже при первомъ Турецкомъ Адмиралѣ подтвердились слова, съ того времени сущесвующія между Османами, что

(а) A porta Oraea ad Galatae litus Дука с. 151.

(б) 500 фунт. въ текстъ уже Бульвальдъ переправилъ въ 500 драхмъ или 5 фунтовъ.

(в) The Turks have acknowledged that if God had given them the earth, he had left the sea to the Infidels, and a series of defeats a rapid progress of decay has established the truth of their modest confession. Гиббонъ LXVIII. с. 488. VI.

Богъ предоставилъ имъ владычество надъ землею, а невѣрнымъ надъ моремъ (а). Минуша, въ которую осажденные, не смотря на всѣ препятствія, получили помощь и жизненные припасы, казалась Великому Вѣзирю Халилу Пашѣ, — который, дѣйствительно ли подкупленный Греками, или по внутреннему убѣжденію, желалъ сохраненія Константинополя и мира, — самую благоприятною, чтобы склонить къ тому Султана. Противъ его мнѣнія возстали второй Визирь, зять и любимецъ Могаммеда, Саганосъ-Паша, воспитатель Султана, Мулла Могаммедъ Курани, и проповѣдями своими одушевлявшій войско Шеикъ Акшемседдинъ (б). Они въ диванѣ, собранномъ послѣ морскаго сраженія, подали голоса къ продолженію осады; но когда Султанъ спросилъ ихъ о средствахъ, какъ разорвать цѣпь гавани, какъ не смотря на это препятствіе проникнуть въ оную, и напасть съ обѣихъ сторонъ на городъ, осажденный съ одной только стороны, тогда они не знали, что отвѣчать. Султанъ разрѣшилъ это затрудненіе смѣлою, быстрой рѣшимостію. Тотъ же предприимчивый духъ, который заставилъ его гнать въ море свою ло-

(а) Дука XXXVIII. с. 152.

(б) Сеадеддинъ, II. 137. Нешри, Едрисъ, Али, Солаксадѣ.

шадь, внушилъ ему намѣреніе переправить корабли по твердой землѣ. Что мысль сія, какъ утверждаютъ Османскіе историки, была его собственною, прежде неслыханною, это не шло вѣроятно, какъ то, что онъ зналъ о таковыхъ предпріятіяхъ, если не изъ древней Исторіи, то изъ ближайшихъ временъ, и примѣнилъ только прежній примѣръ къ предстоявшему случаю. Примѣры таковыхъ переправъ кораблей по сушѣ многочисленнѣе въ древней и средней исторіи, чѣмъ полагаютъ доселѣ историки сей осады, и Гиббонъ напрасно, вмѣсто умноженіихъ, оспариваетъ еще у Францы справедливость одного изъ приводимыхъ имъ случаевъ. Изъ таковыхъ путешествій кораблей по сухому пути, о которыхъ упоминаютъ древніе летописатели, одно, правда, баснословно, взятое Юстиномъ изъ сказаній объ Аргонавтахъ, — именно, что преслѣдовавшіе ихъ Колхійцы вытаскивали изъ Истра корабли свои и перенесли ихъ на плечахъ чрезъ горы въ Адриатическое море (а). Всѣ позднѣйшія, нижеописанныя предпріятія такого рода, принадлежатъ уже къ періоду истинной Исторіи, и подтверж-

(а) Colchi — vestigia Argonautarum insequentes naves suas humeris per juga montium usque ad litus Adriatici maris transporterunt. Юстинъ. XXXII. 3.

дены свидѣтельствомъ многихъ доверія достойныхъ писателей. Впрочемъ Греки были весьма знакомы съ этою переправою кораблей по сухому пути, и не видали въ томъ ничего чрезвычайнаго, ибо Иродотъ еще замѣчаетъ, рассказывая о прорышии Эракійскаго перешейка, что все то было Персидское хвасовство, и Ксерксъ могъ бы легко переправить корабли чрезъ перешеекъ (а). Такимъ образомъ перевезли Спартанцы въ Пелопонесской войнѣ шестидесять кораблей своихъ чрезъ перешеекъ Левкадійскій въ Пилосъ (б). Жителямъ Таренту не споль были извѣстны сіи переправы, и они дивились и не понимали предложенія Аннибалова овладѣть гаванью безъ Карфагенскаго флота, до тѣхъ поръ пока онъ не предложилъ имъ на колесахъ перевезши корабли ихъ чрезъ твердую землю въ гавань, какъ рассказываетъ Полибій (в). Діонъ-Кассій повѣствуетъ, что Оксавіанъ переправлялъ свои корабли одинъ разъ чрезъ перешеекъ Никопольскій въ Амбраційскій заливъ а другой разъ чрезъ Пелопонесскій (г). Въ девятомъ столѣ-

(а) Nam quum liceret nullo negotio naves per isthmum transportare. Иродотъ. VII. 24.

(б) Эукидидъ IV. 8.

(в) Полибій въ концѣ VIII книги.

(г) Діонъ Кас. к. L. и LI. δια του ισθμου του Πελοποννησου τας ναυς υπό του χειμονος υπερεινεγκων.

шій Норманны, при двукратной осадѣ Парижа, два раза прибѣгали къ сему средству, тащивъ корабли свои чрезъ проспранство въ двѣ тысячи шаговъ, чшобы опяшь пусшить оныя по Сенѣ (а). Въ десятомъ столѣтїи Патрицій Никита переправилъ флотъ свой отъ Воспока къ Западу чрезъ Пелопонесскій перешеекъ и разбилъ Крипскія войска при Мемонѣ и Пилосѣ. То же совершили Креспоносцы при осадѣ Никеи, перешащивъ флотъ свой изъ Асканійскаго залива чрезъ проспранство на три часа ѣзды, въ озеро Никейское. (б) Но гораздо ближе ко времени Могаммеда II подали шаковой же примѣръ Венеціане, копорые переправили флотъ свой изъ Адиджа по сухому пути въ Гардское озеро; эшотъ примѣръ, какъ думаетъ Леонардъ Хиоскій, подалъ Могаммеду мысль (в) переправить часть своего флота съ берега Босфора, гдѣ онъ лежалъ на якорѣ прошивъ Диплонкїона, по сухому пути во внутренность гавани. Разспоянїе было не болѣе какъ на два часа ѣзды, но дорога не ровная, холми-

(а) Въ первой разъ въ 868 г. (*Annales Metenses* у Буке. VIII. с. 69), во второй въ 890 (тамъ же с. 71).

(б) Албертъ Ахенскій; смотри также Вилькенову Исторїю Крешовыхъ походовъ. I. с. 147, и замѣчаня на пути въ Брусу.

(в) *Quam novitatem puto Venetorum more ex Gardaeae lacu is, qui artificium Teucris patefecit, didicerat* Леон. Хиос.

спая, Могаммедъ велѣлъ сдѣлать под-
моспки и намазать онѣя саломъ и жи-
ромъ, чтобы по нимъ легче переправ-
вить суда; семдесятъ кораблей двухъ-
весельныхъ, нѣсколько большихъ шре-
хъ и пшавесельныхъ были приведены въ
движеніе и въ одну ночь перевезены
съ береговъ Босфора въ гавань, чрезъ
холмы и долины. На каждомъ двухве-
сельномъ кораблѣ стоялъ впереди корм-
чій, а назади лоцманъ; паруса были
распущены, чтобы пользоваться вѣш-
ромъ. Трубы и барабаны звучали, и съ
разсвѣтомъ дня, къ ужасу осажденныхъ,
Турецкій флотъ, состоявшій слишкомъ
изъ 70 судовъ, вступилъ въ гавань
противъ городскихъ стѣнъ, какъ бы изъ
складочнаго мѣста.

Іоаннъ Джюстиніани поспѣшь при-
нялъ рѣшительное намѣреніе въ слѣ-
дующую ночь сжечь непріятельскій
флотъ; но оно было открыто Тур-
камъ Генуэзцами, жившими въ Гала-
шѣ (а), которые въ продолженіи осады
измѣнили обѣимъ сторонамъ; пошому
что, посылая ночью помощь Грекамъ,
они проводили день въ Турецкомъ лаге-
рѣ и доставляли большое количество
масла (б), нужное Туркамъ для того, что-
бы послѣ каждаго выстрѣла смазывать

(а) Дука XXXVIII с. 156.

(б) Тамъ же с. 155.

большую пушку, надѣясь предохра-
нить ее тѣмъ отъ разрыва (а). Когда
Джюспиніани приблизился ночью къ не-
пріятельскому флоту, Турки, бдишель-
но ожидавшіе сей минуты, выспрѣлили
изъ большой пушки по его кораблю,
который, раздробленный ядромъ, по-
шелъ на дно съ полупоросша лучшими
Италіанскими юношами, находившимися
на немъ. Самъ Джюспиніани едва спас-
ся; Турки подняли побѣдный крикъ,
раздавшійся по берегамъ моря и въ го-
родъ.

На разсвѣтъ, Турки вздумали позаба-
виться и въ другой разъ испытать силу
и вѣрность своей пушки, но уже не надъ
Греческимъ, а надъ Генуэзскимъ кораб-
лемъ, лежавшимъ на якорь предъ Галашою.
Ядро попало, и корабль раздробился. Га-
латійцы жаловались чрезъ посланныхъ
на такую награду за ихъ услуги, безъ
коихъ флотъ никакъ бы не достигнулъ
тавани (б); но Визири извинились, что
они почли корабль ихъ за непріятель-
скій, и что послѣ завоеванія города
всякой убышокъ вознаградится. Пльн-

(а) Тамъ же с. 154.

(б) *Καὶ γὰρ εἰ οὐκ ἔσε παρα ἡμῶν ἐνοτιθέντες τὴν Ἐλευ-
βιν αὐτῆς, ἢ ε. еслибы мы вѣстѣ не содѣйствова-
ли его (флота) прибытію; а не такъ, какъ перево-
дитъ Бульальдъ: Si vobis incomperatus fuisset triremis ar-
pulsus. с. 157.*

ныхъ, копорыхъ Турки взяли ночью, привели къ спѣнамъ города и умершвили въ глазахъ Грековъ. Могаммедъ ведѣль немедленно наводитишь мостъ черезъ гавань; бочки, соединенныя желѣзными крючьями, заслупили мѣсто поншоновъ; на нихъ были положены доски. Мостъ имѣлъ пяшь аршинъ ширины, шакъ что пяшь человекъ могли проходишь рядомъ, и сто въ длину, и шакъ былъ крѣпокъ, что могъ сдержашъ еще пушку. Корабли легли на якорь подлѣ самыхъ спѣнъ города. Греки думали шолько, какъ бы сжечь корабли и мостъ, и исполненіе эшаго было поручено Венеціанцу Іакову Коку (а). Онъ взялъ при легкія небольшія лодки, посадилъ на нихъ сорокъ юношей, снабдилъ Греческимъ огнемъ и другими полпребностями. Они опплыли ночью. Двое изъ нихъ опправились къ мосту, чтобы зажечь его въ шо самое время, какъ воспламенился огонь на корабляхъ; но спража корабельная бодрешвовала, и они были принышы огромными камнями, копорые раздробили и пошопили лодки. Только одна галера сгорѣла; огонь, зажженный въ шо же время на мосту, былъ ушущень; солдашы, на судахъ находив-

(а) Францесъ III, 4. с. 57.

шіеся, взяшы въ плѣнь и по упру умерщвлены предъ глазами Грековъ, кошорые, чшобы опплатишь имъ шѣмъ же, вопкнули на зубцы гѳловы двухъ сошъ шесшидесяти плѣнныхъ Турковъ (а). Венеціанцы и Генуэзцы подъ предводишельспвомъ Джюспиніани поссорились, ибо послѣдніе приписывали всю пошерю неискуству и неопытности Кока, и Императоръ принужденъ былъ всшупишься въ это дѣло, чшобъ упишишь ссору. Могаммедъ велѣлъ посшавишь пушки на холмѣ Св. Ѳеодора, лежащемъ на этой споронѣ гавани, чшобы спрѣляшь изъ оныхъ по Греческимъ и Генуэзскимъ кораблямъ, споявшимъ на якорѣ предъ Галапою. Генуэзцы просили пощадишь ихъ купческія суда, но Могаммедъ ошвѣчалъ, что это не купческія, а разбойничьи суда, пришедшія на помощь Грекамъ. Первымъ выспрѣломъ пошопленъ первый корабль; другіе ушли за самыя спроенія Галашы, такъ что закрылись ими опъ башарей. Хотя дома не были пощажены, но корабли и люди не шерпѣли никакого вреда, и такъ бездѣйспвенъ былъ огонь Турецкихъ орудій, чшо опъ полшпоросша (б) выспрѣловъ никто не

(а) Франдесъ и Халконд. VIII. Исидоръ и Леонардъ Хіос.

(б) У Франдеса 180, у Исидора 150.

быль убитъ , кромѣ одной прекрасной женщины, въ копорую ударило камнемъ, ошорвавшимся опгь спѣны.

Прошело уже семь недѣль осады, въ продолженіе коихъ она съ непрерывнымъ постоянствомъ производилась съ сухаго пущи, а теперь была начата и со стороны гавани. При всѣхъ прежнихъ осадахъ, упоминаемыхъ Исторіею, на городъ нападали только съ одной стороны; и Ламинцы взяли его со стороны гавани. Теперь войско непріятельское спояло почти во рвахъ съ сухаго пущи, а флотъ въ гавани, подъ самыми стѣнами города; со стороны швердой земли были разрушены четыре башни; въ ворошахъ Св. Романа сдѣланъ широкій проломъ, и ровъ засыпанъ обрушившеюся стѣною.

Въ это время рѣшился Могаммедъ еще разъ отправить посольство къ Императору, для того ли, чпобъ удовлетворить закону, повелѣвающему предлагать врагу, прежде его совершеннаго уничтоженія, миръ за покорность, или чпобъ чрезъ очевидца увѣришься о дурномъ положеніи города. Исфендіарогли, зять Султана, отправился въ городъ, объявляя впрочемъ себя не посланникомъ, но просто доброжелателемъ Грековъ, копорый имъ совѣтуешъ умидоспивишь гнѣвъ Султана

и сдачею города спасши себя, женъ и дѣтей своихъ отъ неминуемаго рабства. Но голосъ чести и отчаяннаго мужества превозмогъ въ военномъ совѣтѣ. Императоръ отвѣчалъ посланному, что станетъ благодарить Бога, если Султанъ, подобно предкамъ своимъ, пожелаетъ даровать и сохранить миръ, — что ни одинъ изъ нихъ, осаждавшій городъ, не жилъ и не царствовалъ долго, — что Султанъ можетъ требовать дани, но не самаго города, защищая который, они рѣшились умереть (а). Получивъ сей отвѣтъ, Мохамедъ повелѣлъ 24 го Маія по всему лагерю объявить 29 число днемъ всеобщаго приступа. Онъ собралъ начальниковъ войска и клятвенно обѣщалъ имъ опустить городъ на разграбленіе, удержавъ на свою часть только стѣны и зданія. Крики радости огласили лагерь, когда объявили сіе обѣщаніе (б). Полковники Янычаръ увѣряли въ побѣдѣ и завоеваніи за своихъ солдатъ, и только просили у Султана освобожденія своихъ товарищей, содержаемыхъ подъ стражею со дня несчастнаго

(а) Дука XXXIX с. 158 и Халконд к. VIII, который называетъ Исфендіарогли сыномъ Государя Синопскаго какъ выше Измаила. Францезъ III. 4. с. 58. Разницу въ извѣстіяхъ Халкондилы, Дуки и Францеза о содержаніи сего переговоровъ замѣшилъ уже и Гиббонъ (LXVIII зам. 52).

(б) Дука XXXIX. с. 158.

морскаго сраженія. Мсгаммедъ отпу-
 шиль ихъ, и все войско рукоплескало
 въ буйныхъ восторгахъ радости, предъ
 споль близкимъ завоеваніемъ. Бирючи
 объявляли, что Тимары и Санджаки бу-
 душь наградою шѣмъ, кои первые взой-
 душь на спѣны, что смерть неминуе-
 мое возмездіе обратившимся въ посты-
 дное бѣгство. Дервиши (а) ходили по
 спану, возбуждая Мусульманъ во имя
 пророка и знаменосца его Еюба, пад-
 шаго предъ Константинополемъ, водру-
 зить знамя Ислама на зубцахъ столи-
 чнаго города невѣрныхъ. Съ наступлені-
 емъ ночи трубнымъ сигналомъ было
 повелѣно всеобщее освѣщеніе (донанма)
 лагеря. На всѣхъ корабляхъ и палат-
 кахъ заблещали лампы и факелы;
 ошь берега Босфора, ошь холмовъ
 за Галашю, ошь самой опдаленной
 части гавани, по всей линіи осадной
 плошины ошь Влахерна до Золо-
 ныхъ воротъ пылали огни радости,
 которыхъ опблескъ освѣщаль Азіатскій
 берегъ и Скушари; городъ былъ окру-
 женъ большимъ пламеннымъ полумься-
 цомъ, образовавшимся ошь освѣщенія
 флота и лагеря, и въ продолженіи цѣ-
 лой ночи раздавался крикъ: *нѣтъ Бога,*

(а) *Sixides* Халкондалы суть Сагиды, пустынники
 или дервиши.

кромѣ Бога, и Могаммедъ пророкъ его!
 Единъ Богъ, никто же не равенъ ему!
 Осажденные думали сначала, что на ко-
 рабляхъ и въ лагерьъ свирѣпствуетъ
 пожаръ, но крики радости и пляска
 Дервишей скоро увѣрили ихъ, что это
 предпразднество шріумфа и завоеванія,
 и изъ города, освѣщеннаго извнѣ, мрачна-
 го внутри, раздались жалоспныя воп-
 ли: *Кириелейсонъ! Кириелейсонъ! От-
 врати отъ насъ Господи праведный
 гнѣвъ твой, и избавь насъ отъ наше-
 го врага (а).*

Близость всеобщаго приступа сно-
 ва воспламенила почти угасшій огонь
 Греческаго мужества; въ продолженіи
 семинедѣльной осады, осажденные иногда
 ушѣшались мыслию, что всеобщаго при-
 ступа не будетъ и все дѣло ограни-
 чится спрѣляньемъ въ спѣны. Въ этой
 увѣренности многіе изъ Грековъ уходи-
 ли со спѣнь домой, а Турки пользова-
 лись случаемъ, посредствомъ желѣзныхъ
 крючьевъ (б) вышаскивашь корзины, на-
 полненныя землею, копорыми закладыва-
 лись проломы, и такимъ образомъ снова
 открывашь ихъ. Императоръ, увѣдомлен-
 ный объ этомъ, осыпалъ угрозами и

(а) Дука XXXIX. с. 158. *Κύριε ἐλέησον μετὰ δακρύων
 ἑκράξον* Францезь с. 60.

(б) *αυαυρωσων*.

упреками оставлявшихъ валь, и когда они извинялись, что уходили домой потому, что ни имъ, ни женамъ, ни дѣтямъ ихъ нечего ѣсть и пить: по Императоръ велѣлъ ежедневно раздавать хлѣбъ какъ въ башняхъ, такъ и въ домахъ, и шѣмъ удовлетворилъ нужды солдатъ, женщинъ, дѣтей и спариковъ. Въ эту ночь радостнаго освѣщенія извнѣ и печальнаго мрака внутри, Жіованни Джюспиніани неупомимо спарался зацѣльвать проломы. Тамъ, гдѣ стѣна у воротъ Св. Романа была совершенно разрушена, онъ вывелъ посредствомъ фашины новый валь, за которымъ окопалъ себя рвомъ (а). Онъ послалъ къ Лукъ Ношаръ, Военачальнику Греческихъ войскъ, просить у него нѣсколько пушекъ; эшошь отвѣчалъ ему, что на мѣстѣ, имъ защищаемомъ, онъ со всѣмъ не нужны. Джюспиніани возразилъ, что напрошивъ это должно сказать о шомъ мѣстѣ, къ гавани, гдѣ начальствуетъ Ношара. Отъ эшихъ возраженій и прошивурѣчій дошло до оскорбленія и ссоръ. Джюспиніани назвалъ Ношара измѣнникомъ, врагомъ отечества; Ношара съ своей стороны также не молчалъ (б); тогда Императоръ

(а) Дука XXXIX. с. 159.

(б) Францесъ III. 4. с. 58, и Леон. Хіос.

принужденъ былъ вступиться между ими, чтобы напоминаніемъ опасности ошь шаковыхъ раздоровъ примирить ихъ хотя по наружности. Въ сіи дни бѣдсвѣй и нуждъ Джюспиніани превосходилъ своихъ противниковъ и совѣтомъ и дѣломъ, и ободряющимъ словомъ и неколебимымъ мужествомъ. День и ночь беспокоилъ онъ врага издали пушками, а вблизи, когда они вѣзали на спѣны, онъ свергалъ ихъ собственною рукою (а). Изъ зависти худо вспомоществуемый Греками, исправлялъ онъ спѣны только съ семью храбрыми шоварищами, Генуэзцами: Жіованни Карешо, Паоло Бочіарди, Жіовани Форнари, Томазо Селвашико, Лодовико Гашелузю, Мауриціо Кашанео и Іоанномъ Иллирійцемъ. Султанъ, уважая храбросць и отважностъ въ самомъ врагѣ, восклицалъ при видѣ сихъ подвиговъ: какъ бы желалъ я, чтобы Джюспиніани былъ у меня! Онъ покушался подкупить его золотомъ, но нашель его сподъ же пвердымъ противъ золота, какъ противъ желѣза. Всѣ старанія Джюспиніани привести спѣны въ лучшее положеніе были тщетны, потому что онѣ давно уже разрушились ошь вліянія погоды и времени; а предъ осадкою, когда было время и деньги, не были при-

(а) Францесъ III, 4, с. 58.

ведены въ надлежащее оборонительное состояніе. Монахи Мануиль Жіагари и Неофитъ Родосскій, которымъ было поручено поправленіе оныхъ, вмѣсто того чѣмъ употребить деньги на спросіе, зарыли ихъ въ землю; при разхищеніи города Турками было найдено 70,000 гульденовъ, которые Императоръ выдалъ на поспроеніе стѣны (а).

Мы обойдемъ теперь кругомъ стѣны, чѣмъбы означить по порядку мѣста, на которыхъ стояли начальники и различныя войска, ожидавшія послѣдняго приступа. Такъ какъ главное нападеніе было направлено съ сухаго пути на средину стѣны прошивъ ворошь св. Романа, то мы отсюда начнемъ нашъ путь; тамъ повернемъ вправо къ гавани, пройдемъ сторону гавани и моря, и чрезъ Золотыя вороша (или семибашенную) возвратимся къ тому пункту, откуда вышли, къ ворошамъ Св. Романа. Подлѣ оныхъ, гдѣ нападеніе грозило сильнѣе, битва должна была быть жарче, стоялъ самъ Императоръ съ Джюстиніани и его избранными претярами Генуэзцами и Донъ Франческо Толедскимъ (б); близъ лежащія вороша (нынѣ Адрианополь-

(а) Primus viginti prope millium florenorum servus perditionis monachus, quos posthac reconditos urna septuaginta millium gazam relinquunt Teucris. Леон. Хіос.

(б) Францезь с. 63.

скія) защищали братья Павелъ и Антоній Троилусъ Бочіарди ошъ сильнаго здѣсь также нападенія Турокъ, которыми они въ продолженіи осады причинили не малый вредъ, втаскивая лѣспницы, или разрушая ихъ, поправляя стѣны своимъ золотомъ, а поправленныя защищая своею кровью; слѣдуя примѣру своего соотечественника Джюстиніани, они пріобрѣли право на вѣчное признательное воспоминаніе о себѣ (а): Теодоръ изъ Кариста; предприимчивый и искусный стрѣлокъ; и Іоаннь Грантъ, Нѣмецъ; управлявшій огнестрѣльнымъ орудіемъ; защищали слѣдующія ворота сухаго пуши Калигарію (нынѣ Егрикапу) (б). На краю, къ гавани, у воротъ Кинегіона (нынѣ Гайванъ Каусси) до церкви Св. Димитрія находился Русскій Кардиналь Исидоръ (в). Присланный изъ Рима за нѣсколько мѣсяцевъ Папскимъ Легатомъ; чтобы привести въ исполненіе; состоявшееся на Флорентійскомъ Соборѣ соединеніе церквей Греческой и Римской, онъ предложилъ и руку и деньги свои на защищеніе Констанцінополя, симъ соединеніемъ въ раздоръ приведеннаго (г). Императорскій дворець Вла-

(а) Францесь и Леон Хіос. согласно.

(б) Францесь III. 4. с. 56.

(в) то *Καρδινάλη Ρωββίας*.

(г) Халконд., Дука, Францесь; Леон. Хіос.

херскій охранялъ Венеціанскій Баило Иеронимъ Миношко (а), а у нижней части онаго къ морю Ипаліанецъ Иеронимъ и Генуэзскій Капитанъ Леонардо де Лангаѣсо, защищали ворота Ксилопоршу, ш. е. Деревянная, и на счетъ Исидора исправленную башню Анемась (б), государственную пемницу, столь же знаменитую въ Византійской испоріи, какъ въ Османской семибашенная, построенная на прошиположномъ концѣ города. Оспальное пространство стѣнь къ гавани было подъ начальствомъ Великаго Адмирала Луки Ношары (в). Между высокою Акрополя и башнею маяка стоялъ Гавріиль Тревизано съ чепырьмя спами Венеціанскихъ дворянъ (г), а Андрей Динію, галерный Капитанъ, находился съ галерами при входѣ въ гавань. Испанскій консуль, Педро Жіуліани, начальствовалъ наморскихъ стѣнахъ отъ дворца Буколеона до Контоскаліона (д), а Венеціанецъ Каншарихо, защищавшій Золошья ворота, отъ оныхъ вдоль до Псаманіи (е). Между Золошыми воротами

(а) Леон. Хіос. и Францезъ:

(б) Леон. Хіос. называетъ ихъ *turres aeneiadas*. О башнѣ Анемась и государственныхъ преступникахъ тамъ содержавшихся см. К. и В. I. с. 618.

(в) Леон. Хіос.

(г) Онь же.

(д) Францезъ III; 4. с. 56.

(е) Онь же *εως εγγυς των ψαραδίων*.

и ворошами испочника или Селимбрийскими (а) находился Мориць Кашанео, благородный Генуэзецъ, ошличившійся уже въ морскомъ сраженіи при вхождѣ въ гавань (б); опгь Селимбрія до ворошѣ Св. Романа охранялъ ученый Грекъ Теофилъ Палеологъ (в). Димитрій Палеологъ и Николай Гуделли не имѣли постояннаго мѣста, но ходили кругомъ всѣхъ спѣвъ, чшобъ подавашъ вездѣ помощь въ случаѣ нужды (г).

И такъ изъ двѣнадцати спорожевыхъ постовъ только два были поручены Грекамъ, именно послѣдній и къ гавани; на всѣхъ другихъ начальство вали Генуэзцы, Венеціанцы, Испанцы, Русскій Кардиналь, Далмацѣ и Нѣмецъ; всѣхъ Грековъ было около шести тысячъ человекъ, чужеспранцевъ до половины сего числа (д); между солдатами раздѣлены были монахи (е); величайшая на-

(а) *κατα τα μερη της πυλης λεγομενης Σιλυβριας*. Слѣдовательно и тогда выговаривалось, какъ нынѣ, *Силверри*.

(б) *Mauritius. Inde Cantaneus — inter portam Pighi (πηγη) с. i. fontis*. — Французъ по ошибкѣ называетъ его Мануелемъ вмѣсто Морица.

(в) Леон. Хиос. и Французъ оба соглашаются въ его учености.

(г) Леон. Хиос.

(д) *Graeci ad sex millia bellatorum non excedebant. — Genuenses sive Veneti vix summam trium millium aequabant*. Леон. Хиос.

(е) *Flamines monachique supra muros undequaque collocati*. Леон. Хиос.

дежда Грековъ была на Машерь Божію Одигитрію, которая въ послѣднюю Турецкую осаду ходила по спѣхамъ въ лиловой одеждѣ и утѣшала Турокъ; икона ея со Св. Недѣли, когда началась осада, была выставлена въ церкви во имя ея построенной на Акрополь (а), тамъ, гдѣ прежде въ древней Визанціи стоялъ Алтарь *Паллады Экбазіи* или оплывающей Минервы (б). Уже осажденные думали спастись чудотворною помощію, потому что въ Турецкомъ лагерь распространился въ сіе время слухъ о приближеніи Италіанскаго и Венгерскаго войска, а вмѣстѣ съ молвою и панической страхъ; причиною сего вѣроятно былъ Хамиль-Паша, прошивившійся продолженію осады и доброжелательствовавшій Грекамъ. Три дня уныніе господствовало въ Турецкомъ станѣ. Но вечеромъ въ претій день надъ городомъ запылало сѣверное сіяніе, воспламенившее въ Туркахъ угасшее мужество, потому что они изъясняли сіе явленіе, будто Господь, во гнѣвъ своемъ на Христіанъ, изливаетъ на нихъ оный въ видѣ кроваваго моря. Могаммедъ, который началъ уже колебаться въ своемъ намѣреніи, еще разъ созвалъ военный совѣтъ, въ коемъ

(а) Дука XXXVIII. с. 153.

(б) См. К. в В. I. с. 231.

миролюбивое мнѣніе Халиль-Паши (а) было уничтожено пропивникомъ его, Саганосъ-Пашею, Тураханомъ (б) и начальникомъ Евнуховъ. Скрывъ гнѣвъ и спыдъ свой, онъ тайно извѣстилъ Грековъ о рѣшеніи военнаго совѣта и ободрялъ ихъ тѣмъ не менѣе къ храброму сопротивленію, потому что военное счастье невѣрно (в). Это случилось вечеромъ, 27 Маія, въ Воскресенье въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ (г). На слѣдующій день Султанъ построилъ войска свои въ двѣ большія колонны для нападенія съ сухаго пути; восемьдесятъ галеръ были поставлены въ линію между Деревянными воротами и Плашейскими (д); другая часть флота, стоявшая предъ Диплонкіономъ, образовала большой полумѣсяцъ (е) предъ входомъ въ гавань, т. е. отъ воротъ Ораи до пристани Бланки, нынѣ Влангабоспанъ. Колонна Турецкаго войска противъ Золотыхъ воротъ проспиралась до 100,000 человекъ; на лѣвой сторонѣ отъ лагеря

(а) Леон. Хіосъ. и Францесъ согласно упоминають о семъ военномъ совѣтѣ; послѣдній только пишетъ неправильно *Αλιπαβιας* вмѣсто Халиль-Паши, и *Σαγαριπαβιας* вмѣсто Саганоса.

(б) Тураканъ вмѣсто Турахана у Леон. Хіос.

(в) Францесъ, Алт. изд. с. 59.

(г) Дука XXXIX. с. 159.

(д) *πλατεια*, нынѣ Балашкапусси.

(е) Францесъ, Алт. изд. с. 60.

до 50,000; въ арріергардѣ стояло 100,000 для подкрѣпленія; Могаммедъ находился въ центрѣ съ 15,000 Янычарь. Въ понедѣльникъ, 28 Маія, съ закапомъ солнца весь Турецкій станъ былъ готовъ къ приступу. Крикъ *ла ила иллалла* изъ лагеря, и *кирие елейсонъ* изъ города мѣшался съ звукомъ оружія, барабановъ и трубъ, подобно реву волнующагося моря. Султанъ и Императоръ говорили рѣчи полководцамъ, но вѣроятно не споль длинныя, какъ приводятъ Визаншійцы. Императоръ отправился въ Аія-Софію и приобщился Св. Тайнъ. Тоже сдѣлали многія особы его Двора. Попомъ онъ стоялъ нѣкоторое время на берегу и просилъ прѣщенія у окружавшихъ его. Весь дворецъ утопалъ въ слезахъ (а). Послѣ сего онъ сѣлъ на лошадь съ провожатыми своими, (между коими находился Историкъ Франца, словами котораго мы здѣсь рассказываемъ) и поѣхалъ вдоль стѣнъ, ободряя спражей исполнять долгъ свой; но въ эту ночь все бодрствовало и навалу и на башняхъ. Съ первымъ крикомъ пѣшука Императоръ прибылъ на свое мѣсто къ воротамъ Св. Романа.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

(а) Францесъ III. 7. с. 62.

И А У К И.

*Исторія Литтературы.**О Романъ и Драматической поэзиі Испанцевъ.*

Изъ Шлегелевой Исторіи Литтературы.

(Окончаніе).

До Калдерона грубая вольность на одной, искусственность на другой сторонѣ, а часто и обѣ вмѣстѣ господствовали въ Испанской Поэзиі. Дурной примѣръ Лопе не ограничился одною Драмою. Упоенный рукоплесканіями театра, онъ, въ порывѣ тщеславія, захотѣлъ блеснуть въ другихъ родахъ Поэзиі, къ которымъ не имѣлъ никакого дара. Недовольный однимъ первенствомъ своимъ на сценѣ, онъ вздумалъ соперничествовать съ Сервантесомъ въ Романъ, съ Аріоспомъ и Тассомъ въ поэмахъ героическихъ и рыцарскихъ, и такимъ образомъ распространилъ и на другіе роды свою грубую и дикую вольность, между тѣмъ какъ Гонгора и Кеведо довели до крайней степени искусственность выраженія и языка. Въ это время родился Калдеронъ: ему предлежало исторгнуть изъ сего хаоса Поэзію своего народа, и попомъ, облагородствованную, преобразенную, прославленную въ пламени любви, привести къ ея высокой цѣли.

Весьма замѣчательна сѣй ходъ Поэзіи Испанской, какъ она послѣ времянь своей крайней одичалости и поддѣльной искусственности досигла высшей степени превосходства, и, возсіявши свѣтлымъ блескомъ красоты цвѣтущей, исчезла. Это весьма важно для обыкновеннаго мнѣнія, существующаго въ теоріяхъ нашихъ, о круговратномъ ходѣ искусства; особенно поучительно для нашего вѣка и народа видѣнь, какъ Испанская Поэзія изъ глубины грубаго искаженія и мерзвой искусственности возраждается въ лучахъ новаго свѣта, и, обновленная, подобно Фениксу, возсится изъ собственнаго праха.

Чтобы представить духъ Испанской Драмы, возвеличенный Калдерономъ, считаю необходимымъ въ нѣсколькихъ словахъ выразить свои мысли о существѣ Поэзіи драматической. Первую и низшую ея ступень занимають тѣ представленія, въ коихъ видимъ одну блестящую поверхность жизни, одинъ лепучій призракъ роскошной картины міра. Пускай Трагикъ успѣлъ представить мнѣ возвышенные порывы страсти, Комикъ — цвѣтъ образованія и утонченности свѣтской; но, пока я вижу цѣлое въ одномъ внѣшнемъ явленіи, въ одной картинѣ, накинущой съ цѣлю по-

правиламъ перспективы, для взора и сочувствія, представленіе все будетъ поверхностно. Вторую ступень Драмы занимають шѣ представленія, гдѣ въ снрастяхъ и живописныхъ картинахъ читаемъ смыслъ глубокій; гдѣ не только въ частномъ, но и въ цѣломъ видимъ полную характериспику міра и жизни со всѣмъ ихъ разнообразіемъ, прошиворвчїями и дивнымъ сплешеніемъ; гдѣ человекъ и бышіе его являюпся великою, неразрвшимою загадкою. Еслибы сіе глубокое изображеніе характеровъ было послвднею цѣлію Драмы, то Шакспиръ не только бы первенствоваль надъ своими собратїями по искусству, но никто изъ древнихъ и новѣйшихъ не дерзнулъ бы къ нему приблизиться. Но Драма, по моему мнвнїю, имѣеть другую и высшую цѣль. Ея дѣло — не только представить, но и разрвшить тайну бытія, исторгнуть жизнь изъ хаоса настоящаго времени и довести ее до послвдняго конца, до разрвшенія великой загадки. Такимъ образомъ Драма, проникая въ грядущее, открываепь нашимъ взорамъ тайны внутренняго человека. Это не то, что обыкновенно называютъ кашаспрофою въ Трагедїи. Во многихъ извѣстныхъ произведенїяхъ Драмы не находимъ сей развзки, которая здѣсь разумѣется; многія другїя имѣ-

юшь одну виѣшнюю ея форму безъ внутренняго содержанія , безъ души. Для крашкоспи припомню при міра Данша: онъ , представивъ намъ сильною кистию рядъ живыхъ сущесствъ , черезъ среднія ступени , гдѣ надежда сліялась со спраданіемъ , приводишь насъ къ своему верховному преображенію. Это примѣняется къ Драмѣ; въ семь по смыслѣ и Даншъ могъ бы назваться писателемъ драматическимъ , если бы ряду кашаспрофъ , имъ представленныхъ , предшествовало полное развитіе , копорое онъ только слегка накинулъ. Троякій образъ рѣшенія судебъ человѣческихъ опредѣляетъ три рода высокой , важной Драмы , копорая объемлетъ не только призракъ оной , но вмѣщаетъ смыслъ глубочайшій , и до конца развиваетъ картину жизни. Первый родъ , — когда герой невозвратно повергается въ бездну погибели; второй , — когда внутреннее довольство и примиреніе смягчаютъ горестъ послѣднюю ; третій , — когда изъ мрака смерти и спраданій воскресаетъ новая жизнь и внутренній человекъ преобразуется. Къ первому роду Драмы , представляющему совершенную гибель героя , принадлежатъ между новѣйшими драмами -- Валленштейнъ , Макбетъ и Фаустъ , прославленный въ преданіяхъ народныхъ.

Древніе художники, сообразно съ своими понятіями о страшнѣйшій судьбѣ, все предопредѣляющей, преимущественно любятъ сей родъ катастрофъ. Таковая Трагедія бываетъ совершеннѣе, когда гибель героя не внѣшнимъ, произвольнымъ опредѣленіемъ судьбы совершается; но когда герой поспешенно, не лишенный свободы, но собственною виною впадаетъ въ бездну пагубы, какъ-то видимъ въ образцахъ помянутыхъ.

Сей родъ есть господствующій у древнихъ; однако находимъ примѣры и втораго рода, гдѣ развязка являешся въ примиреніи съ судьбою, особенно у двухъ величайшихъ писателей трагическихъ. Такъ Эсхиль, въ смерти Агамемнона и мщеніи Ореста отверзши предъ нами цѣлую бездну сраданій и пресупленій, въ Эвменидахъ представляешъ великую картину примиренія, гдѣ Божество крошкимъ словомъ разрѣшаетъ несчастнаго пресупника. Софокль, изобразивъ предъ нами ослѣпленіе и паденіе Эдипа, ужасную гибель и взаимное братоубійство его сыновей, долгія сраданія слѣпаго старца и его вѣрной попечительницы и дочери, умѣлъ ослѣпить его смерть, какъ переходеніе въ лоно боговъ примиряющихъ, шло въ числымъ и прекраснымъ свѣтомъ, что она освѣтляетъ въ душѣ чувство бо-

лѣе крошкаго , благоговѣйнаго , нежели горькаго состраданія. Развязки такого рода часто встрѣчаются у древнихъ и новѣйшихъ ; но рѣдко бывающъ онѣ такъ возвышенны и прекрасны , какъ въ образцахъ представленныхъ.

Третій родъ драматической развязки , гдѣ изъ крайняго страданія воскресаетъ жизнь духовно-преображенная , болѣе приличенъ Христіанскому Поэту , и въ семъ то родѣ Калдеронъ есть первый и величайшій Трагикъ. Оставивъ великое множество его Трагедій , ссылаюсь только для примѣра на два произведенія , извѣстныя у насъ въ переводѣ по своему достоинству , а именно: *Благоговѣніе ко кресту* и *Постоянный Принцъ*. Но сей характеръ Христіанскій виденъ не въ предметахъ , имъ изображаемыхъ , но въ образѣ его чувства и представленія. Даже тамъ , гдѣ предметъ не даетъ къ тому повода , онъ умѣетъ изъ страданія и смерти вызывать новую жизнь ; все у него проникнуто душою любви Христіанской , все преобразено въ ея чистомъ свѣтѣ , въ ея блестящихъ и небесныхъ краскахъ. Калдеронъ , по всѣмъ отношеніямъ , преимущественно предъ другими писателями драматическими , есть Поэтъ Христіанскій , — и потому наиболее романтическій.

Поелику Испанское стихотворство, чуждое поспороннаго вліянiя, оставалось всегда чисто романтическимъ, а рыцарская Поэзія среднихъ вѣковъ продолжалась въ семь народѣ до временъ новѣйшаго образованiя и достигла формы изящнѣйшей; но здѣсь надлежащее мѣсто опредѣлилъ существо романтическаго. Оно основывается на чувствѣ любви, которымъ Христіанская Религія одушевляетъ Поэзію; въ немъ оправданіе является однимъ только средствомъ къ преображенію, трагическая важность древняго богоученiя и временъ языческихъ переходитъ въ свѣтлую игру фантазіи, — и самыя формы представленiя и языка согласуются съ внутреннимъ чувствомъ любви и игрою фантазіи. Хотя подъ именемъ романтической разумѣется одна Христіанская Поэзія; но въ эпомъ смыслѣ всякая Поэзія должна быть романтической. Въ самомъ дѣлѣ Романтизмъ не враждуетъ съ древнимъ или собственно классическимъ родомъ Поэзіи. Сказанiя о Троѣ, пѣсни Омидовы суть чисто романтическія; такъ и всѣ произведенiя Поэзіи Индѣйцевъ, Персовъ и другихъ древнихъ восточныхъ или Европейскихъ народовъ. Гдѣ высшая жизнь съ ея чувствомъ и одушевленіемъ пророческимъ является въ своемъ глубо-

комъ значенія, тамъ всегда отзываются хоща отдѣльные звуки той божественной любви, средоточіе и полная гармонія коюрой находятся въ Христіанствѣ. Такъ и у Трагиковъ древнихъ, не смотря на ихъ мрачное воззрѣніе на міръ въ цѣломъ, мы слышимъ отзвуки глубокаго чувства; внутренняя любовь сквозь заблужденія и ложные призраки ужаса свѣсится въ душахъ благородныхъ. Не одно искусство велико и удивительно въ Эсхилѣ и Софоклѣ, но ихъ образъ мыслей и духъ. И такъ не въ живыхъ, но въ однихъ искусственныхъ, утонченныхъ произведеніяхъ древности мы не находимъ романтизма, дышащаго любовію. Не древнему противопоставляется романтическое, но одному ложному подражанію древнимъ, которое безъ внутренней любви переноситъ одну только форму ихъ въ свои произведенія: такъ и съ другой стороны, оно противопоставлено новѣйшему искусству, т. е. тому, которое думаетъ обнять самую жизнь, прильпаясь къ одному настоящему, которое, насильно вшортаясь въ міръ дѣйствительный, не смотря на всѣ возможныя утонченія, неизбежно спѣсняется границами времени и обычая.

КРИТИКА.

Русскія книги.

Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгородѣ, касающіяся 1) его монетъ серебряныхъ: гривенъ и полугривенъ или рублей. 2) его мѣстности, величины, населенія и околности. 3) его укрѣплений, строеній, нравовъ жителей и свойства управленія. Съ четырьмя отдѣльными рисунками оныхъ гривенъ и рублей. Съ планомъ и описаніемъ древняго Новгорода. Съ подробною топографическою картою околности Новгорода. Сочиненія *Николая Назар. Муравьева*. Санктпетербургъ. Печатано въ Военной Типографіи главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. 1828. въ 4-у. 54 с. —

„Завадовскій, Румянцевъ, Козодавлевъ, Муравьевъ читають моего Неснора, какъ я знаю, по документамъ: Государственные люди, занимающие высшія мѣста въ Государствѣ, читають „Кришико-Историческія изслѣдованія, и читають ихъ съ удовольствіемъ и благосклонностію! Не есть ли это одна изъ особенностей, коими со славою отличается нынѣшнее Русское Правительство, достойное общество сподвижниковъ „Александра?“

Такъ восклицалъ Шлецеръ въ предисловіи (1805) къ третьей части своего объясненнаго Неснора. Съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы

онъ шеерь, что человекъ Государственный, не только читаетъ, но и пишетъ самъ Критико-Историческія разсужденія!

„Новгородъ, не только по нынѣшнему, но и по древнему былъ весьма малозначущее мѣсто: и народонаселеніемъ, и торговлею, и богатствомъ, и нравами, и промыслами. Но мѣстность и раздоры его окружавшихъ державъ, способствовали его присвоенію мнимаго могущества, мнимой независимости, въ самомъ существѣ бывши всегда слабымъ и зависимымъ.“ (с. 26). Вотъ основная мысль въ изслѣдованіяхъ Г-на Муравьева. —

Если онъ смотрѣлъ на Новгородъ въ слишкомъ уменьшительное стекло, то несомнѣнно и то, что до него смотрѣли на этотъ городъ въ слишкомъ увеличительное, и онъ заслуживаетъ полную благодарность соотечественниковъ за свое *новое* мнѣніе въ Исторической критикѣ, тѣмъ болѣе, что Авторы наши еще очень робки и упрямы въ этомъ отношеніи. Желаетъ, чтобы *изслѣдованія* подали поводъ къ ученымъ спорамъ, отъ которыхъ должно ожидать много пользы для древней Россійской Исторіи.

По извѣстіямъ о пожарахъ, въ Новгородѣ бывшихъ, судить о пространствѣ города — мысль очень остроумная, и доказательства Автора убѣдительны. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,“ говоритъ онъ, „что описаніе пожаровъ — есть указатель обитанія. Въ описаніяхъ пожаровъ Лѣто-

писецъ долженъ говорить о тѣхъ только мѣстахъ, въ которыхъ было чему горѣть, и которыхъ на изданномъ ошъ меня древнемъ планѣ Новгорода означены жилими, то есть, съ улицами, площадями. Но ни о какихъ пожарахъ прилежащихъ къ нему мѣстѣ, внѣ его внѣшняго вала, въ низъ или въ верхъ по Волхову, не упоминаешь, кромѣ городища, загороднаго Княжескаго мѣста, и Деревяницкаго монастыря, хотя въ то же время упоминаешь о пожарахъ: Въ Торжкѣ, Ладогѣ (*) и проч. и проч.

Желательно, чтобъ Авторъ еще болѣе разпространилъ свои изслѣдованія, и собралъ всѣ

(*) Авторъ, ставъ на эту точку, между нѣкоторыми удачными объясненіями толкуетъ иногда слова лѣтописи съ предубѣжденіемъ. Напр. въ лѣтописи сказано: 1267 „толь люшъ пожаръ бѣше, яко и по водѣ огонь хождаше, и многъ товаръ погорѣ на Волховѣ въ лодьбахъ, и нѣколико головъ съгорѣ и однимъ часѣ (?) 36.“ — Авторъ прибавляетъ: „цѣлой конецъ въ часѣ (въ мигъ) сгорѣлъ.“ Единомъ часѣ — гиперполическое выраженіе, просто означающее неопредѣленную, крашкую мѣру времени, — вдругъ, въ одночасье.

1340 „Заторься на Разважѣ улицѣ *влолѣ* за Святымъ Феодоромъ и погорѣ Неревскій конецъ и проч.“ — „За сею церковью, говоритъ Авторъ (42) и нынѣе поле, то есть обширѣйшій огорождъ для лука, капусты, огурцовъ, и никакого жилья до самаго вала.“ *Влолѣ* не происходитъ здѣсь, *кажется*, ошъ существительнаго имени поле: ибо чему же загораться на полѣ, пустомъ мѣстѣ? Незначишь ли здѣсь *влолѣ* — въ сторонѣ за Св. Феодоромъ? это слово вѣдь часто употребляется въ лѣтописи съ такимъ смысломъ: 1097 г. погорѣ ошъ полѣ, то есть: погорѣла та сторона; 1817 г. вель (не весь ли?) полѣ погорѣ; торговый полѣ и проч.

древнія извѣстія о пожарахъ Новгородскихъ, при-
мѣнивъ оныя къ плану древіяго Новгорода, со-
чиненному сообразно съ древними лѣтописями,
описанію 1623 года и нынѣшнимъ положеніемъ. —
Чтобъ судишь вѣрно о народонаселеніи, богаш-
ствѣ, могуществѣ Новгорода, нужно между про-
чимъ собрать *статистически* всѣ извѣстія о смерш-
ности во время моровыхъ язвъ (*), о даняхъ, пла-
щившихся Новгородцами Великимъ Князьямъ, — о
войнахъ, ими веденныхъ, о числѣ войскъ и проч.

Въ описаніи и изображеніи гривень у Автора
есть матеріалы для нашей младенчесивующей
Нумизмашики. О гривнѣ вошь что говоришь
онъ: (3): „мѣра горши всюду извѣстна, не-
шолько въ Россіи, но и въ Англии, и во Франціи,
и въ Германіи. Въ послѣдней и нынѣ употребле-
юшь *greifige Waage*, хотя уже въ нѣкоторомъ иномъ
смыслѣ. *Griff* значить горшь, въ горшь могущее
вмѣститься. Вошь *Griff von Silber*, *Griff von Pflz*
Waagen (**): гривна серебра, гривна кунъ. Оп-
сюда въ Польшѣ извѣстность Колонской гривны
(*Griff von Silber aus Köln*, с. 19).“ — Можешь
бышь, повѣримъ этому остроумному замѣчанію,

(*) Авторъ говоритъ, (6) что „населеніе Новго-
рода конечно не простиралось болѣе 8 тысячъ обоого
пола и всякаго званія людей.“ Но чѣмъ же опровер-
гаешь онъ извѣстія лѣтописца, которой напримѣръ
повѣствуетъ, что въ 1461 году, во время моровой яз-
вы, умерло въ Новгорѣ 48784 челоувѣка (см. разго-
воры о древностяхъ Новгорода, с. 19. Карамзина VI.

(**) Здѣсь нужно бы привести древнее свидѣтель-
ство объ употребленіи сего слова.

гривна производить *этимологически* отъ слова Grif горсъ , какъ фущъ , резъ , ried, отъ с. нога; но къ намъ перешло уже съ *опредѣленнымъ* значеніемъ вѣса, и нашанутое объясненіе на с. 18 во-все не нужно.

Рецензентъ желалъ бы, чтобъ на с. 10 послѣ словъ: „въ первыхъ вѣкахъ торговли Русской,“ не было поясненія несправедливаго „шо есть начиная отъ 5 по Рож. X:“ *ибо ни о томъ Русскомъ до 9 вѣка, по неизвѣстнѣму свидѣтельству, говорить нельзя.*

За шо съ величайшимъ удовольствіемъ поворитъ онъ слова Автора: *Русскіе во времена Рюрика, Св. Владимира, были нѣкто похожее на нынѣшнихъ Киргизовъ, Бурящъ, съ ихъ Князьками, Тайшами, Сулпанами, съ ихъ простотою, бѣдностію пастырскою, съ шою только развѣ разницею, что наша простота и бѣдность были не пастырскія, но звѣроловныя и часшію земледѣльческія: понеже сторона около Днѣпра, Двины, Волхова, шогда была стороною дремучихъ лѣсовъ.*“

Ставъ на сію точку, мы увидимъ древнѣйшую нашу Исторію совершенно не въ шомъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ видѣлъ ее Карамзинъ.

М. П.

Андрей, Князь Переяславскій, повѣсть. Глава первая. Москва. Въ шип. С. Селивановскаго. 1828.

60 стран. въ 12 ю д.

Объ Авторѣ этой повѣсти въ Москвѣ ходятъ разные слухи. Мы, по нашему обыкновенію, будемъ смотрѣть на произведение, а не на лице.

Изъ первой главы конечно не лзя еще заключишь ни о планѣ цѣлаго, ни о характерахъ дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что въ ней не видимъ еще самаго героя поэмы; однако и въ первой главѣ ясно обличается неопытный стихотворецъ, не безъ дарованія, но не имѣющій довольно силы, чтобы овладѣть своимъ предметомъ, не искусный въ приемахъ разсказа, излишне говорливый и часто безотчетный. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе первой главы. — Два Половца разговаривають на пуши о войнѣ и грабежѣ, засыпають (?); проснувшись, видятъ Русскаго; мечуть жребій, кому нападать на него, и рѣшаются напасть вмѣстѣ. Бѣдетъ витязь Романъ вдоль рѣки Лебеда; прїѣзжаетъ на развалины монастыря, сокрушеннаго Печенѣгами; мечтаетъ о смерти, о возрожденіи, о славѣ, и засыпаетъ. Онъ видитъ сны; Половцы нападаютъ на него: одинъ на коня, другой на самаго Витязя; Романъ весьма ксшати просыпается; Половецъ, выпрѣливъ изъ лука, попалъ въ своего собрата (!!!) и убѣжалъ; Романъ уѣхалъ. Сцена перемѣняется. По Дунаю, подъ спѣнами Переяславля, плыветъ на лодкѣ юноша и поетъ цѣсци подъ бурю. Буря сильнѣе, юноша тонетъ.

Ѣдешъ Вишязь ; на конѣ скачешъ въ бездну ; спасаешъ юношу ; конь понешъ ; они на берегу. Ѣдешъ Бояринъ Любомиръ съ своимъ спрмяннымъ, бестдуешъ подь бурю о какомъ-то заговорѣ прошивъ Андрея за Всеволода и о своемъ племянникѣ Янѣ. Буря прошла. Любомиръ встрѣчаешъ двухъ юношей и узнаешъ въ одномъ сына своего, Свѣшовида , въ другомъ спасителя его. Отецъ дѣлаешъ выговоръ сыну. Они ѣдутъ въ перемь. Мать съ рыданьемъ приняла сына. Госпя угощаютъ баней ; послѣ бани мать подаешъ чару вина пришельцу и спрашиваешъ у него объ имени. Онъ его скрываетъ. Ужинають , сынъ поешъ , ложашъся спать — и первая глава кончена.

Содержаніе сей главы , какъ видятъ чашатели , очень несвязно : это просто рядъ неясныхъ картинъ , нескладно приклеенныхъ одна къ другой. Нигдѣ не прудилась мысль и не показала себя. Кромѣ неспройности содержанія , встрѣчаешся много несообразностей , осязаемыхъ простыми глазами здраваго опчета. Къ чему набѣгъ Половцевъ ? — Для чего они мечуть жребій ? Къ чему мечтанія Романа ? Какъ связано все вступленіе съ послѣдующимъ спасеніемъ Свѣшовида ? Изъ всего племени хищныхъ , лихихъ , искусныхъ наѣздниковъ , каковы были Половцы , выбраны , какъ нарочно , двое недогадливые , неловкіе. Для чего они не вмѣстѣ нападаютъ на Вишязя ? Какъ могла спрѣла измѣнить

мѣшкомъ Половцу? — Причина проста: Автору былъ нуженъ *Романъ*.

Не смотря на недоспашки въ содержаніи, встрѣчаемъ въ изложеніи нѣсколько счастливыхъ описаній, какъ напр. картина Лебедя, сны Романа и другія, нѣсколько весьма удачныхъ стиховъ, новыхъ и смѣлыхъ выраженій, — но къ сожалѣнію, болѣе мѣсъ шемныхъ. Представляемъ ясныя пому доказательсва. Вотъ, на примѣръ, слова Романа, мечшающаго на развалинахъ монастырскихъ:

„О время, Ангель *истребленья* (*),

Дѣяній, зданій спарины!

Хоронишь ты въ сшепи забвенья

Великихъ мира и войны;

И лишь *слугайно*, лишь *украдкой*,

Одно изъ пысячи именъ —

Обломокъ на пути время (?)

Покрытый басенной догадкой —

Вѣкуеть мѣтою племень.

Трудно объяснишь эшо выраженіе. — Одно имя, обломокъ (ошъ чего?) на пути время, покрытый *басенной догадкой* (?), случайно, украдкой, *вѣкуеть мѣтой племень*. Какой странный наборъ словъ!

Вотъ еще описаніе Свѣшовида, плывущаго по Дунаю во время бури:

(*) Здѣсь запящя мѣшаетъ смыслу.

Бѣлѣшь парусъ одинокой ;
 Какъ лебединое крыло ,
 И *грустенъ* пушникъ *ясноокой* ;
 У ногъ колчанъ , въ рукѣ весло .
 Но (?) , съ *беззаботною улыбкой* ,
Летугей пѣной орошёнъ ,
 Безшрепешно по влагѣ зыбкой
Порывомъ бури мгится онъ ,
 И *внемлещъ* приберегъ *окольной*
Напѣвы пѣсни произвольной .

Здѣсь ~~еще~~ счастливые сны и сравненія ;
 по рядомъ съ ними прошиворѣчія и выраженія не-
 обдуманная : на *грустномъ* пушникѣ *беззаботная*
 улыбка ; *порывомъ бури мгится* — неправильно .

Вотъ еще эпизодъ о слезахъ , не кстапи при-
 вязанный къ описанію матери , плачущей надъ
 спасеннымъ сыномъ .

И надъ *покорною* (?) главою ,
 Оспрадной , сладостной рѣкою
 Спруи чистѣйшихъ слезъ *шекли* . . .
 О радости невинной слёзы !
Вы перлы на земной пыли —
Вѣнокъ росы на погкахъ розы —
Пылинка неба на земли ,
 Съ *тѣхъ поръ* (?) , какъ Ангельская *сма* ,
Звѣздой падугей съ высоты , —
 На землю юную *сходила*
По зову тлѣнной красоты !

*Ангельская сила сходила падугей звѣздою
на землю по зову тѣнной красоты: просимъ раз-
гадать это выраженіе!*

Вотъ наконецъ еще два опривка, свидѣтель-
ствующія истину нашего мнѣнія. — Изъ описанія
бани:

На каменку шипучій медь
Волной обильною печѣшь,
И дышетъ съ камней жгучей тугей
Парь благовонный и летучій,
Вънцомъ объемя огонекъ.

*Летучій парь дышетъ жгучей тугей, объ-
емля вънцомъ огонекъ!!!*

Но между шѣмъ дѣвецъ молодой
За гусли звонкія садится,
И звукъ подъ легкою рукой
За перекатами струится.

Звукъ струится за перекатами!!! Непонятно.

Въ примѣръ хорошаго приведемъ:

И вотъ, гдѣ Лебедемъ рѣкой
Охваченъ круто лѣсъ дубовый,
Съѣзжаешь Випись молодой, —
И бросилъ повода шелковы,
Плѣненъ пустынною красой.
Хребта Карпатскаго вершины
Пронзали синеву небесь,
И оперяль дремучій лѣсъ
Его зубчатыя стремнины.
Обложенъ шепенями горь,
Раздвѣль узорчатый ковѣрь

Развишой по низу долины,
 И вдаль прелестень, одинокъ
 Змѣился Лебеда пошокъ;
 Въ него плакучія берёзы
 Роняли ушрениа слёзы,
 И подь наклонъ младыхъ ракишь,
 Подь сѣнолиспвенныя ивы,
 Пошокъ задумчивый капишь
 Невидимо струи лѣнивы,
 То померкая, то пророй
 Лучемъ измѣнчивымъ сверкая,
 Онъ, тогко лента голубая,
 Подернуть битью золотой, (*)
 И ярь песокъ, по оба края,
 Лежишь перловой бахрамой.

Вотъ еще слѣдующее :

Кругомъ, бредучею стопою
 Развалины обходить онъ :
 Ихъ дикій плющъ со всѣхъ сторонъ
 Облекъ узорной пеленою,
 И сводовъ гордое чело
 Травой и мохомъ поросло.
 Вездѣ видна печать пожара,
 Вездѣ рѣка его стекла :
 Здѣсь шоки мѣди и стекла ;
 Тамъ своды преснули ошь жара ;

(*) Такъ въ лучшихъ мѣстахъ Поэмы видна та же незрѣлость; напр. здѣсь картина хороша, но не ясно выражена.

Главъ вѣшь; къ опверзшымъ небесамъ,
 Какъ благовонное кадило,
 Шиповникъ льешь свой ейміамъ,
 И вѣшь вѣшеръ легкокрылой
 По онѣмѣвшимъ алшарямъ, —
 И шамъ, гдѣ благовѣспъ моленья
 Будиль далекія селенья,
 Все шихо, — благодашний гуль
 На вѣкъ въ развалинахъ уснуль.

Мелькаюшъ новыя удачныя сравненія:

Проснись! убійца надъ шобой
 Неслышной мѣданицей вѣспся. *Стран. 29*
 И мушный валь, какъ змѣй шипучій,
 Извергъ обоихъ на песокъ. *Стран. 42*

Заклучимъ: въ Андрей Переяславскомъ иног-
 да примѣшенъ пѣшической шаланшъ, но чаще
 ошсущствуетъ связь логическая. —

*Энеида, Комизгеская Поэма. Созинненіе Николая
 Невѣдомскаго. С. Пешербургъ. Въ Типогр. Импераш.*

Воспиш. Дома. 1828. въ м. 8-ку, 248 стран.

Это пародія на Энеиду Виргилія, которому
 ужъ не въ первый разъ доспаешся ошъ стихо-
 шворцевъ - насмѣшниковъ. Не знаемъ почему,
 но эшошъ родъ, кажешся, вышелъ изъ моды, и
 пародіи очень рѣдки въ наше время.

Не пошому ли прошлой вѣкъ былъ богаче
 ими, что онъ любилъ все ошрицашъ, надъ всѣмъ

издѣваться и въ самомъ изящномъ швореніи, въ лучшемъ цвѣтѣ ума человѣческаго, находишь обыкновенную, смѣшную сторону?

Пародіи могутъ быть двоякаго рода: иногда произведеніе изящное берется въ нихъ только за средство для осмѣянія чего нибудь посторонняго; такія пародіи, существующія у насъ большею частію въ рукописяхъ, могутъ показаться забавны и остроумны по нѣкоторымъ частнымъ примѣненіямъ ж намѣкамъ. Пародіи другаго рода имѣютъ цѣлю предсавить какое нибудь изящное произведеніе въ смѣшномъ видѣ. Это не совсѣмъ легко. Здѣсь потребна въ высшей степени комическая фантазія, которая бы непринужденно, безъ насилія, переносила насъ въ свой пестрый міръ несообразностей и прошиворѣчій, волшебствомъ остроумія заставляла бы насъ вѣрить своимъ причудливымъ образамъ и никогда не напоминала бы объ изяществѣ того образца, надъ которымъ она издѣвается. Пародія есть невинная шушка, а первое достоинство всякой шушки есть легкость.

Если же эта шушка тяжела; если стихошворецъ насильственно шацилъ насъ въ свой міръ смѣшнаго, ось котораго намъ спановищся скучно и горько; если безрестанно заставляеть насъ жалѣть о бѣдномъ образцѣ, имъ искаженномъ; если къ тому еще оспанавливаетъ нашъ умъ тяжелымъ, несвязнымъ разсказомъ, и велишь

кой-гдѣ добираться смыслу: — то пародію его не лучше ли назвать жестокимъ *истязаніемъ*? Тогда невольно вспомнишь шого медвѣдя, который, не зная про свою неповорошлливость, вздумалъ пляскою позабавишь зрительей и передавалъ имъ ноги.

Новая пародія на Энеиду, написанная, какъ кажется, въ подражаніе Блюмауэру, принадлежитъ къ сему роду *истязаній* стихотворныхъ. Бѣдный Виргилій! за что онъ вышерпѣлъ такую пышку?

Всѣ несообразности, изобрѣтенныя Авшоромъ, какъ-то не смѣшны и не забавны. Разскажемъ что нибудь для примѣра. Эоль, въ парикѣ съ кошелькомъ, во французскомъ, бирюзовомъ кафтанѣ съ *узговками въ цѣлковый*, съ дюжиной перстней на рукѣ, покоящейся на огромномъ брюхѣ, бѣжитъ на цыпочкахъ къ разряженной Юнонѣ. Нечесанный, неопрятный, невѣжливый Эней давитъ ноги дамзѣ, бьешь куръ, въ присутствіи первыхъ занимаешь *мизинецъ носомъ*, подводитъ *итогъ лужамъ*, бывшимъ въ *прошломъ годѣ*, рассказываетъ Дидонѣ про свои похождения каршежныя, охотничьи и другія, не весьма пристойныя (*), и мудрено ли, что онъ дѣлаешь такія глупости, когда Авшоръ вмѣсто

(*) Виргилій называетъ его *pius*: какъ-то награжденъ онъ у насъ за свое благочестіе?

головой даль ему какую-шо *вершину*? (*) Непшунъ перебираешъ листки курьера, жжешъ табакъ въ шавернѣ и пьешъ коньякъ. Зевешъ, въ у-году Юнонъ, моешь и чешешъ болонку, кормишь ее слобными кренделями и чаемъ, спудить его и сгоняешъ съ собачки мухъ. Вдова Дидона, съ своимъ шафшянымъ ридикюлемъ, въ который

Весь вѣкъ за словомъ не ходила,

Сливая въ день по сотнѣ пуль! (!),

дѣлаешъ сплетни, бранишь всѣхъ дамъ, а объ-иныхъ говоришь, что онѣ шакъ нужны въ свѣтѣ,

Какъ нужны пять колесъ въ каретѣ (**).

Эта же Дидона подчиваешъ Энея Малороссійскимъ борщомъ съ ветчиною и съ чеснокомъ, гречис-вой кашей съ чухонскимъ маломъ; но всего замѣ-чашельнѣе на ея обѣдѣ были *вкусные сынки*,

Охотницъ грязь мѣсить носами,

кошорые, *подъ хрѣномъ, на Голландскихъ слив-кахъ, зубами держали разные цвѣтки.* Стран-ный вкусъ!

Странный вкусъ и у Автора Комической Поэмы! Всѣ эштѣ изобрѣшенія тяжелы, неостро-умны, незабавны и смѣшашъ иногда какую-то нелѣпою странностію. Да къ тому же вошь въ какихъ стихахъ онѣ предлагающся:

(*) *Вершину* *на ллетъ локол.* См. стран. 38.

(**) Эту остроуму Дидона взяла у Коцебу. (Мы, по-мнится, гдѣ - шо объ ней читали или слышали). Но она ее, по видимому, искажала: не какъ наше ли колесо въ каретѣ? Чешыре вѣдь все шакъ необходимы.

Герой Эней шалишь усами,
 Составя фершь лихой руками,
 Онъ куриць, въ жажду надъ водой,
 Напоминаешъ головой; (*)
 Свой каждый шагъ на силу кончишь,
 Какъ будшо миръ или война
 Въ его шагу заключена:
 Смѣшно орла ворона корчишь!
 Спустивши саблю до колѣнъ,
 Встревожиль ея Кареагенъ,
 Вздразнилъ чешвероногихъ спражей,
 Спугнулъ съ забора весь народъ
 Крылашый и живущій кражей, —
 На кровлѣ сторбвишійся кошъ
 Мурлычилъ, когши разпуская;
 За плѣнь, бездѣйствіе свое,
 Ножнамъ невиннымъ опомщая,
 Себя изгрызло лезвее
 Отъ ржавчины, досады крайней,
 Чшо съ роду не видало съчь,
 Разя въ ударъ съ обѣихъ плечь
 Лишь гуся въ полѣ, крысу въ спальнѣ (**).
Зомль іѣ.

(*) Здѣсь не бесполезно объяснишь читателямъ, что куры имѣють обыкновеніе высягивашься, когда ушюляють жажду.

(**) Здѣсь мы и рады бы объяснишь, да не въ силахъ.

Иностранная книжка.

Жизнь Христофора Колумба, соч. Ирвинга [Вашингтона. 4 части, въ 8 ю л. Лондонъ. 1827.

(Продолженіе).

„Утромъ 7-го Октябрю, передъ восходомъ солнечнымъ, нѣкоторымъ мажорсамъ корабля адмиральскаго показалось, что видяшь они землю на западъ, но весьма неясно; неуверенность въ истинѣ сего возпрепятствовала имъ возвѣстить сіе открытіе: всякой боялся обмануться и такимъ непріятнымъ образомъ лишиться награды, обѣщанной первому, кто объявитъ на самомъ дѣлѣ сію вождѣльную вѣсть. Не смотря на то, корабль *Нину*, который былъ всѣхъ легче, отправили впередъ, чтобы увѣриться въ видѣнномъ. Скоро раскинули бѣлый флагъ на вершинѣ его мачты и выстрѣлили изъ пушки. Это былъ условный знакъ, долженствовавшій возвѣстить обрѣтеніе земли. Живѣйшая радость объяла всѣхъ, и всѣ обратили взоры на западъ. Но вскорѣ надежды, основанныя на облакахъ, исчезли, и еще до вечера, обѣщанная земля скрылась въ воздухѣ. Отчаяніе людей было столь же велико, какъ прежде велика была ихъ радость. Къ счастью, нѣкоторыя новыя обстоятельствова, если не оживили ихъ надежды, то по крайней мѣрѣ заставили молчать мятежниковъ. Колумбъ замѣтилъ безчисленное множество

маленькихъ полевыхъ пшницъ, устремлявшихъ полетъ свой къ юго-западу, и наснаивалъ на томъ, что земля, гдѣ имъ угошованы и покой и пища, не могла бытъ далеко. Онъ ошъ Португальскихъ мореходцевъ зналъ всю важность сего предзнаменованія; зналъ, что, слѣдуя направленію летящихъ пшницъ, моряки Португальскіе открыли многія острова; пошому онъ рѣшился, вечеромъ 7-го Октябрия, перемѣнить свой путь и пуститься къ юго - западу. Въ продолженіи шрехъ дней, все плыли по этому направленію. Новыя снаи маленькихъ разноцвѣтныхъ пшичекъ летали около кораблей, продолжая путь свой къ юго-западу; весьма явно слышны были снаи другихъ пшницъ, пролетавшія ночью поверхъ кораблей. Тоны (*) играли днемъ на поверхности спокойнаго моря; цапля, пеликанъ и ушка въ глазахъ моряковъ пролетѣли по шому же направленію. Травы, плававшія вокругъ кораблей, были свѣжи и зѣлены, и, по видимому, недавно опдѣлены ошъ земли; погода была шиха; Колумбу казалось даже, что онъ дышешъ шѣмъ воздухомъ свѣжимъ и благовоннымъ, кошорый вкушаюшъ въ Апрѣлѣ на берегахъ Испаніи. Не смошря на шо, въ сихъ благопріятныхъ признакахъ мяшежные машросы видѣли одни обманчивые ковы, кошорые нарочно собирала судьба, чшобы вѣрнѣ погубишъ ихъ; когда же подъ вечеръ шрешьяго дня, они увидѣли солнце, заходившее на обширномъ небосклонѣ и их

(*) Морская рыба.

единого слѣда земли, вопли бѣшенства вырвались изъ устъ ихъ. Окруживъ Адмирала, они упрекали его въ шомъ упорствѣ, съ какимъ онъ посмѣваетъ ся Небу и вѣдешъ ихъ впередъ, въ неизмѣримое, безпредѣльное море; съ шумомъ требовали они ворошишь корабли къ Испаніи и оставишь отчаянное предпріятіе. Коломбъ спарался благосклонными рѣчами, обѣщаніями богатыхъ наградъ, умиришь мяшежныхъ; но, видя, что средства его не дѣйствуютъ, что клики ихъ возрастали болѣе и болѣе, онъ принялъ шонъ самый рѣшительный. Онъ объявилъ имъ, что „они роццущъ напрасно, что походъ былъ назначенъ по повелѣнію ихъ Государей съ намѣреніемъ опыскашь новую Индію, и что онъ твердо рѣшился, во что бы то ни сшло, съ помощію Божіею до конца продолжашъ дѣло.“ Коломбъ былъ одинъ прошивъ всѣхъ, преданъ ярости бунтовщиковъ, и положеніе его, въ продолженіи всей ночи; казалось совершенно отчаяннымъ. Къ счастью, упромъ болѣе и болѣе открывались признаки сосѣдства земли. Кромъ множества шравъ, какія расшущъ-обыкновенно на берегахъ рѣчныхъ, поймали рыбку извѣстнаго рода, которая обыкновенно живешъ въ заливахъ или въ разсѣлинахъ скалъ; вѣшвъ съ плодами, по видимому не давно опорванная ошъ дерева, плавала близъ корабля адмиральскаго; нашли шросникъ, дощечку и наконецъ палку, страннымъ образомъ вышоченную. Мяшежъ умихъ, и за все-

общимъ опчаяніемъ послѣдовала надежда самая льстивая. Во весь день, всякой былъ внимателенъ къ своей должности; всякому хотѣлось быть первымъ возвѣстителемъ вожделѣннаго открытія. Вечеромъ, когда по уставу, ненарушимо сохраняемому на корабль адмиральскомъ, пропѣли *Salve regina* или Гимнъ Пресв. Дѣвъ, Коломбъ произнесъ своимъ спутникамъ рѣчь, исполненную силы, въ коей онъ увѣщевалъ ихъ признать благость Божію: „не она ли, говорилъ онъ, вела ихъ доселѣ по Океану спокойному? не она ли постоянно оживляла ихъ надежды и по мѣрѣ возраставшаго страха умножала благопріятныя предзнаменованія, и наконецъ не она ли скоро приведешь ихъ къ землѣ обѣщанной?“ Потомъ онъ напомнилъ имъ приказъ, данный имъ самимъ еще до время отъѣзда съ острововъ Канарскихъ, чшобы, по совершеніи къ Западу болѣе 400 миль, не разпускаясь всѣхъ парусовъ по полуночи. Сія предосторожность теперь сдѣлалась необходимою, ибо ему весьма вѣроятнымъ казалось, что въ сію же ночь пристануть они къ землѣ. Между прочимъ онъ велѣлъ поставити внимательную спражу впереди корабля, и первому объявителю открытія общалъ бархашный нагрудникъ, сверхъ пенсіи, обѣщанной Государями. Вѣшеръ былъ свѣжъ въ продолженіи шого дня; высота моря была необыкновенная, а пуши уже сдѣлали много. При захожденіи солнца, поворожили корабли къ западу; разсѣкали волны

съ быспрошою необыкновенною; Пинта по своей легкости плыла впереди. Величайшій восторгъ обнялъ всѣхъ; никто не сомкнулъ глаза въ сію ночь достопамятную. Когда день спалъ склоняясь къ вечеру, Коломбъ вышелъ на верхъ палубы; спалъ на высокой кормѣ корабля своего и оставался нѣсколько времени въ шажкомъ волненіи. Во весь день обнаруживалъ онъ самоувѣренность и спокойствіе; но, не примѣчая болѣе никакихъ благопріятныхъ знаковъ, онъ, обращая смущенные взоры на всѣ почки небосклона, спарался проникнуть мрачную завѣсу ночи, его покрывавшую. Вдругъ, около десяти часовъ, ему показался вдали свѣтъ; спрашася обмана своихъ желаній, онъ призвалъ къ себѣ Педро Гутьереза, Камеръ-юнкера королевскаго, и спросилъ его: не примѣчаешь ли онъ свѣта въ томъ направленіи, которое онъ ему указываетъ? Сей отвѣчалъ утвердительно; Коломбъ, все боясь обмановъ воображенія, призвалъ еще Родриго Санхеза, родомъ изъ Сеговіи, съ намѣреніемъ предложить ему шопъ же вопросъ; но прежде нежели сей послѣдній дошелъ до палубы, свѣтъ уже исчезъ. Однако они снова примѣтили, что эшопъ свѣтъ разъ или два бросилъ нѣсколько лучей сомнительныхъ, на подобіе свѣпильника, привязаннаго къ рыбацкой лодкѣ, который то возвышается, то скрывается волнами, или свѣчи, несомой по берегу человѣкомъ, которая то показывается, то исчезаетъ

за домами. Не смотря на то, эшошь свѣшь шакъ былъ не вѣрнень, чшо его совѣмъ не почли признакомъ важнымъ; но Коломбъ видѣлъ въ эшомъ не шолько вѣрное предназначеніе сосѣдства земли, но еще земли обитаемой. До двухъ часовъ ушра, продолжали плышь съ большою предосторожношю, какъ вдругъ пушка съ *Пикты* подала радостный знакъ открышя. Скоро замѣшили землю весьма явственнo, на разстояніи около двухъ миль. Собрали шомчасъ паруса, корабли легли въ дрейфъ и всѣ съ неперпѣніемъ ждали восхожденія солнца.

Сколько различныхъ мыслей и чувствъ волновали душу Коломба въ продолженіе сего крашкого времени! Наконецъ, послѣ столькихъ препятствій и опасностей, совершились его замыслы; онъ разгадалъ великую шайну Океана; теперь наступило шоржество для его шеоріи, бывшей предметомъ посмѣянія шоль многихъ ученыхъ; онъ завоевалъ славу, которая должна была исчезнуть развѣ съ міромъ. . . . Сія земля, которую онъ видѣлъ передъ собою, еще покрытую ночными шѣнями, сія земля, безъ сомнѣнія, была плодородна; растенія, оторванныя отъ береговъ, очевидно сіе подтверждали; казалось, онъ уже вдыхалъ благовоніе кустарниковъ и травъ душистыхъ. Подвижной свѣшь, ему блеснувшій, доказывалъ, чшо на сей землѣ обитали люди. Но какіежъ по люди? подобны ль они живущимъ въ дру-

гихъ странахъ міра? или тамъ обитало племя другаго рода, племя людей чудовищныхъ, кошорыми воображеніе любило въ прежнія времена населять всѣ отдаленныя или неизвѣстныя страны? Куда прибылъ Колумбъ: въ одинъли изъ дикихъ острововъ Индѣйскаго моря, или въ знаменитую *Ципанго* (*), предметъ его пламенныхъ желаній и сновъ плѣнительныхъ? Чшо озаряетъ предъ нимъ лучи восходящаго солнца: пущыни ли дикія, или высокія башни, великолѣпные города, украшенные всѣмъ блескомъ просвѣщенія восточнаго?

„Въ пятницу же, 12 го Октября 1492 года, Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ. Свѣжій, зеленѣющій островъ, пространствомъ на нѣсколько миль, покрытый прекрасными деревьями, на подобіе обширнаго парка, вмѣстѣ съ зарею открылся его восхищеннымъ взорамъ. Хотя вездѣ природа являлась въ своей грубой роскоши, но островъ по видимому былъ обитаемъ; жители толпами выходили изъ лѣсовъ и прибѣгали къ берегу, чтобы вблизи разсмотрѣть корабли. Они всѣ были нагіе; ихъ движенія означали вмѣстѣ и страхъ и изумленіе. Колумбъ подавъ знакъ бросить якорь, выставивъ шлюпки на море и посадивъ въ нихъ людей вооруженныхъ. Самъ онъ сѣлъ на свою, въ богатой бархатной одеждѣ краснаго цвѣта, съ

(*) Еще древніе путешественники говорили о существованіи баснословной *Ципанги*.

Королевскимъ флагомъ въ рукѣ. Маршинъ Пинзонъ и Винкеншій Янезь, братья его, послѣдовали за нимъ, каждый въ своей лодкѣ, съ знаменами похода, на коихъ были нашишы зелешые кресты, окруженные буквами F. и J. (начальными именъ Фердинанда и Изабеллы, Государей Испаніи) и увѣнчанные коронами. По мѣрѣ приближенія ихъ къ берегамъ острова, они болѣе и болѣе наслаждались видомъ пространныхъ и колоссальныхъ лѣсовъ его; они дивились разноцвѣтнымъ, привлекательнымъ плодамъ неизвѣснаго рода, украшавшимъ вѣтви многихъ деревъ, нависшихъ надъ берегами. Тишина и чистота воздуха, прозрачность кристалльныхъ водъ, омывающихъ берега, придавали острову очарованіе невыразимое; сильное ощущеніе овладѣло чувствительною душою Коломба. Едва вышелъ онъ изъ лодки, какъ бросился на колѣни, облобызавъ землю и въ попокахъ радостныхъ слезъ принесъ благодареніе Богу. Его примѣру послѣдовали всѣ его спутники; въ эту минуту чувства всѣхъ слились во едино, всѣ сердца были исполнены веселія и признательности. Коломбъ вспавъ, извелъ свою шпагу, раскинулъ знамя Королевское и окруженный двумя другими Капитанами, также Родригомъ Эскобидо, секретаремъ эскадры, Родригомъ Санхезомъ и всеми вышедшими на берегъ, торжественно овладѣлъ островомъ во имя Государей Испаніи и наименовалъ его *Санъ-Салвадоромъ* (островомъ Св.

Спасителя). Совершивъ сей обрядъ , онъ просилъ всѣхъ присушествовавшихъ дать присягу въ подданствѣ ему , въ санѣ Адмирала и Вице-короля предсавлявшему лице Монарховъ . Моряки всѣхъ шрехъ кораблей предались воспоргамъ живѣйшей радости : сіи люди , которые прежде видѣли въ себѣ жершвы , обреченныя на вѣрную смерть , теперь спали щеславиться благосклонностью счастья . Всѣ тѣснились вокругъ Адмирала ; всякой наперерывъ старался обнять его или поцѣловашъ у него руку . Тѣ , которые во время пушешествія казались болѣе всѣхъ шропшвы и мяшжны , теперь болѣе всѣхъ хотѣли показашъ свое рвеніе и воспоргъ свой ; многіе уже приступали съ просьбами къ предводителю , какъ человѣку , въ рукахъ котораго сокровища , мѣста и чины ; а между тѣмъ люди низкіе душою , прежде споль часто его оскорблявшіе , пресмыкались у ногъ его , прося прощениа въ своихъ просшупкахъ и обѣщаясь слѣпо повиновашься его приказаніямъ .

„Уроженцы острова , которые еще на разсвѣтѣ дня примѣтили корабли и попомъ видѣли ихъ свободное управление и величешвенное колебаніе на волнахъ , думали , что видяшъ передъ собою чудовища , ночью изшедшія изъ безднъ морскихъ ; толпа тѣснилась на берегъ и съ безпокойшвомъ ловила всѣ движенія сихъ новыхъ существъ . Канашы и снасти , распусканіе и опу-

сканіе парусовъ, подобныхъ огромнымъ крыльямъ, всѣ корабельныя рабошы, производимыя безъ всякихъ видимыхъ усилій, поразили зритель удивленіемъ. Когдажъ увидѣли они, что корабли приближаются къ берегу, и вскорѣ странныя лица, покрывшя блестящими доспѣхами или одеждами всякихъ цвѣшовъ, вышли на землю, — тогда ужась одолѣвъ ихъ и всѣ они разбѣжались въ лѣса. Не замѣпивъ однако за собой погони, ни малѣйшаго покушенія вредить имъ, они мало по малу успокоились отъ тревоги, и съ благоговѣніемъ приближились къ Испанцамъ, неоднократно повергаясь на землю предъ ними, какъ предъ существами, достойными обожанія. Во все время обряда, совершеннаго Колумбомъ въ знакъ овладѣнія землею, оспровишяне пребывали въ семъ безмолвномъ поклоненіи; пошомъ они спали смѣле, и съ величайшимъ удивленіемъ начали разглядывать ближе цвѣшь кожи, густыя бороды, блестящіе доспѣхи и богатыя одежды Испанцевъ. Адмиралъ въ особенности привлекалъ ихъ вниманіе; его багряная одежда, возвышенный спанъ, величественная осанка, уваженіе ему какъ начальнику оказываемое спутниками, — все это еще болѣе увеличивало удивленіе оспровишянъ. Они выпросили позволеніе коснуться его рукъ и лица, бѣлизна коихъ была для нихъ изумительна. Колумбъ, съ радушіемъ видѣвшій крошость, простоту и въ особенности довѣріе сихъ дикихъ къ людямъ,

шоль необыкновеннымъ и могучимъ по ихъ мнѣнію, весьма благосклонно согласился на ихъ желаніе и плѣнилъ ихъ своею милоспью. Они сжали догадываться между собою, что корабли, вѣрояшно, вышли изъ той кристальной шверди, кошорая служишь предѣломъ небосклону ихъ острова, что они полешѣли ошполѣ на своихъ необьяшныхъ крыльяхъ, и что сіи чудныя существа, предшавшія имъ въ первый разъ, безъ сомнѣнія были обитателями облаковъ или неба.

„Уроженцы острова шакже съ своей стороны возбудили живое любопытство Испанцевъ: сіи дикіе не походили ни на одно племя людей, дошолѣ извѣстныхъ. Ихъ наружность не предвѣщала въ нихъ ни богатства, ни образованія; они были совершенно обнажены; шѣло ихъ расписано было разными цвѣтами: у иныхъ узоры сіи находились шолько на нѣкоторыхъ частяхъ шѣла, или на носу, или около глазъ; у другихъ все шѣло было покрыто ими; но всѣ они имѣли видъ дикій и походили болѣе на привидѣнія, нежели на людей. Цвѣшь ихъ былъ шемно-мѣдный, бороды вовсе не было. Волосы у нихъ не были курчавы, какъ у новооткрытыхъ племенъ, живущихъ подъ той же широкою на берегу Африки; напрошивъ, они были прямы и жестки, частію обрѣзаны поверхъ ушей, и длинными клоками спущены на плечи. Чершы ихъ, хотя обезображенныя пестрою узоромъ, казались же непріятны. Чело ихъ было

высоко, глаза красоты замѣчательной, ростъ средній и стройный; многіе изъ предстоящихъ по виду имѣли до тридцати лѣтъ. Одна только женщина была между ими, молодая, стройная и вся нагая какъ и мужчины.

(*Продолженіе впрѣдъ*).

Histoire de l'homme au Masque de Fer, accompagnée des pièces authentiques et de Fac simile, par J. Delort. Paris, 1825.

Плѣнникъ съ желѣзною маскою въ прошедшемъ столѣтїи долго занималъ Европу, какъ по варварству Лудвига XIV, кошорой близъ двадцати пяти лѣтъ содержалъ въ шемницѣ челоуѣка, какъ полагали, невиннаго, — шакъ и по шайнѣ, кошорую шоль строго наблюдали о его имени.

Волшеръ (siècle de Louis XIV, et Dictionn. philosoph. art. Ана) первой говорилъ объ немъ, и думалъ что проникъ шайну, однакожь не объявилъ и вѣроятно самъ не зналъ ее.

Разныя были догадки на счетъ плѣннаго съ желѣзною маскою: это былъ шо Fouquet, пришедшїй въ немилость Министръ Финансовъ, шо Армянской Папріархъ, шо Графъ Vermandois, сынъ Лудвига XIV и Г-жи Lavallière, шо Адмиралъ Duc de Beaufort, прозванной le Roi des Halles; напоследокъ Англїйской Duke of Monmouth.

Но самое принятое мнѣніе было то, что онъ сынъ Анны, мащери Лудвига XIV, отъ Дюка Букингама или отъ Мазарона. На оное намѣкнулъ Волперъ; Гиббонъ старался доказывать, и въ новѣйшія времена рѣдко кто сомнѣвался, что человекъ съ железной маскою былъ брашь Лудвига XIV.

Между сими различными догадками появилась еще одна, что предметъ сполько строгостей и сполько любопытства былъ не важной повѣренной Герцога Маншуаскаго, которой пѣлъ, что мѣшалъ Лудвигу въ политической интригѣ, навлекъ на себя сіе долгое и странное започеніе. Такое скромное рѣшеніе споль важной, какъ казалось, тайны тотчасъ было опровержено и вѣроятно никогда бы не было принято, еслибъ Г. Делоръ не доказалъ истинну докуменстами изъ Французскихъ Архивовъ, наипаче Департаментша Иностранныхъ дѣлъ.

Вотъ вкратцѣ сіе происшествіе. 1677 г., когда Лудвигъ XIV былъ на высочайшей степенн славы и величія, посланникъ его въ Венеціи, Abbé d'Estrade, хотѣлъ приобрѣсть своему Монарху Касаль, важную крѣпость, состоявшую во владѣнн Фердинанда Карла, Герцога Маншуи, молодого развращающаго человекъ. D'Estrade для переговоровъ съ Герцогомъ избралъ Ercolo Antonio Matthioli, уроженца изъ Болонни, Баккалавра Юриспруденціи и Сенатора въ Маншу; онъ у прежняго

Герцога былъ Шатсъ - Секретаремъ и отъ него получилъ шишуль Графской; а теперь для приобрѣшенія вновь вліянія, охотно принявъ предложеніе Деспрада, уговорилъ Герцога вступитъ въ переговоры съ Франціею, и осенью 1678 былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ онъ написалъ условія и былъ отпущенъ съ подарками. Catinat; Французской Генераль, получилъ повелѣніе готовиться къ занятію крѣпости Касаль, для чего онъ пріѣхалъ къ Италіанской границѣ. Герцогъ Фердинандъ все казался готовымъ къ заключенію шракшаха, и Французской посланникъ неперѣливо ожидалъ Машіюли. Но Январь прошелъ, и Машіюли не пріѣхалъ. Между тѣмъ движенія Французскихъ войскъ возбудили подозрѣніе Австріи и Испаніи. Фердинандъ все продолжалъ обѣщать и напоследокъ шракшахъ долженъ былъ бытъ подписанъ 8 го Марша въ деревнѣ Инкреа близъ Касалья. Французской полномочный d'Asfeld отправился изъ Венеціи, но былъ арестованъ въ Миленской области; и Машіюли, кошорой выѣхалъ изъ Моншере нѣсколько дней позже, воротился скоро назадъ и объявилъ тамошнему французскому повѣренному въ дѣлахъ, что Герцогъ не можеть исполнить своего обѣщанія. На сіе D'Estrade изъ Турина писалъ къ Машіюли, но было уже поздно: обманъ ежедневно болѣе обнаруживался, и письмо вдовствующей Герцогини Савойской, матери Фердинанда, наконецъ удостовѣрило, что великой Лудвигъ XIV

былъ обманушь неважнымъ агеншомъ мѣлкаго Ишпанскаго Князя.

Таковая дерзость должна была бышь наказана раскаяніемъ обидчика. Машшіоли, будучи еще разъ въ Туринѣ, нагло пребоваль у д'Еспрада возвраша издержекъ въ послѣднихъ переговорахъ. Эшошь хипро отвѣчалъ, что у Сатинагъ близъ Пинвероля во Франціи ешь деньги на сей предметъ, и уговориль его вмѣстѣ съ нимъ шуда ѣхашь. 2 го Маія они поѣхали, на границѣ оставили свои экипажи и людей, и пѣшкомъ пошли въ мѣстечко во Французской границѣ, гдѣ Сатинагъ ихъ ожидалъ съ небольшою часнію гарнизона изъ Пинвероля. Сначала они были ласково приняты, но d'Estrade шомчасъ удалился, и Кашина аррестоваль Машшіоли. Его принудили, угрожая пышкою, признашься, что онъ въ Туринѣ получилъ 2000 ливровъ и что онъ сообщалъ дѣло Испанскому Губернатору въ Миланѣ и Австрійскимъ чиновникамъ. — Машшіоли оснался плѣннымъ у St. Mars, Комменданта въ Пинвероля; скоро и его слугу поймали и ямаъ же заперли.

Лудвигъ XIV пошомъ возобновиль переговоры, и Фердинандъ, кошорый былъ радъ продашь всю свою землю для своихъ пошѣхъ, уступиль въ 1681 Касаль. При началѣ наслѣдшвенной войны, 1701, онъ даже въ Маншуу впустилъ французской гарнизонъ, но всѣ его земли скоро дошались въ руки Императору.

Машшіоли, подь именемъ l'Estang, былъ строго содержанъ. 1681, когда St. Mars былъ переведень Ко-

менданомъ въ Эксиль, и его шуда отвезли, пошожь
опяшь съ St. Mars на островъ Св. Маргериты, гдѣ
онъ оспался 11 лѣтъ. 1698 St. Mars былъ опредѣ-
ленъ Комендантомъ въ Басшилю и съ собою по-
везъ Mattioli; здѣсь онъ померъ въ Ноябрь 1703,
62 лѣтъ ошъ роду, и похороненъ подь именемъ
Mazchiali, около 45 лѣтъ, шакъ какъ часто при по-
добныхъ случаяхъ давали фальшивыя имена. (*)—
Маска, кошорую онъ принужденъ былъ носить,
была изъ чернаго бархата, приклѣпленная крѣпкою
фижжою (или киповымъ усомъ), съ замкомъ и
съ печашью; но чшобъ она была желѣзная, эшо
пустая сказка.

Долго почиталась шайна о желѣзной маскѣ за
вѣчно похороненную. Не прежде пшидесяши лѣтъ
послѣ смерти его спали объ немъ писашь. Вол-
шеръ со всею проницашельностію не могъ ее ош-
гадать. — Но шакъ слабы челошечскія предо-
шсорожности, что сія шайна, шоль шщашельно
скрышая и шоль вѣрно сохраненная, уже до Г.
Delort была нѣсколькo разъ обнаружена шѣми, коимъ
ее довѣрили, и проникнуша другими. Еще въ зам-
кѣ Св. Маргериты узнали про нее, и Мадамъ Пом-
падуръ ошъ Лудвига XV изшоргнула признаніе, что

(*) Не токмо шотчасъ по смерти его вновь бѣлили
комнашы, гдѣ онъ жилъ, но сожгли всѣ его вещи и
даже двери и окна, а посуду мѣдную, оловянную и
серебряную спощили, дабы нигдѣ не оспалось запис-
кѣ или знака.

маска былъ Министръ Италіанскаго Князя. Въ лѣтописяхъ Мурашорія и въ книгѣ, изданной въ Туринѣ около 1803, уже содержашся важнѣйшія произшествія его жизни.

Кажется удивительно, что для этой неважной особы приняли такія мѣры оспорожности. Но Лудвигъ былъ жестоко оскорбленъ; онъ не хотѣлъ мараши свои руки кровію, а также опасался освободить челоуѣка, кошорой могъ бы разсказать о низкомъ ошмщеніи за обиду; приказано было навсегда започить несчастнаго, а подчиненные вѣрно придумали предоспорожности, подобныя каковымъ въ Баспилиі были не рѣдки.

Такая повѣсть о Меркіали съ желѣзной маскою уже не романическая или шайная, но всегда достойная памяти Исторіи. Герой оной сошелъ съ достоинства Князя, Пашріарха и полководца до простаго Италіанскаго Aventureier.

(Изъ Англ. Журн.)

С М Ъ С Ъ.

Письмо къ издателю М. Вѣстника.

Съ особеннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ письмо ко мнѣ отъ знаменитаго Гёте, которое я имѣлъ честь получить чрезъ Г. Трейпера, по случаю прибытія въ Пешербургъ Ея Свѣшлости Наездной Принцессы Саксенъ-Веймарской.

Великій Поэтъ написалъ сіе письмо въ отвѣтъ на мой отрывокъ *Goethes Würdigung in Russland zur Würdigung von Russland*, и разборъ Елены, Г-на Шевырева, мною переведенный и также къ нему отправленный. Въ своемъ отрывкѣ вошь чѣмъ я сказалъ о семъ разборѣ:

„Одинъ изъ молодыхъ стихотворцевъ, Г. Шевыревъ, принимающій дѣятельное участіе при изданіи Московскаго Вѣстника, помѣстилъ въ 21 Но онаго на 1827 й годъ переводный отрывокъ изъ междудѣйствія къ Фаусту: Елена, и присовокупилъ разборъ сего послѣдняго, въ которомъ, показавъ содержаніе произведенія, развилъ и главную мысль онаго по своему мнѣнію. Здѣсь предлагается вѣрный переводъ его снашми. Бышь можешь, образъ мыслей молодого стихотворца имѣешь недоспашни; но не менѣе того такая оцѣнка Гёте показывается, что въ юныхъ сынахъ Россіи зараждается благородное стремленіе къ высокому и духовному. Знакъ благопріятный! Нравственныя силы Россія да уравниются ея могуществомъ шѣлесному.

Конечно мысли и чувства, выражаемые молодым стихотворцем не соотвѣствуютъ гению Творца Елены, но онѣ представляютъ пріятное свидѣтельство того, какъ умѣютъ цѣнить великаго Гете на языкѣ, кошорымъ говорятъ ошъ Балтійскихъ береговъ до Камчатки и на кошоромъ съ благовѣніемъ произносятъ его имя. На семь-шо языкѣ недавно одинъ изъ первыхъ Поэшовъ нашихъ, одаренный глубокимъ чувствомъ, Жуковский, какъ бы ошъ имени Россіи такъ выразилъ свою мысль о томъ же Гете подъ его изображеніемъ:

„Свободу смѣлую пріять себѣ въ законъ,
Великой мыслию надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ,
И ничему не покорился.“

Въ письмѣ есть много лестнаго вообще для Музы Россійскихъ, много поучительнаго, — и я надѣюсь, что помѣщеніемъ его вы доставите большое удовольствіе всѣмъ ревнишелямъ опечественнаго просвѣщенія и проч. *Н. Борхардъ.*

Съ величайшимъ удовольствіемъ исполняемъ желаніе Гна Борхарда. *М. П.*

Письмо отъ Гете къ Г. Борхарду.

Die Gelegenheit welche sich mir darbietet ein Blatt nach Peterssburg zu bringen, damit es von da bequemer und gewisser zu Ihnen gelange, darf ich nicht versäumen und ich ergreife sie um zu versichern daß

Имѣя вѣрный и удобный случай отправить письмо въ Петербургъ, я пользуюсь имъ, чтобы увѣрить васъ въ особенномъ удовольвіи, кошорое доставила мнѣ ваша посылка,

Ihre glücklich angekommene Sendung mir zu ganz besonderm Vergnügen gereicht.

Wenn man viele Lebensjahre dazu angewendet hat sich selbst auszubilden und die Spuren der Vorschritte seiner eigenen Denkweise in Schriften zu erhalten, damit auch der Nachkommende aufmerksam werde auf das was ihm allenfalls bevorstehen, was ihn fördern und hindern könnte, und man erfährt sodann in hohen Jahren daß ein erst fern scheinender Zweck erreicht, ein kühner Wunsch erfüllt sey, so kann dieß nicht anders als die angenehmste Empfindung erregen.

Ich bin in meinen Arbeiten nicht leicht didactisch geworden: eine poetische Darstellung der Zustände, theils wirklicher, theils ideeller, schien mir immer das Vortheilhafteste, damit ein sinniger Leser sich in den Bildern bespiegeln und die mannigfaltigsten Resultate bey wachsender Erfahrung selbst herausfinden möge.

счастлииво сюда прибывшая.

Когда мы многие годы жизни употребимъ на образование самихъ себя, стараясь сохранить въ швореніяхъ слѣды успѣховъ нашего мышленія съпѣмъ, чтобы и попомокъ нашъ могъ видѣть: что ему предстоить въ жизни, что полезно, и что препяшшвіе: — и когда, уже въ преклонныхъ лѣсахъ, мы узнаемъ, что наша цѣль, прежде казавшаяся далѣкою, досшигнуша; что смѣлое желаніе исполнилось: то какое сладкое чувствованіе мы тогда испытываемъ.

Я не легко сдѣлался дидактическимъ въ моихъ сочиненіяхъ: мнѣ всегда казалось выгоднѣйшимъ поэтическое предсшавленіе предметовъ, частію дѣйствительныхъ, частію идеальныхъ, дабы мыслящему читателю можно было смѣрѣться въ образы, и самому, при возрастающей опытности, извлекать изъ нихъ разнообразнѣйшіе результаты.

Wenn wir Westländer nun schon auf mehr als eine Weise, namentlich auch durch Herrn Bowring, mit den Vorzügen Ihrer Dichter bekannt geworden und wir daher, so wie aus andern edeln Symptomen auf eine hohe ästhetische Kultur in ihrem ausgedehnten Sprachkreise zu schließen hatten, so war es mir doch gewissermaßen unerwartet in Bezug auf mich, jene so zarten als tiefen Gefühle in dem entfernten Osten aufblühen zu sehen, wie sie kaum holder und anmuthiger in den, seit Jahrhunderten sich ausbildenden westlichen Ländern zu finden seyn dürften.

Das Problem, oder vielmehr der Knäuel von Problemen wie meine Helena sie vorlegt, so entschieden einsichtig, als herzlichfromm gelbst zu wissen, mußte mich in Bewunderung setzen, ob ich gleich schon zu erfahren gewohnt bin, daß die Steigerungen der letzten Zeit nicht nach dem

Хотя мы, западные, многими посредствами, а особенно через Г-на Бауринга, уже знакомы съ достоинствами вашихъ стихошворцевъ; хотя, судя по нимъ и по многимъ другимъ благороднымъ признакамъ, можемъ предполагать высокое эстетическое образование въ обширной области вашего языка: но, несмотря на то, для меня все еще было неожиданнымъ встрѣпшишь въ отношеніи ко мнѣ, на отдаленномъ Востоку, чувства стольже нѣжныя, сколько глубока, коихъ милѣе и привлекательнѣе врядъ ли мы можемъ найши на нашемъ Западѣ, уже многія стольшія идущемъ къ образованію.

Разрѣшеніе проблемы или, точнѣе сказать, узла проблемъ предложенныхъ въ моей Еленѣ, разрѣшеніе стольже удовлетворительное, проницательное, сколько простосердечное, — не могло не удивить меня, хотя я и привыкъ уже испытывать, что не

Maas der früheren berechnet werden können. Wie denn ein höchst erquickliches Verhältniß zu Herrn Schulowsky mir von der zar- testen Empfänglichkeit und rein wirksamsten Theilnahme schon die Ueberzeugung gab,

In dem Falle wie Sie sind, mein Wertheater, hat man alle Ursache Ihnen Glück zu wünschen daß Sie auf die Bildung einer großen Nation einen so schönen und ruhigen Einfluß ausüben. Halten Sie fest wie bisher im gemessenen Schritte dasjenige zu überliefern was zunächst den Ihrigen heilsam ist. Das Auge stets nach dem Monarchen und seinen weisen wohlwollenden Absichten gerichtet, fördern Sie an Ihrer Stelle das Vorliegende. — Was dem Redlichen möglich ist, ist auch nützlich; was von dem Einfachen verstanden

льзя по прошедшему времени судить о бы- стротѣ успѣховъ новѣйшаго. Уже мои усла- дишельныя отношенія къ Жуковскому были мнѣ до- казательствомъ нѣжнѣй- шаго сочувствія и чи- стаго, дѣяшельнѣйшаго соучастія,

Положеніе, въ кото- ромъ вы (*) находитесь, заславляешь меня па- желать вамъ счастья въ шомъ прекрасномъ и спокойномъ вліяніи, ко- торое вы имѣете на великой народъ. Продолжайте съ шою же посты- пенностью, какъ прежде передавать своимъ со- отечественникамъ шо, что имѣете для нихъ пользу ближайшую. Имѣя всегда въ виду Монарха и его мудрыя, благодѣ- тельныя намѣренія, вы, на вашемъ мѣстѣ, исполняйте вамъ пред- стоящее. Что честному возможно, шо и полез-

(*) Гѣте не могъ знать моихъ отношеній, и по- тому я не принимаю всѣхъ этихъ словъ на мой счетъ. Но онъ самъ мнѣ вручилъ право, какъ чина- тели увидать ниже, дать особенный смыслъ всему сказанному имъ вообще, и я, съ его позволенія, вѣ- мяю себя въ честь отнести все сіе къ Русскимъ Императорамъ, оставляя себя одно счастье бѣшь посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Н. Борхардъ.

wird, ist auch fruchtbar. Möge Ihnen immer Ihr eigenes Herz zugleich mit Ihren Oberrn ermunternden Beyfall geben.

Die Betrachtungen die ich hier niederzuschreiben veranlaßt bin sind so weit und umfangreich wie das Reich in dessen Mittelpunkt Sie sich befinden. Schon hat sich die alte Kaiserstadt, die wir uns noch vor Kurzem in Trümmern dachten, aus der Asche unbegreiflich wieder hervorgehoben, und da Sie an so merkwürdigem Welt-puncte, zu bedeutendster Epoche, verbunden mit würdigen Freunden, Theil zu nehmen berufen sind, so setzen sie Ihren Studien keine Gränzen, um desto sicherer dahin zurückzukehren, wo eine edle, reine einfache Wirkung Noth thut, damit manches Hinderniß beseitigt und viel Gutes gefördert werde.

Hier muß ich endigen, denn fast will es scheinen als ob meine Betrachtun-

gen; was простыми по-нято, шо принесешъ плоды. Да будешъ вамъ всегда возбудишельною наградою одобреніе нашего сердца вмѣстѣ съ одобреніемъ вашихъ начальниковъ.

Размышленія, къ ко-рымъ я привеленъ те-перь, стольже обшир-ны и не объашны, какъ шо Государство, въ срет-допоміи коего вы находите-сь. Уже древняя шот-лица, кошорую мы еще не задолго почипали въ развалинахъ, снова, не-поняшно, возникла изъ пепла, и вы, вмѣстѣ съ достойными друзьями вашими, бывъ призваны раздѣлять участь столь важной шочки вселен-ной, въ значительнѣй-шую эпоху, не славяще границъ вашему учению, чшобы вѣрнѣе достиг-нуть шуда, гдѣ чис-тая, просшая, бла-городная дѣяшельность необходима для уничто-женія многихъ препят-ствій, для совершенія многого добра.

Здѣсь долженъ я окон-чить; ибо мои размыш-ленія, кажется, начи-

gen alle Gehalt. verloren indem sie sich von dem Besondern entfernen; doch darf ich mir vorstellen daß Sie in Ihrer Lage, demjenigen was ich im Allgemeinen ausspreche einen eigenen Sinn zu ertheilen wissen.

Grüßen Sie Ihre werthen Freunde, fahren Sie fortruhig dahin zu wirken, daß der Mensch mit sich selbst bekannt werde, seinen eignen Werth und Würde fühlen, aber zugleich auch die Stellung erkennen lerne, die ihm gegen die Welt überhaupt, besonders aber in seinem bestimmten Kreis gegeben ist.

Mögen Sie mir in einiger Zeit wieder von Sich und Ihrem Gelingen zu- trauliche Nachricht ertheilen, so wird es mir Freude machen und eine Anregung wieder von mir hören zu lassen würde mir jederzeit erwünscht seyn.

Einen alten theuren Freund Herrn Geh: Rath von Loder, grüßen Sie gelegentlich zum allerschönsten und einen ehemaligen Wand- nachbar, Herrn Treuter,

наюшь уже шеряшь свою цѣну, удаляясь ошь шо- го, чшо служило къ нимъ поводомъ; но я надѣюсь, что вы въ ва- шемъ положеніи будеше умѣшь: дашь особенный смыслъ всему сказанно- му мною вообще.

Мой поклонъ вашимъ друзьямъ; продолжайте спокойно знакомить че- ловѣка съ самимъ собою, да почувствуешь онь свою цѣну и достоин- ство и да научишься у- знавашь шо мѣсто, ко- шорое ему назначено въ ошношеніи къ цѣлому міру и въ особенностяхи внутри его опредѣлен- наго круга.

Если вы опяшь ког- да нибудь пришлеше мнѣ искреннюю вѣсть о себѣ и вашихъ успѣ- хахъ, — эшо мнѣ до- ставитъ большое удо- вольствіе, и во всякое время мнѣ будеше при- яшно имѣть поводъ го- ворить съ вами.

Прошу васъ при слу- чаѣ сказать усердный поклонъ моему старин- ному любезнѣйшему дру- гу, Тайному Совѣтнику Лодеру, и напомнить обо

Primararzt am Kaiserl:
Findelhaus erneuern Sie
geneigt mein Andenken.

Dreu theilnehmend

J. W. Goethe.

Weimar d. 1 May 1828.

мнѣ прежнему моему со-
сѣду, Г. Трейтеру, Глав-
вному Доктору при Им-
перашорскомъ Воспита-
тельномъ домѣ.

Искреннее участіе въ
вась принимающій,
И. В. Гёте.

Веймаръ. 1-го Маія, 1828.

*Нѣкто объ игрѣ Гна Щепкина по поводу замѣтаній
Сѣвер. Пчелы.*

Въ 64мъ и 65мъ Но Сѣверной Пчелы напе-
чашаны сужденія объ игрѣ Г. Щепкина въ Эзопа
и Чванствѣ Транжирина. Любовь къ истинѣ за-
сваляетъ насъ сказать, что онѣ совершенно не-
справедливы: или пристрастіе къ Гг. Актерамъ,
занимающимъ эши роли въ Петербургѣ, или не-
вѣдѣніе Театрального искусства внушили сочи-
нителямъ такіе приговоры. Онѣ говорятъ, что Г.
Щепкинъ не удовлетворилъ ожиданію публики; что
главное достоинство роли Эзопа состоятъ въ
искусномъ чшеніи басень, чего онѣ не выпол-
нилъ, и что Г. Брянской въ этой роли лучше
Г. Щепкина; напрошивъ, послѣдній играетъ Эзопа
съ отличнымъ успѣхомъ и Сочинитель ошиба-
ется, почитая все достоинство игры этой
роли въ искусномъ чшеніи басень. 1) Чшеніе на
шеатрѣ нестерпимо, а надобно говорить, раз-
сказывать басни, и Щепкинъ исполняетъ это
прекрасно. 2) Надобно дать характеръ Эзопу,

и въ эпомъ-шо Щепкинъ берегъ рѣшительное преимущество предъ Г. Брянскимъ. Мы искренно уважаемъ эшаго почтеннаго и преползнаго Аршища; но всегда скажемъ, что у него характеръ Эзопа холоденъ, безцвѣтенъ, тогда какъ у Щепкина онъ выраженъ мастерски. Любовь къ свободѣ, любовь къ добродѣтели и человѣчеству, вырывающіяся въ немногихъ словахъ и прямо отъ сердца у раба - Саширика, выражающія Щепкинымъ превосходно. Какою душевною теплотою согрѣваешь онъ весь характеръ Эзопа! Приговоръ самой пѣсѣ также несправедливъ (ее называютъ дурною и говорятъ даже, что въ ней нѣтъ разговора). Не защищая инприги эшаго Водевиля, можно ли не ошдаться справедливости ошдѣлкѣ характеровъ, и еще болѣе искусству разговора? — Последнее составляешь главное достоинство пьесы, и въ эпомъ отношеніи она заслуживаешь особенное вниманіе. Сужденія объ игрѣ Г. Щепкина въ Транжиринѣ еще страннѣе. Въ 65 мѣ Но Сѣверной Пчелы напечатано: *„Артистъ сей (Щепкинъ) былъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ. Мы въ немъ видѣли не помѣшавшагося на знати Транжирина, который дхратится отъ глупости, самъ того не понимая, но геловѣка дѣлающаго глупости съ умысломъ, по расгету. Жесты, движенія, мимика Г. Щепкина, были не Транжиринскія; у насъ въ ей роли неподражаемъ Г. Бобровъ.“* Даже смѣшно защищать игру Г. Щепкина въ эшой роль;

онъ играетъ ее предпочтительно предъ другими, съ такимъ совершенствомъ, выше котораго ничего и придумать нельзя. Предпочитать Г. Боброва Г. Щепкину въ Транжиринѣ — значить, съ позволенія доложить, вовсе не знать театральнаго искусства. Г. Бобровъ Архистъ хорошій, почтенный, и нѣкоторыя роли игрывалъ прекрасно, но безъ сравненія съ Г. Щепкинмъ. Ему могъ быть нѣсколько соперникомъ въ этой роли покойный старикъ, Рыкаловъ, это правда; но и шопъ въ цѣломъ характерѣ гораздо былъ ниже его. Въ доказательство нашего мнѣнія на счетъ малаго познанія театральнаго искусства Сочинителя сшашей, въ Сѣверной Пчелѣ напечатанныхъ, довольно прилести собственныя слова его, что Г. Щепкинъ долженъ играть благородныхъ ошцевъ, и что это его настоящія роли.

Кспати поговорить теперь съ сердечнымъ сокрушеніемъ о шомъ, какъ равнодушень у насъ такъ называемый лучшій кругъ публики къ ошечественному театру, какъ рѣдко въ немъ бывающъ, а пошому и мало знающъ. Напримѣръ талантъ и искусство Г. Щепкина, не смотря на славу, кшорую онъ пользуется, совсѣмъ не оцѣнены. Въ его игрѣ восхищающся чѣмъ? смѣшными мѣстами и сильнымъ огнемъ (иногда даже излишнимъ). Не смотря на то, что Щепкинъ шворецъ характеровъ въ своихъ роляхъ, что цѣльность ихъ всегда предпочитаетъ пущому блеску, и что когда онъ молчитъ, тогда-то съ бо-

льшимъ искусствомъ играешь свое лицо. Припоминаюшь себѣ, напримѣръ — Г. Колпакова, кошорый одно слово въ цѣлой пьесѣ говаривалъ смѣшнѣе Щепкина, и опредѣляюшь, что шакой-шо игралъ эту ролю лучше. Есть добрые люди, кошорые говорять, что Щепкинъ всѣ роли *на одинъ манеръ* играешь, и что ему стоишь только выучишь слова; а Щепкинъ изъ Транжирина переходить въ Данвиля (въ Урокѣ старикамъ). Не бышь смѣшнымъ въ этой роли — есть уже шоржество для Щепкина, а онъ въ ней благородень, исполнень чувствъ, и только одно закоснѣлое предубѣжденіе можешъ видѣшь его и не восхищашься (1). Щепкинъ — мученикъ каждой новой роли до шѣхъ цоръ, покуда шрудами, а иногда и ночами, безъ сна проведенными, не пошпигнешъ и не выразишь ея характера: разумѣешь, что мы говоримъ о роляхъ значительныхъ. Конечно Г. Щепкинъ вредишь современной славѣ своей, играя множество ролей (2); но искусство выигрываешь. Побѣжденіе шрудностей дѣло вели-

(1) Мы со временемъ скажемъ: какъ въ роль Данвиля Г. Щепкинъ достигаетъ общей цѣли вѣрно — въ чашности невѣрными путями; этому причиную его физическія средства.

(2) Г. Щепкинъ очень часто играетъ пустыя роли, кошорыя чѣмъ лучше сыграны, шо есть чѣмъ ближе къ истинѣ, тѣмъ менѣе замѣшны: онъ лично теряетъ для того, чтообъ цѣлая пьеса выигрывала. По настоящему ему должно бы играть раза 4. въ мѣсяць, а не три раза (а иногда и пять) въ недѣлю. Что часто видимъ, шо теряешь цѣну — шаковъ человекъ!

кое, оно облегчаетъ путь другимъ; но кто замѣчаешь это? . . . Прїѣзжай булеварный фарсеръ изъ Парижа — прощай Щепкинъ, бонъ-шонъ нашъ на него и не взглянешь. Хорошо, что нашъ арписшъ объ этомъ не заботишься, и что благородное спремленіе къ возможному совершенству никогда его не оставляетъ; но сколько дарованій и начинаній благонадежныхъ молодыхъ людей погибли единственно отъ того, что не были замѣчены и оплачены публикой; и такъ кто виновать, что шаланшы наши останавливаются обыкновенно на первыхъ ступеняхъ искусства?

Да не подумаешь почтенные читатели, что приспращіе водишь перомъ нашимъ: со временемъ они услышатъ, какую горькую правду спанемъ мы говоришь при разборѣ игры Г. Г. Щепкина, Мочалова и другихъ. Благонамѣренными замѣчаніями, хошя бы онѣ были строги, даже иногда не справедливы, ни кому оскорбляться не должно; шѣмъ менѣе людямъ съ испинными дарованіями. Мы можемъ ошибаться, но ни какія отношенія не будемъ управляшь нашими мнѣніями; мы можемъ ошибаться, но будемъ говоришь искренно, и насмѣшки, ничтожное оружіе, по большой части неправой спороны, нами никогда упошребляемы не будемъ.

Любители Русскаго Театра.

1828 го года. Іюня 7 дня.

Письмо къ Издателю Московскаго Вѣстника.

Надѣясь на ваше безпристрастіе, я прошу васъ помѣстить у себя два слова прошивъ разборъ *Антологіи* и *Вельскаго*, напечатанныхъ въ 10 № вашего Журнала.

Ожидать систематическаго собранія мѣлкихъ стихотвореній, изъ коихъ на каждомъ долженъ быть напечатанъ общій характеръ національной Русской Поэзіи — намъ еще очень долго: что найдете вы національнаго (*) и въ большихъ нашихъ сочиненіяхъ? Ипакъ покаместъ будемъ наслаждаться ихъ общими человѣческими красошами, и по аналогіи скажемъ спасибо и Издателю *Антологіи*, которой собралъ намъ разсыянные повсюду піески, не національныя, но острья, смѣшныя, пріяшныя, и доставилъ удовольствіе прочесть ихъ вмѣстѣ. — Онъ виновашъ только, и виновашъ очень много, за помѣщеніе многихъ посредственныхъ, въ чемъ Зоиль і и обвинилъ его по справедливости. Выспавленные имъ стихи:

„Изглядь сіи черты, блисшавшія *вотще!*

Разлучены сердца, которыя *еще*

Твоя кора соединяеть.“

(*) Не понимаемъ, откуда взялъ это Сочинитель письма? Рец. во первыхъ не говорилъ о національности, во вторыхъ не требовалъ выраженія общаго характера Русской Поэзіи въ нашихъ мѣлкихъ стихотвореніяхъ. Онъ проситъ Сочинителя письма прочесть его разборъ внимательнѣе, члюбы увѣрился въ этомъ.

Доставленные Г-мъ Сомовымъ, разумѣется несносны, но Эпишафію младенцу Князя Шаликова никакъ нельзя поставитъ рядомъ съ ними. — Наконецъ Зоиль 1, исчисляя имена Поэшовъ, украшающихъ Русскую Анпологию, не помѣспилъ именъ Князя Вяземскаго, Палличевскаго, Осполопова, Измайлова, Нахимова. (*) Еще должно бы упрекнущъ Г-на Яковлева въ шомъ, что его собраніе очень неполно. —

При разборѣ Вельскаго надобно было замѣтитъ, что въ Авшорѣ виденъ шаланшъ: онъ пишеть легко, иногда остро, пишеть — если не всегда забавно, то по крайней мѣрѣ всегда безъ шапьяжекъ, и имѣеть замашку особенную. Приговоръ ему слишкомъ строгъ. Хотя бы замѣтили новыя его рїемы: бѣденъ — молебень, сѣденекъ — денекъ, разговорахъ — порохъ, кормилецъ — крылецъ, умненько — шупенька, хозяйка — подавайка, чипашель кстапиль. — Г-да Рецензентш! будьте пошѣжнѣе, и спарайтесь больше искашь хорошаго, чѣмъ дурнаго.

Вашъ внимательный чипашель.

Іюня 2.

(*) Въ этомъ виноватъ не онъ, а переписчикъ, который послѣ словъ „между прекрасными бездѣлками Державина — Барашынскаго,“ пропустилъ цѣлую строку: „Князя Вяземскаго, Палличевскаго, и нѣкоторыхъ другихъ.“ М. П.

Отъ Издателя.

При Московскомъ Вѣспникѣ будущъ ошнынѣ издавашься Драммашическія прибавленія, — на кошорыя Г-да, подписавшіеся въ Москвѣ на М. В., получають билеты безъ особливой плашы. Къ иногороднымъ будущъ разсылашься сіи прибавленія вмѣстѣ съ книжками журнала. *М. П.*

Какой шо Журнальный муравей началъ помѣщать въ Телеграфѣ разныя замѣчанія изъ Журналовъ и на Журналы. Предпріятіе полезное. Чѣмъ внимательнѣе смотрѣшь будущъ за Журналами, тѣмъ меньше будешь въ нихъ ошибокъ, тѣмъ скорѣе онѣ будущъ исправляшься. Мы благодаримъ за вопросы, къ намъ обращенные, и жалѣемъ, что не можемъ на первый разъ воспользоуашься ими, пошому что спраничка М. В., до кошорой онѣ касающься, перепечашана еще на другой день по выходѣ въ свѣсъ 10-го нумера, и чашашелямъ сказано о причинѣ ошибокъ. Прибавимъ, что переводчикъ доставилъ намъ шо извѣстіе изъ *Journal des voyages. Mars. 1828.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. Москва, Іюня 9 го дня, 1828 года.

*Въ должности Предсѣдателя Цензоръ
Сергій Аксаковъ.*

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Шиллерова Валленштейнова лагеря ().*

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ВАХМИСТРЪ, ТРУБАЧЬ, ЕГЕРЯ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вамъ добраго здоровья, господа!

Не лзя-ль намъ дашь мѣсечка между вами?

ВАХМИСТРЪ.

Добро пожаловашь. — Съ гостями

Мы рады пирь дѣлать всегда.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вамъ здѣсь тепло, вошь намъ такъ было жушко!

Да, у врага попировашь не шушка.

ТРУБАЧЬ.

За по вы франшы, разодѣшы въ пухъ.

(*). См. Моск. Вѣст. N. 2.

В А Х М И С Т Р Ъ.

Одна бѣда: не добрый ходишь слухъ
 Про вашу милость, — и у Салы,
 И въ Мейсенѣ что-бъ говоришь?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Нахалы!

Все врутъ они; за ними врешь молва!
 Ужь шакъ ли ошь Кроашовъ имъ досталось?
 А намъ лишь только подбираешь ошталось.

Т Р У Б А Ч Ъ.

На ворошникъ-ашъ взглянь, вѣдь что за кружева
 У нихъ: не шоншелъ паушины?
 А шляпа-ша! а перья лебедины!
 А шаравары-ша, — ужъ любя съ два!
 Ну заглядѣнье, а не плашье.
 Вамъ молодцамъ знашь счастье на вѣку
 Написано, не шакъ какъ нашей братель.

В А Х М И С Т Р Ъ.

Вѣдь мы за шо Фридландскаго полку:
 Попробуй кто не сдѣлашь намъ решпекша!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

А мы-шо что? Мы развѣ сверхъ комплекша?
 Всѣ жалованы именемъ однимъ.

В А Х М И С Т Р Ъ.

И вы считаешесь въ числѣ всего народа.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

А вы ужь не другая ли порода?
 Вся разница въ однихъ кафшанахъ, — подь своимъ,
 Пожалуй, я съ головушкой упрятчусь.

ВАХМИСТРЪ.

Эхъ, господинъ мой Егеръ! — Не наплачусь
 Я глядя на шебя: ну чоршьли въ вашей жизни?
 Все съ мужиками вѣкъ свой кисни.
 Когдабъ видали вы свѣшлѣйшую персону
 И пообшерлись бы вкругъ насъ,
 То научились бы ухваткамъ, пону!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да вы что хвалишесь? И вамъ плоха далась
 Наука; развѣ кашлять да плевать
 У Герцога вы переймете разомъ. —
 Не трудно шо; паланъ же, сирѣчь разумъ,
 Гдѣ вамъ на вахш-парадѣ перенять?

ВТОВОЙ ЕГЕРЬ.

Кой чоршь! Кшо смѣешь насъ не знашь
 Залетную Фридландцову охошу?
 Мыль имячко его сраимъ? — Почѣшу
 Ужь намъ ли нѣтъ? Ахъ вы голубники, ахъ Голки!
 У друговъ ли, у недруговъ въ земляхъ,
 По рвамъ ли, по лѣсамъ, на нивахъ, на поляхъ,
 Вы рыщите удалые, что волки!
 Кшо нашего рожка не знаетъ? Запрубить,
 Нахлынемъ пошопомъ, грозой налешимъ;
 Чшо жадное пламя въ глухую полночь

Въ домъ заберешся, все рушишь и жжёшь :
 Такъ нашъ брашъ Егеръ хвашаетъ, берёшь
 Все что ни попалось, лишь было бы подъ мочъ !
 Ошь насъ не укрьшься, ошь насъ не удрашь,
 Къ чоршу порядокъ ! намъ бы побрашъ,
 Къ чоршу и жалосшь ! — попалась красошка ? —
 Тъмъ лучше, для война эшо находка.
 Да что и шолковашъ ! Скажу безъ хвасповства :
 Вестфалию, Байрейшъ, Фойхшландъ пройдише ;
 Гдѣ были мы, — вездѣ спросише :
 Тамъ знаюшь насъ, вамъ дастъ ошвѣшъ молва !
 И вѣки прошекушь, — все шѣжъ слова ;
 Все шоже скажущъ дѣши и внучаша,
 Каковъ нашъ Голкъ, мы каковы ребяша !

В а х м и с т р ь .

Нѣшь, въ эшомъ нѣшь пуши ! По швоему, содомъ
 Да шумъ формируешъ солдата ? — Нѣшу, брашъ ;
 Тушь нуженъ опышь, время, быспрый взглядъ,
 Ученье, умъ, искусство . .

П е р в ы й Е г е р ь .

Провались съ умомъ !

Безъ волюшки не сдѣлаешъ солдашомъ.
 Да что и говоришь мнѣ съ вашимъ брашомъ ?
 За шѣмъ ли въ школъ я покинулъ всѣ указки,
 Чтобъ слушашъ здѣсь фелдфебелевы сказки,
 Да видѣшь кашорги, галеры да коншоры
 Да чоршь знаешъ какіе вздоры ?
 Мнѣ въ полѣ — воля ! а меня въ чешыре спѣны.
 Не такъ по нашему ; мы любимъ перемѣны.

Чшо день, шо новое; намъ дорогъ свѣжій мигъ!
 Впередъ, назадъ глядѣшь — давно ужъ я опвыкъ.
 Мы съ шѣмъ ли Цесарю себя закабалили,
 Чшобъ шѣму забошь на шею намъ взвалил?
 Веди меня, куда угодно: въ пламя, въ воду,
 Хошь въ Рейнѣ искашь весною броду,
 Хошь навѣрняка шупъ шрешій сгинь,
 И слова не скажу — иду! — Пропаль? — Аминь.
 За шо ужъ какъ разлягусь на покой,
 Люблю бышь бариномъ, — меня не безпокой.

В А Х М И С Т Р Ъ.

Коль эшого вамъ надо, къ намъ спущайше,
 У насъ пируйше да поживайше.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Какъ вспомню я о набожномъ Гусшавѣ . . .
 Ужъ эшопъ Шведъ, прямой мучишель былъ:
 Изъ лагеря онъ церковь сотворилъ;
 Адъ — не жишье, ну мало бышь въ исправѣ, —
 Вскочилъ съ одра, ни свѣшь что ни заря,
 Молись и спашь не лягъ безъ псалмыря;
 Бывало насъ веселье разберешъ,
 А онъ съ коня какъ разъ намъ проповѣдь прочешъ.

В А Х М И С Т Р Ъ.

Да, наравнѣ онъ чшилъ и вѣру и ошвагу.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Красопочекъ и заводись не смѣй,
 А завелась, шакъ обвинчайся съ ней:
 Не въ мочь мнѣ было, даль я шагу!

В А Х М И С Т Р Ъ .

Они теперь другой порядокъ учредили.

ПЕРВЫЙ БУРЪ .

Тутъ мы къ Лигишамъ лыжи навострили ;
 Они тогда подъ Магдебургъ собирались :
 Вошь шущь иное дѣло ! — Мы напировались .
 Кто за вино , кто въ каршы , — всякъ свое .
 Ужь вдоволь мы себя повеселили ,
 Ахъ , шо-шо было райское жищье !
 Куда умно командовалъ нашъ Тилли :
 Съ самимъ собой вѣдь ужъ какой преспрогой ;
 Солдашу все сходило съ рукъ , — гулай
 По волѣ , лишь его казны не прогай ,
 А шо по немъ : живи да жищье давай .
 Такъ онъ говаривалъ , да счастье не везло !
 Съ проклятаго , со Лейпцигскаго дѣла ,
 Оно къ нему спиной глядѣло !
 Прошла лафа — и все вверхъ дномъ пошло !
 Пропала честьъ , — куда ты ни придешь ,
 Анъ приперцо вездѣ , мечемъ не опопрешь !
 Нарыскались , какъ бѣшены собаки
 Мы по свѣшу : я выбился изъ сидь ,
 Къ Саксонамъ разомъ укапиль ,
 Себѣ н'умѣ ; у нихъ зимуюшь раки .

В А Х М И С Т Р Ъ .

А ! разумѣю , знать тебя манила
 Богемская добыча ?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да не шушь-шо было!

Попались въ полымя, пошерли ляжки;
 Тушь воевали мы не какъ враги:
 Спой безъ просыпа на часахъ да сбереги
 Все Императорскіе замки;
 Все фруншы дѣлай каждому щенку;
 Война же не война, игрушка спала,
 И сердце къ дѣлу какъ-шо не лежало;
 Нѣшь воли ни рукавъ, ни шесаку,
 А шушь ли въ службѣ, коли чести мало?
 Ужь я да knobъ ошь ихъ домой ударалъ,
 Давнобъ забросалъ и шесака и ранецъ
 Да взялъ перо, когдабы вашъ Фридланецъ
 По улицамъ народъ не вербовалъ.

В А Х М И С Т Р Ъ.

А долго думаешь пробышь у насъ?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Покуда

Онъ будешь нашъ безсмѣнный командиръ,
 Самъ Богъ меня убей, коль убѣгу ошюда!
 Гдѣ лучшаго жишья солдашу? Здѣсь намъ пирь!
 Все по воинскому, по нашему успаву!
 Все на большую руку здѣсь, —
 Чшо воинъ одинъ, чшо лагерь весь!
 Чшо за душа во всѣхъ! — На славу,
 На смерть, въ огонь, впередъ,
 Последняго изъ насъ, чшо вихремъ, рвешь.
 Здѣсь сердцу солдаша ахши-горячо!
 Какъ нашъ командиръ надъ князьями царь,

Такъ мнѣ горожане всѣ по плечо.
 Не пожелъ у насъ, чѣмъ бывало вспаръ?
 Рука владыка, мечъ господинъ!
 Здѣсь только и знаешь просупокъ одинъ;
 Прошивъ приказу не сдѣлай ни азу!
 Ужь шо позволяющъ, чѣмъ сверхъ запрешу,
 А думай, какъ хочешь, не сприсяшь ошвѣшу.
 Лишь помни двѣ вещи разнаго соршу,
 Чшо арміи, намъ принадлежишь, чшо нѣшу, —
 Будь знамени вѣренъ, все прочее къ чоршу!

В а х м и с т р ь.

Ну вошь щеперь люблю, ай хваши Егеря!
 Ты говоришь, какъ вѣрный нашъ служивой.

П е р в ы й Е г е р ь.

Команду онъ ведешь не ошь царя,
 Не какъ приславникъ Цесаря спѣсивой.
 Онъ службу Цесарю и въ грошь не сщавишь;
 Какой барышь онъ Цесарю сулишь?
 Ужь не страну ли ошь враговъ избавишь?
 Да, дожидайся, — не шуда глядишь.
 Чшо замышляешь онъ съ несмѣшной рашью?
 Все передѣлашь въ нашу брапью,
 Весь міръ зажечь, поставишь вверхъ дномъ,
 Все покоришь да съсшь царёмъ.

Т р у б а ч ь.

Пошите! . . . языку давашь не надо воли.

П е р в ы й Е г е р ь.

Чшо думаю — скажу, ты запрешишь мнѣ чшомъ?
 Якыкъ-ашъ безъ косшей, самъ Генераль сказалъ

В А Х М И С Т Р Ъ .

Да, самъ я ошъ него слыхаль:

„Языкъ безъ косшей, дѣло безъ рѣчей,
Послушанье безъ очей.“

Вошъ именно его словечки золошья.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Не знай, ужъ шочно ли онъ шакія,

А чшо правда, шакъ правда въ нихъ.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Ужъ счастье не сшибешъ его, — не какъ другихъ.

Чшо Тилли нашъ? — Самъ былъ еще въ живыхъ,

А славушку давно похоронилъ.

Нѣшъ, подъ знамѣнами Фридландца на войнѣ

Сама побѣда лепишъ ко мнѣ.

Онъ счастьеце къ себѣ приворожилъ:

Кшо за него, съ шѣмъ вся нечиста сила!

Про эшо вѣдаешъ весь мѣръ, не шолько мы,

Чшо Герцогъ самага Сашанила

Изъ преисподней взялъ къ себѣ въ наймы.

В А Х М И С Т Р Ъ .

Да, крѣпокъ — нѣчего сказашъ, въ кровавомъ дѣлѣ

При Люценѣ, — въ иномъ души нѣшъ въ шѣлѣ,

А онъ на ухарскомъ конѣ

Вошъ шакъ и рыскаешъ въ огнѣ.

Вся шляпа-ша была какъ рѣшешо;

Насквозъ колешъ и сапоги, всякъ видѣлъ шо,

Ужъ какъ свинцовыя ни ляпали,

А вѣдъ и кожи-ша не оцарапали:

Мечи въ него что ядрышки, что грязь, —
Нѣшь, не проймешь сквозь дьявольскую мазь,

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ужь ты и дьявола пошчась, — шушь дива нѣшь;
Онъ носилъ замшевый коллешъ,
А замшу-ща ядромъ не прошибешь.

В А Х М И С Т Р Ъ,

Нѣшь, брашь, ешь мазь изъ шрынъ-справы вареная
Да барыща заговореная.

Т Р У Б А Ч Ъ.

Съ нечиспыми добра не наживешь.

В А Х М И С Т Р Ъ.

Онъ, говоряшь, гадаешь по звѣздамъ;
Что сбудеся, по пальцамъ скажешь вамъ,
А мы и шушь прорыли нору,
Смѣкнули дѣльцо. — Видишель, въ ночную пору;
Скрозь запершую дверь, какъ лунь съдой
Спарикъ къ нему приходишь. Часовой
Его часенько окликаешь шамъ.
Какъ эшо привидѣнье ни являлось;
Ужь что нибудь да важное случалось.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Пусть продашь въ адъ онъ душеньку свою;
За шо ужь мы живемъ въ раю.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ПРЕЖНИЕ; РЕКРУТЬ И МЪЩАНИНЪ.

РЕКРУТЬ (*съ цишакиъ выходитъ изъ палатки, въ рукѣ фляжка съ виномъ*).

Прощай, — ошцу да дядямъ по поклону,
Ужъ я солдашь — и не приду назадъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

А вошь къ намъ новую шашащъ ворону,

МЪЩАНИНЪ (*Рекруту*).

Ужъ будещъ каяшься, да поздно брашь.

РЕКРУТЬ (*поеть*).

Слышны звуки шрубны,

Загремѣли бубны,

На коня скорѣй!

Конь мой, конь мой, понесися!

Острый мечъ, развеселися!

Полечу, куда хочу,

Какъ лешаещъ соколъ ясный

По кущамъ, по лѣсамъ,

По широкимъ небесамъ!

Ура, подъ Валленштейновы знамена!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Ага, онъ видно соколъ, не ворона!

(*Они его приветствуютъ*).

МЪЩАНИНЪ (*солдатамъ*).

Не прогайше его, — онъ въ честной семьи.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

А развѣ насъ на улицѣ нашла?

МЪЩАНИНЪ.

Я не про шо, сударь; вѣдь онъ не безъ казны:
Одно суконцо-ша на немъ пощупай.

ТРУБАЧЬ

Эхъ, брашець — человекъ ты глупой:
Вѣдь Цесаревъ кафшанъ — что деньги и чины!

МЪЩАНИНЪ.

Жишь нѣ чѣмъ чшоль? — Да у ошца заводъ кр-
пичный.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Безъ доброй воли плохо, брашь, живешся.

МЪЩАНИНЪ.

А послѣ баушки шоварцу достаешься.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Тѣфу! воину-ль присшаль шоварь шряпичный?

МЪЩАНИНЪ.

А послѣ хрѣшнаго ешь домъ пишейной,
Десяшка съ два сорокоуль, — все съ Рейнвейной.

ТРУБАЧЬ.

Вошь славно! эшого шакъ мы хотѣли.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ (*Рекруту*).

Эй слышь, брашь, мы съ шобой одной аршела.

МЪЩАНИНЪ.

А ужь невѣсша-ша какъ вопишь слезно!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ай-да солдашь, — и сердце-шо желѣзно.

МѢЩАНИНЪ.

А баушка по немъ съ шоски умрешь.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Тѣмъ лучше, онъ къ рукамъ наслѣдство приберешь.

ВАХМИСТРЪ *(подходитъ съ важностью къ Рекрутѣ и кладетъ руку на шишакъ)*.

Послуш'ка, брашь: шы славный путь избралъ;

Вѣдь шы шеперь какъ будто пер'родился;

То мало что въ доспѣхи облачился:

Знай, шы къ честнѣму воинству присталъ.

Чай у тебя шеперь въ груди

Духъ богашырскій пробудился:

Будь храбрь. . . .

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

А пуще денегъ не щади.

ВАХМИСТРЪ.

Вѣдь шы, примѣромъ шакъ сказашъ;

Фаршуну хочешь испышашъ.

Коль будешь смѣль, — весь мѣръ передъ тобой
открышь!

Кто турсу празднуешь, шопъ вдаль ужъ не
глядишь.

Что мѣщанинъ? — Въ одномъ кругу вершишся,
Что окол' оси колесо; •

А изъ солдаша выдешъ ничего, иль всѣ:

Вѣдь нынѣ на землѣ война царица!

Смошри-шка на меня, любезный гостъ:

Что у меня въ рукахъ? — Знай, Цесарева шросшь;
 А вѣдь ошь шросши-ша, ошь палки, слышьли?
 Порядокъ весь и всѣ начальства вышли.
 Ты знай себѣ: кто ужь махнулъ въ капралы,
 Тотъ мѣшишь прямо въ генералы,
 А шамъ . . . шамъ, Богъ знаешь, куда.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да, лишь бы грамошка была шверда.

В А Х М И С Т Р Ъ.

Да вошь тебѣ примѣръ скажу пошчасъ:
 Драгунскаго полку ешь шефъ у насъ,
 Зовешся Бушплеръ; я съ своимъ ошрядомъ
 Съ нимъ спаивалъ въ одной ширингѣ рядомъ,
 При Кельнѣ что на Рейнѣ, — вошь ужь шри-
 цашъ лѣтъ!

Теперь онъ что? — Ужь Генераль-Маіоръ.
 А эшо ошь чего? — Проворень, скорь,
 Воинской славою наполниль свѣшь,
 А я вошь про себя шружусь, — награды нѣтъ.
 Да что искашь далѣко? — Герцогъ пресвѣплѣйшій,
 Нашъ командиръ милосшивѣйшій,
 Чего ужь не достанешъ онъ рукой?
 А кто онъ былъ? — Такъ, дворянинъ простой,
 А какъ на машушку войну пустился,
 Такъ вонъ какихъ чиновъ добился.
 Теперь онъ ближе всѣхъ къ царю,
 А шамъ впередь что будешъ, ужь не говорю. . .
 (Тонко.)

Вѣдь у Господа Бога дней еще много.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да, не величекъ былъ, — шеперя не достанешь;
 А какъ про старое вспомънешь?
 Въ Алшдорфѣ онъ студентомъ щеголялъ;
 Тамъ я его часпехонько видалъ,
 И что грѣха шаишь? — лихой былъ забіяка.
 Разъ у него зашѣялася драка:
 Онъ такъ вспылить, что съ сѣрдца
 Въдъ чушь было не уकोшилъ Ниренбергца.
 Схватали молодца да судъ ему,
 А шамъ ни за копѣичку въ шюрму.
 А западню лишь только новинькую склали,
 По первой пшичкѣ и прозванье-бъ дали.
 Онъ дѣло-шо смѣкнулъ, да развѣ какъ надулъ?
 Въ шюрму-шо пуделя впередъ полкнулъ:
 Собачьей и шеперъ слывешъ она.
 Ахъ что за голова! куда умна!
 Дѣлъ славныхъ у него безъ счешу причинилось;
 А эша шшука мнѣ куда какъ полюбилась! (*)

С. Шевыревъ.

(*) Чашатели замѣтили въ переводѣ нерѣдкую перемѣну и вообще неправильность размѣра: такъ и въ подлинникѣ; но сей послѣдній писанъ совершенно неопредѣленнымъ, почти силлабическимъ размѣромъ, котораго еще не ввели въ нашу новую Поэзію и который я осмѣлился употребить въ переводѣ рѣчи Капуцина. Въ сихъ перемѣнахъ мѣтра я руководствовался чувствомъ и слухомъ: предоставляю чашателямъ и благонамѣреннымъ кришикамъ оправдать или осудить меня. *Пер.*

ПРОЗА.

*Взятіе Константинополя.**Изъ Гаммера.*

(Окончаніе).

29 Маія , въ день Св. Феодосіи , съ вшорымъ крикомъ пѣшуха началась битва , но безъ обыкновеннаго сигнала большой пушки. Чшобы упомяшь Грековъ , Могаммедъ на первой зарѣ выслалъ къ нападенію рекруповъ и инвалидовъ своего войска , удержавъ лучшую часть онаго къ позднѣйшему присупу. Съ обѣихъ сторонъ дрались храбро , Турки съ бѣльшею поперею. На разсвѣтѣ городъ былъ весь охваченъ Турками , какъ бы пешлею , кошорою удавшъ грозили ; раздался ужасный шумъ роговъ , барабановъ , шрубъ , лишавръ , смѣшанный съ криками битвы ; всѣ башпарей осаждающихъ въ одно время выспрѣлили изъ орудій и въ одно время начался присупъ какъ съ сухаго пуши , такъ и съ моря (а). Два часа свирѣпствовала битва безъ видимаго успѣха для враговъ. Тшауши спояли за осаждающими , понуждая ихъ впередъ желѣзными прупьями и бычачьими жи-

(а) Франдесъ III. 7. с. 62.

лами (а). Султанъ самъ употреблялъ по ласки, по угрозы, подкрѣпляя ихъ своею желѣзною булавою (б). Камни, бросаемые съ башень, низвергали нападавшихъ; Греческій огонь лился со стѣнъ въ море и горѣлъ въ немъ; лѣстницы шрещали, рушились; пули разбивались о пули; черный дымъ закрывалъ городъ и солнце (в). Теофиль Палеологъ и Димитрій Каншакузень опразили нападавшихъ, Императоръ сидѣлъ на конѣ и побуждалъ своихъ дѣломъ и словомъ; въ это время пуля или стрѣла ранишь Джюспиніани въ руку или ногу, или въ обѣ сіи части (г); онъ просить у Императора подождать, пока перевяжешь на кораблѣ свою рану. Императоръ убѣждаетъ его не обращать вниманія на легкую рану и остаться. Джюспиніани идетъ. „Куда? куда?“ спрашиваетъ Императоръ. Туда, возразилъ онъ, куда самъ Богъ отверзаетъ путь Туркамъ; — и удалился въ Галапу, забывъ прошедшую славу и будущій срамъ. Его удаленіе распространило робость между войсками, и Саганась-Паша, видя замѣшательство въ

(а) *ρ'άβδων βίδηραϊν κατ' ερωτεύρων*, Францезъ III. 7. с. 60.

(б) Дука XXXIX. с. 160.

(в) Францезъ III. 7. с. 60.

(г) По Дукъ, пулею въ локоть; по Францезу, стрѣлою въ правую ногу; по Леон. Хиос., подъ плечо.

рядахъ осажденныхъ, снова побуждаешъ Янычаръ своихъ. Одинъ изъ нихъ исполинскаго роспа, по имени Гассанъ, изъ Улубада, держа въ лѣвой рукѣ щипъ надъ головою, въ правой саблю, взбираешся на стѣну съ 30 товарищами. Осажденные храбро опражаютъ ихъ стрѣлами и камнями; восемнадцать янычаръ низвергнушы; многіе другіе, послѣдовавшіе примѣру Гассана, имѣють пуже учасъ. Самъ Гассанъ, пораженный камнемъ, падаетъ на землю, и не могши всшашъ, держишся, закрываясь щипомъ, на колѣнахъ до пѣхъ поръ, пока новые камни и стрѣлы на него посыпались, и онъ упалъ подъ ихъ ударами (а). Въ то время, какъ ворота Св. Романа, на кошорья было устремлено сильнѣйшее нападеніе, защищались такъ храбро, Турки проникли въ другомъ мѣстѣ въ городъ, именно воротами Ксилокерку, кошорья по причинѣ пророчесшва, что ими войдетъ непріятель, были задѣланы, и только за день до бишвы опшворены по приказанію Импера шора, не ожидавшаго нападенія на нихъ (б). Пятдесять Турокъ ворвались оными въгородъ и напали на осажденныхъ съ пылу (в). Тогда отъ гавани до воротъ С. Романа раздался крикъ, что городъ

(а) Францесъ III. 7. с. 82.

(б) Дука XXXIX. с. 159.

(в) Онь же с. 160.

взявъ, и распространилъ новый страхъ въ ослабшихъ рядахъ вокругъ Императора. Хотя Теофиль Палеологъ, Донъ Францеско де Толедо, Испанецъ, и Иоаннъ Далмашъ, производили чудеса храбрости, но Императоръ видѣлъ, что всякое сопротивленіе напрасно. „Я хочу лучше умереть нежели жить (а),“ говоритъ онъ, бросаясь на встрѣчу Туркамъ, и видя себя ошавленнымъ своими войнами, произноситъ слова достойныя жалости: „Не ужели нѣтъ подлѣ меня Христіанина, который бы срубилъ съ меня голову! (б)“ и падаетъ подъ ударами двухъ Турокъ, изъ коихъ одинъ поразилъ его въ лице, другой въ спину (в). Такимъ образомъ, неузнанный погибъ и смѣшанъ съ убитыми, седьмой Палеологъ, Константинъ Драгофесъ, послѣдній Греческій Императоръ, защищая сѣбныя главнаго города Византійской Монархіи, Константиномъ первымъ основанной и тысячу лѣтъ существовавшей. Турки ворвались въ городъ съ сухаго пупи чрезъ ворона Калигарію (Эгрикану, то есть кривыя

(а) *Θέλω θανεῖν μᾶλλον ἢ ζῆν.* Францесъ с. 63.

(б) Францесъ.

(в) Дука XXXIX с. 161. По Халкондиль и Константинъ умеръ въ бѣгствѣ: *Constantinus Rex in fugam coniectus hostesque continuo insequentes innumero vulnerant; atque mortuus est.*

ворота) по грудамъ убишыхъ, наполнявшихъ рвы и проломы, испребляя всѣхъ солдатъ, бѣгущихъ со стѣнъ, ибо гарнизонъ города, по ихъ предположенію, состоялъ по крайней мѣрѣ изъ пятидесяти тысячъ человекъ. Такъ пало двѣ тысячи, до тѣхъ поръ пока Турки увидѣли слабую силу ихъ и прекратили кровопролитіе. И сіи двѣ тысячи не были бы принесены въ жертву мечу, елибъ Турки сначала знали, что гарнизонъ простирался не болѣе, какъ до семи или до восьми тысячъ; такъ велика была жадность ихъ къ невольникамъ и невольницамъ, что они вѣроятно скорѣе увлекли бы всѣхъ въ рабство, нежели оставили свое корыслолюбіе и сладостраспіе безъ удовлетвореніи (а). Сіи жертвы первой поспѣшности были испреблены почти безъ всякаго сопротивленія, потому что отъ Турковъ остались одинъ или двое (б). Все спремилось къ гавани, копорою непріятель еще не овладѣлъ, потому что пятьдесятъ Турокъ, ворвавшіеся подземными воротами, были отбиты; и уже многимъ бѣжавшимъ удалось спастись на Греческіе и Генуэзскіе корабли, какъ

(а) Дука XXXIX с. 162.

(б) Turci suorum tres solummodo desiderarunt. Дука XXXIX с. 161. Сію малую потерю должно разумѣть не о прислуху, а объ вторженіи въ городъ послѣ онаго.

спража, увидѣвъ такое спеченіе и узнавъ причину онаго, заперла ворота и бросила ключи за стѣны, полагаясь на древнее пророчество, что Турки проникнуть только до середины города, до площади быковъ (нынѣ Таукбазари), а тамъ опяшь будущъ вышвенены жителями (а).

Теперь народная толпа бросилась опъ гаваци къ большой церкви Св. Софіи. Мушчины, женщины, спарики, дѣти, монахи, монахини поступили такъ опяшь изъ суевѣрія, надѣясь на давнишнее пророчество, что, когда Турки достигнуть колонны Константина Великаго, Ангель низойдетъ съ неба, и одному спарцу, сидящему у колонны, вручитъ обнаженный мечъ съ сими словами: Возьми сей мечъ и опмсти за народъ Божій! — тогда Турки пошчасъ обрашяшся вспяшь, и преслѣдуемые Греками, не только будущъ выгнаны изъ города, но даже изъ малой Азіи до границъ Персіи (б). Такъ успремилась толпа народная къ Св. Софіи и вскорѣ обширный храмъ со всѣми преддверіями, переходами и галеріями, наводнился людьми, копорые, заперевъ двери онаго, надѣялись найши шеперь спасеніе жизни, между тѣмъ какъ совреме-

(а) Халкондила к. VIII. Баз. изд. с. 124.

(б) Монодандрона. Дука XXXIX. с. 63.

ни соединенія церковей не хопѣли искашь въ немъ спасенія душъ; Аія Софія, споль долго непосѣщаемая ради Геношикона, подобно пустынной пещерѣ оставленная, теперь была преисполнена добычею для Турецкихъ разбойниковъ. „Если бы“ говоришь историкъ Дука (а) „въ сию минушу дѣйствительно Ангель, низшелъ съ неба и произнесъ слова: при-, спуните къ соединенію церковей, и я изгоню враговъ изъ города, и тогда они не рѣшились бы на это, и лучше пре-, дались бы Туркамъ, нежели Римской цер-, кви.“ Такъ глубоко соединительнымъ актомъ были посѣяны сѣмена раздора. Турки разбили шопорами запершыя ворота и увлекали скрывавшійся народъ въ рабство. Мущины связаны были веревками, женщины своими поясами, всѣ попарно, безъ различія возраста и состоянія, Архимандритъ съ своимъ приврашникомъ (б), госпожа съ своею служанкою, нѣжная монахиня съ монахомъ. Вся церковь содѣлалась мѣстомъ ужаса и разврата. Иконы Свя- шыхъ были лишены украшеній и разбишы, золотыя и серебряныя у- швари похищены, одежды священни- ковъ обращены въ полонны лошадиныя,

(а) Дука XXXIX. с. 63.

(б) Archimandrita cum janitore suo, domina cum ancilla.

а креспъ , покрывъ въ посмѣяніе Янычарскою чалмою , носили кругомъ (а). Алшари служили имъ вмѣсто столовъ , яслей и постелей , потому что на нихъ , или сами они ѣли или кормили лошадей , или оскверняли дѣвицъ и мальчиковъ (б). „Такъ“ говоритъ Историкъ Дука „исполнились слова пророка Амось : опмщу на пребищахъ Вефилъхъ , „и раскопаю роги пребища и падушя „на землю : сокрушу и поражу домъ съ „преклѣшы съ домоу лѣшнимъ , и по „гибнущъ домове кости слоновиа , и по „преблхся и друзи домове мнози , гла „голешъ Господь (в). Возненавидѣхъ и „опвергохъ праздники ваша и не обоняю жершвъ въ сонмѣхъ вашихъ . Опспави отъ мене гласъ пѣсней швоихъ , „не послушаю . И рѣче Господь ко мнѣ : „присиѣ конецъ на люди моя Израйля „неприложу ксему еже мимоиши его . И „восплачущя сшропове храма (г), гла „голешъ Господь Богъ.“ Дѣйствительно

(а) Crucifixum posthac per castra praevis tympanis deludendo deportant, sputis blasphemis opprobriis item processionaliter crucifigunt, pileum teucrale, quod cerchula vocant, capiti superponentes deridendo: Hic est Deus Christianorum. Леон. Хіас.

(б) και τὰς ἀβελγεῖς γνώμας καὶ ὀρέξεις αὐτῶν μετὰ γυναικῶν καὶ παρθένων καὶ παιδῶν ἐπαυθῆεν ἐποιον. Францесъ с. 64.

(в) Дука XXXIX с. 165. Амось III. 14. 15.

(г) Амось V, 21. 23 и VIII. 3.

восплакали своды Хрістіанскаго храма отъ буйства разбойниковъ и жалобныхъ воплей лишенныхъ свободы, имущества и чести. „Храмъ Св. Софіи,“ слова Францы, (а) „земное небо божественной мудрости, небесный престоль славы Божіей, вторая колесница Господа міровъ, созданная Богомъ во всеудивленіе земли, содѣлался мѣстомъ ужаса и скверны.“ Между тѣмъ Греки, находившіеся на укрѣпленіяхъ къ споронѣ гавани, еще удержались на стѣнахъ и не оспаивали мѣстъ своихъ, до тѣхъ тѣхъ поръ, пока Турки, уже два часа грабившіе городъ, не напали на нихъ съ пылу. Въ это самое время извнѣ осаждавшіе также сдѣлали приступъ и ворвались въ городъ у ворошъ гавани, Пепры, и нынѣшнихъ ворошъ мучнаго магазина. При видѣ сего, и здѣсь бѣгство стало всеобщимъ въ дома, которые большею частію уже грабили Турки. Греческій военачальникъ, Лука Ношара, былъ взятъ въ плѣнъ или въ своемъ домѣ, или на пути къ оному; а Урханъ, потомокъ Солеймана, каторымъ, какъ соперникомъ Османскаго престола, Греки думали успрашить завоевателя, лучше рѣшился броситься съ башни,

(а) Францезъ с. 64.

нежели сдашься Туркамъ (а). Такимъ-
 по образомъ городъ, семи именъ, семи
 холмовъ и семи башень, *древняя Ви-*
зантія, Антонина, новый Римъ, градъ
Константина, землераздѣлительница,
полнота Ислама, мать міра, чрезъ
 штысячу спо двадцать пять лѣтъ послѣ
 своего распросстраненія и основанія при
 первомъ Констаншинѣ, палъ въ руки
 Турокъ при одиннадцатомъ и послѣд-
 немъ, 29 Маія 1453, въ дваццать девя-
 тую по основаніи осаду, послѣ пяти-
 десяти трехдневнаго облежанія. Онъ
 былъ осаждаемъ при раза Эллинами
 (Павзаніемъ, Алкивіадомъ, Леономъ, пол-
 ководитцемъ Филиппа Македонскаго),
 три раза Римскими Императорами
 (Северомъ, Максимомъ, Констанши-
 номъ), два раза Византійскими бун-
 товщиками (Θомою и Торниціемъ), два
 раза Византійскими Императорами (Алек-
 сеемъ Комниномъ и Михаиломъ Палеоло-
 гомъ,) два раза Булгарами (при Паганѣ
 и Симеонѣ), одинъ разъ Хозроемъ Персид-
 скимъ, одинъ разъ Хаканомъ Аварскимъ,
 одинъ разъ Деспотомъ Словенскимъ (Кру-
 момъ), одинъ разъ Россіянами (при Асколь-
 дѣ и Дирѣ), одинъ разъ Латинцами (при До-
 жѣ Дандоло), семь разъ Арабами (полковод-

(а) Одинъ Дука рассказываетъ о плѣненіи Нотары и
 смерти Урхана двоякимъ образомъ (с. 166 и 169).
 Здѣсь предпочтены слова, согласныя съ Халкондилою.

цами Халифовъ,) пять разъ Турками, (два раза при Баязетъ, потомъ при Муссъ, Мурадъ II и Могаммедъ II); — и въ пяшую Турецкую осаду, по семикрашномъ покореніи (Павзаніемъ (а), Алкивіадомъ (б), Сепшиміемъ Северомъ, Конспаншиномъ, Алексеемъ, Дандодо и Михайломъ Палеологомъ) взявъ въ осьмый разъ при седьмомъ Палеологъ, Могаммедомъ II, седьмымъ изъ Османовъ. Онъ заслужилъ свою послѣднюю учась духовнымъ и нравственнымъ ослабленіемъ и упадкомъ своихъ жипелей и Владыкъ, заслужилъ домомъ Палеологовъ, изъ коихъ первый уже искалъ защиты и помощи противъ своего опечесшва при дворъ Турецкихъ Монарховъ малой Азіи, — коего наслѣдники служили по найму въ войскъ Сулпана и завоевали во имя его Греческіе города. Такова была опплаша и награда за служеніе и помощь Поршъ. Могаммедъ не вступилъ въ городъ съ осаждавшими, но медлилъ внѣ онаго до шѣхъ перъ, пока получилъ извѣстіе, что онъ совершенно находится во власши побѣдителя; это случилось около полудня. Тогда безопасный и свободный отъ страха, онъ вступилъ въ городъ, окруженный своими Визирями

(а) Корнелій Непотъ въ Павзаніи.

(б) Онъ же въ Алкивіадъ.

и пѣлохранишелями, и прямо опсправился къ большому храму. Онъ сошелъ съ лошади и всшупиль въ оный пѣшкомъ (а). Въ изумленіи взираль онъ на сто семь колоннъ изъ порфира, гранита, серпеншина и мрамора, многоцвѣтнаго, розоваго Синадскаго, зеленаго Лаконійскаго, голубаго Ливійскаго, чернаго Келпійскаго, бѣлаго Босфорскаго мрамора, звѣздчатаго гранита Фессалійскаго, Моллоскаго, Преконнескаго, Египетскаго, и порфира Сайпійскаго. Между ними находились восемь порфировыхъ столповъ изъ храма Солнцу Авреліана въ Балбекѣ, восемь изъ Діанина храма въ Эфесѣ, другіе изъ величайшаго, прекраснѣйшаго храма Зевеса въ Кизикѣ, изъ храмовъ Александріи, Трои, Аѳинъ и Циклады; съ удивленіемъ оспановился взоръ его на воздушныхъ галлерейхъ и сводахъ, на колоссальныхъ изображеніяхъ Евангелистовъ и Апостоловъ, Св. Дѣвы и Крестна съ словами: *симъ побѣдиша!* Все мозаикъ изъ крашенаго и золоченаго стекла. Чѣмъ выше возносился взоръ Могамеда, тѣмъ сильнѣе было его изумленіе, пока наконецъ, увлекаемый опважнымъ полешомъ зодчатаго, воспариль къ облакамъ съ куполомъ низко сведеннымъ.

(а) Дука XL. Довольно для опроверженія сказки Европейскихъ Исшориковъ, по словамъ кошорыхъ Могамедъ вѣхаль верхомъ на алшарь.

Пророческая надпись его на плитѣ, выжженной на островѣ Родосѣ изъ бѣлѣйшей глины: *Богъ основалъ ее и она не потрясется, Богъ поможетъ ей на востокѣ* (а), теперь въ-копорымъ образомъ пришла въ исполненіе, если относилась до сохраненія зданія Восточнымъ завоевателемъ. Обращаясь съ воздушнаго купола, Могаммедъ увидѣлъ одного изъ своихъ солдатъ, выламывающаго драгоценный полъ церкви, коего излучистыя линіи походили на волнующіяся струи, такъ что зеркальный мраморный попокъ, какъ попокъ чешырехъ райскихъ рѣкъ, казалось, вытекалъ изъ чешырехъ дверей храма. Могаммедъ ударилъ его мечемъ, сказавъ: я вамъ опдалъ сокровища города, но спроенія мои! Святопашецъ упалъ полумертвый и былъ выкинутъ изъ церкви. Могаммедъ велѣлъ глашатаю съ загородки передъ Святой Святыхъ провозглашать исламизмъ и созывать къ молитвѣ, и самъ совершилъ оную не у алтаря, но на немъ (б). Такимъ-то образомъ храмъ Божественной мудрости былъ оскверненъ для Христіанъ и освященъ для Му-

(а) К. и В. I. с. 335—375 по Кодицу, Павлу Силендарію, Кедрену, Никиф. Грегоръ, Прокопію, Никифъ, Скилицесу и т. д.

(б) *Principe filio iniquitatis supra sanctam mensam locato.* Дука XL. с. 168.

сульманъ, и крики раздора Грековъ и Лапинцевъ исчезли въ восклицаніяхъ Муетцина: *Богъ единъ!* По рассказамъ Византійцевъ, Ангелъ небесный далъ планъ, имя и деньги для построения. Основанная еще Константиномъ великимъ, Феодосіемъ и Юстиніаномъ снова выстроенная послѣ двойнаго пожара во время возмущенія и землетрясенія, повредившаго оную, церковь Божественной Мудрости была мѣстомъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣйствій и священнѣйшихъ церковныхъ, коронованій, пріумфовъ, браковъ Императорскихъ и церковныхъ соборовъ; она была святилищемъ не только столицы, но цѣлаго государства, мацерскимъ, несравненнымъ произведеніемъ церковнаго зодчества во всемъ Христіанствѣ. Какъ Греческіе Императоры заключали свои торжественныя вѣзды моливою въ Св. Софіи, такъ Могаммедъ началъ обладаніе свое городомъ — моливою на алтарь Св. Софіи. Послѣдній пріумфъ, о которомъ упоминаетъ Византійская исторія, былъ Панонскій, Мануила Комнина. Передъ нимъ взяли на серебряной, богато вызолоченной колесницѣ икону Одигитріи (а), т. е. опжевающей Божіей Матери. Такимъ же образомъ предшествовала сія Икона опжевающей Божіей матери въ

(а) Викита въ Мануаль к. V. г. 3. с. 103.

Булгарскомъ шріумфѣ Іоанну Цимисхію, въ Турецкомъ Іоанну Комнину (а), и Михаилу Палеологу при завоеваніи Констаншинополя Греками (б). Всегда, какъ палладіумъ города, была она предносима Греческимъ Императорамъ, когда они вышпугали противъ врага или возвращались въ шріумфѣ. Уже Императоръ, Барда, опправляясь противъ Сарацинъ на Кришъ, молилъ о помощи Одигитрію въ ея собственномъ храмѣ (в), который возвышался на берегу моря на мѣстѣ храма Минервы Экбазіи или оппывающей Минервы. Старшій Андроникъ, услышавъ о пораженіи Алексѣя Филантропена, шопчасъ совершилъ благодарственное моленіе свое у ногъ Одигитріи (г). Во время осадъ, Икону носили вокругъ стѣнъ для усшрашенія враговъ; шакъ въ Сарацинскую при Львѣ Исаврѣ (д), шакъ при Исаакѣ Ангелѣ, когда возмушпшель Бранасъ угрожалъ городу (е), шакъ въ послѣднюю Турецкую (ж) когда Машеръ Божія, шеспвугя по стѣнамъ въ лиловой одеждѣ, усшрашила Шенка

(а) Скилицесъ въ Цимискіѣ, Никиша и Кинамъ въ Комнень.

(б) Никифоръ Грегора к. II.

(в) Зонара и Скилицесъ въ Бардѣ.

(г) Пахимерь к. IX с. 13.

(д) Андрей Дандоло у Дюканжа, с. 91.

(е) Никиша Хоніатъ въ Исаакъ к. I. 7. с. 241.

(ж) Іоаннь Анагноста de excidio Thessalonicensi.

Бохари и его Дервишей, любившихъ монахинь. Сія чудотворная, ошженяющая и побѣдоносная Икона была разбиша Турками на четыре части (а), а богашый монаштырь Одигиприи, на Акрополь, такъ какъ Св. Иоанна Крестителя въ Пешрѣ, разграбленъ. Вышедъ изъ Св. Софіи, обращенной молишвою въ Турецкую мечешь, Могаммедъ велѣлъ пошчасъ позвать къ себѣ Великаго Адмирала, Луку Нотару (б). Смотри, сказалъ онъ ему, указавъ на груди убитыхъ и на плѣнныхъ, вопшь что сдѣлалъ ты ошказомъ сдашь городъ (в). Нотара ошвѣчалъ: ни онъ, ни Императоръ, не имѣли сполько власши въ городъ, чтобы содѣйствовашъ сдачѣ онаго, особенно послѣ полученія Императоромъ письма, въ кошоромъ совѣшывали сопрошвление. Подозрѣніе Могаммеда пало пошчасъ на Халиль Пашу; но скрывъ оное, онъ спросилъ объ Императорѣ, не ушелъ ли онъ на корабли, поштому что пшашъ Генуэзскихъ судовъ счастливо на всѣхъ парусахъ удалились изъ гавани. Нотара ошвѣчалъ, что онъ не знаешъ эшого, ибо былъ у дворцовыхъ ворошъ, когда Турки ворвались въ городъ ворошамми Хирсиадою. Въ эшо время явились два

(а) Дука с. 162.

(б) Онъ же XI. с. 169.

(в) Дука XI. с. 170.

Янычара, утверждавшие, что они умертвили Императора. Могаммедъ велѣлъ имъ отыскать тѣло и принести голову. Послѣ сего онъ ушѣшалъ Нотару, приказалъ позвать жену и дѣтей его, подарилъ каждому по 1000 аспровъ и обѣщался оставить ему должность его и имущество. Обольщенный таковыми обѣщаніями Султана и ласками, слабый Нотара представилъ ему списокъ всѣхъ важнѣйшихъ придворныхъ и чиновниковъ; Могаммедъ велѣлъ отыскать ихъ и плашить за голову сихъ Архонтовъ по 1000 аспровъ тѣмъ, кому они достались въ добычу. Нотара былъ благосклонно опущенъ домой. Между тѣмъ Султану были принесены головы Урхана (потомка Солейманова) и Константина.

Голова угрожавшаго соперника въ правахъ на престолъ Османскій и послѣдняго Византійскаго Императора обѣ покапались къ ногамъ Могаммеда. Тѣло послѣдняго узнали во множествѣ убитыхъ по пурпуровой одеждѣ, на которой были вышиты золотые орлы (а); голова его была выставлена на площади (Аугустеонъ) на порфировомъ столпѣ (б), гдѣ Константинъ Великій воздвигъ колонну

(а) Франдесъ III г. с. 64.

(б) Дука XL. с. 169.

въ честь своей машери Елены; вмѣсто
 спашуи Елены, Имперашоръ Θεодосій
 посшавиль свою вылишную изъ серебра
 въ семь ценшнеровъ вѣсу, на свинцовой
 колоннѣ; Имперашоръ Юстиніанъ пер-
 вый вмѣсто свинцовой воздвигнулъ пор-
 фишовую, и семь ценшнеровъ серебра
 въ спашуѣ употребилъ на оплишиѣ
 собшвенной изъ бронзы, кошорая дер-
 жа въ лѣвой рукѣ шаръ земной съ кре-
 спомъ, правую просширала на Восшокъ,
 въ означеніе власши Имперашора надъ
 онымъ (а). Надъ симъ грознымъ поло-
 женіемъ древней спашуи жестоко на-
 ругался завоевашель Констаншинопо-
 ля, повелѣвъ выспавишь на колоннѣ
 главу Констаншина; главу послѣдня-
 го Греческаго Имперашора, — шамъ,
 гдѣ первый воздвигъ памяшникъ въ
 честь своей машери, — *какъ бы по-
 вергая подѣ* копыша коня порже-
 сивующаго Юстиніана, кошораго де-
 сница воспрещала врагамъ восшочнымъ
 ишши далѣ; главу Имперашора, гро-
 завшаго ему соперникомъ, *подѣ* копы-
 ша коня! Ругашельсшиво, шому шоль-
 ко поняшное во всей своей силѣ,
 кшо знаетъ, чшо восшочнымъ Трї-
 умфашорамъ провозглашающъ желаніе:
 „да попрущя главы враговъ ихъ

(а) См. К. и В. I. с. 151—153.

копышамй ихъ коней (а). Въ продолженіе всего дня голова оспавалась на колоннѣ, вечеромъ же снятая кожа была набита, а голова, какъ побѣдный трофей, отослана въ Азіяшскій городъ на позорище (б), какъ голова несчастнаго Ладислава послѣ Варнскаго битвы, была отправлена въ Брусу; погребеніе шѣла Грекамъ не воспретили (в).

Различна съ судьбою Констанцинополя была участь предмѣстія Галашы; окруженная твердыми стѣнами, въ рукахъ Генуезцевъ, флоты копорыхъ покрывали тогда море, копорыхъ солдаты помогали защищенію Константинополя, она вела особенные переговоры съ Могаммедомъ послѣ взятія города, чрезъ его зятя и Визиря Сагонось-Пашу, и добровольно поднося ему ключи, просила помилованія, копорое и было ей даровано. Сагонось получилъ порученіе, взявъ съ города присягу въ вѣрнопоподданничествѣ, въ то же время объявивъ жителямъ повелѣніе находившихся въ покоѣ, не дерзая входить на Императорскіе корабли, копорые придутъ въ Галашу (г). Но когда корабли приблизились, народъ не смотря на запрещеніе устремился на нихъ. Чшобы удержатъ бѣгущихъ, Турки

(а) Морьера first journey с. 91.

(б) Дука XL. с. 169.

(в) Франдесъ III. 9. с. 64.

(г) Дука XXXIX. с. 167.

умершвили нѣкоторыхъ. Греки, не увѣ-
денные въ неволю, были перевезены въ
Галашу и оставались тамъ на свободѣ;
только Ношара, послѣдній великій Князь
Византійской Монархіи, получилъ поз-
воленіе проживать въ городъ въ своемъ
дворцѣ. Въ среду, 30-го Маія, Могам-
медъ ѣхалъ по городу и опсправился
прямо къ дворцу Князя. Ношара вы-
шелъ ему на встрѣчу, упалъ къ его
ногамъ; и показывая на свои сокровища,
прибавилъ, что все сіе онъ сохранилъ для
Султана. Кто, спросилъ Могаммедъ,
даровалъ мнѣ сіи сокровища и городъ?
Богъ, отвѣчалъ Ношара. — Хорошо,
отвѣчалъ Могаммедъ, такъ я Богъ, и
не обязанъ тебѣ благодарностію. Не
смошря однакоже на сіи слова, Могам-
медъ опсправился къ супругѣ Князя,
кошорая больная лежала въ постелѣ,
упѣшалъ ее, совѣщывалъ пещиель о здо-
ровьѣ, велѣлъ привести къ себѣ дѣшей
Князя, кошорые бросились къ нему
въ ноги, и попомъ ѣздилъ по городу:
Пуспынна, одинока была спшлица, упо-
мленная грабежомъ, лишенная обшпа-
телей своихъ; только нѣкошорые изъ
раехишиселей обыскивали пуспыя ули-
цы, и съ кинжалами опшымали другъ
у друга добычу. Проѣхавъ большую
часть города, онъ опсправился въ Импе-
рашорскій дворець, и проходя блусшѣв-

шил заим онаго, удачно съ горькою ищиною примѣнилъ къ сей помрачившейся сценѣ царскаго владычества одинъ Персидскій стихъ. Недалеко отъ дворца было приготовлено торжественное пиршество, на коемъ Могаммедъ неумѣренно предался вину. Полуупоенный велѣлъ онъ начальнику евнуховъ (а) предсавишь себѣ четырнадцатилѣтняго младшаго сына Ношары, коего красота воспламенила его скопское вождѣленіе.

Отець, приведенный въ ужасъ посылствомъ ширана опвѣчалъ, что никогда не предасть добровольно своего сына на поруганіе, — пусть Султанъ приметъ лучше палачей. Евнухъ возвратился съ опвѣшомъ назадъ, и Могаммедъ отправилъ палача за Ношарою и семействомъ его. Ношаръ пошелъ за нимъ съ своими дѣтьми и Канпакузеномъ. Палачъ остановилъ ихъ у порога, и повелъ юношу къ Султану на жершву; другимъ принесъ назадъ приговоръ смерти. Ношара возвратилъ въ сію минуту утраченное достоинство своей души; онъ увѣщевалъ дѣшей своихъ умереть Христіанами, и кончилъ рѣчь словами: „праведень ты, Господи!“ Дѣши были обезглавлены предъ глазами опца; онъ просилъ палача дать ему нѣ-

(а) Онъ же XL. с. 171. у Халкондиль, вмѣсто верховнаго евнуха, посылается крафтій.

сколько минушь для принесенія молящвы, копорую совершилъ въ близъ дежавшей часовни, послѣ сего онъ также былъ обезглавленъ, и палъ на шрепавшіе еще шрупы дѣшей своихъ. Тѣла остались обнаженными безъ погребенія. Головы были принесены на пиршество пирану, копорый жаждалъ не одного вина, но и крови (а), какъ Марій вельль принесъ себѣ на пиршество голову Консула Антонія (б). Природную жестокость Могаммеда еще болѣе возбуждалъ одинъ чужеземецъ дочь, кого онъ спрасшно любилъ, и въ угожденіе коему вельль умершвишь всѣхъ Грековъ, копорымъ за день до того даровалъ жизнь. Они были казнены на *Ксенолофѣ*, у подножія спатуи Аркадія (нынѣ Аврешъ Базари п. е. женскій рынокъ); въ числѣ ихъ Венеціанскій Баило съ своимъ сыномъ и Испанскій Консулъ съ двумя сыновьями (в). Таже участь постигла бы Каншарено и шесшь другихъ благородныхъ Венеціанъ, еслибъ они не нашли средства искупить свою жизнь у Сагоносъ-Паши за семь тысячъ дукашовъ. Кардиналъ Исидоръ былъ

(а) Дука XL. с. 172. Quam interim semesi in medio cibi et parentalia fercula regio simul Romanoque sanguine maeabant. Флор. IV г. 2.

(б) Caput Antonii Consularis in Martii ipsius mensis. Флор. к. III. 21.

(в) Леон. Хіос.

проданъ въ неволю въ Галащъ, не нашель средство уйши опшуда на корабль и предашь намъ въ одной Тренодіи сѣшованія свои о завоеваніи города, споль нещасно имъ соединеннаго, или лучше сказашь раздѣленнаго, и защищеннаго. Франца Проповестіарь, Историкъ, былъ проданъ съ женою и дѣшми верховному конюшему Сулшана, большому окошнику до невольниковъ и невольницъ. Онъ нашель средство уйши съ женою въ Пелопонесъ, сына и дочь его конюшій принужденъ былъ уступитъ Сулшану для гарема (а), для котораго были выбраны лучшіе юноши и дѣвицы; остальные же опсправлены въ Азію и Адрианополь (б). Такова была судьба Грековъ, не умѣвшихъ умереть, защищая свою сполицу, какъ умерли Теофиль, ученый Палеологъ, Іоаннь, храбрый Далмашъ, Донъ Францеско де Толедо, опважный Испанецъ, которые какъ львы дрались вокругъ особы Императора и закрывали его своими шѣлами и въ битвъ и по смерти (в). И Кандіопы, у гавани, между башенъ Императоровъ Льва и Алексѣя, храбро выдержали нападеніе до полудни; въ эшо время оба Генуезца

(а) Францесъ IV. 1:

(б) Дука XL. с. 172.

(в) Францесъ III. 7. с. 63.

Павель и Троиль Бочіарди, видя городъ завоеваннымъ и Турокъ позади себя, искали собственнаго спасенія въ опустуленіи въ Галапу (а). Джюспиніани; первый оставившій Императора и биспу, презрѣвъ славную смерть, скоро погибъ безславною, ошъ печали, или ошъ ранъ (б).

Нотара и Джюспиніани, оба помрачили военную славу храброй защиты позорнымъ окончаніемъ оной, и запятали имя свое, одинъ сдавшись Сулпану, другой преждевременно обратившись въ бѣгство; оба впрочемъ примиряють насъ съ собою опять своею смертію, первый умерши съ раскаяніемъ, второй съ геройскою швердосью; въ эпомъ опношеніи сходно съ обоими Эллинскими завоевателями древней Византіи, Аѳиняниномъ Алкивіадомъ и Спаршанцемъ Павзаніемъ, которые, сражаясь какъ герои за свое опечество, наконецъ измѣнили ему и передались Персидскому царю; но Нотара и Джюспиніани не были государственнымъ измѣнниками, какъ Аѳинянинъ и Спаршанецъ, изъ коихъ первый сгорѣлъ въ подожженномъ домѣ, а второй умерщвленъ голодною смертію въ храмѣ Пал-

(а) Францесъ III, 8.

(б) Онъ же III. 7. с. 63. *αἰβχρωῶς εἰς τελευτὰ ἐκ τῆς κίβριας καὶ περιφρονηθεῶς*

лады. Посему Ношара и Джюспиніани могутъ бытъ именуемы съ подобающей славою въ Испоріи Византіи, послѣ завоевателей ея Алкивіада и Павзанія, а въ отношеніи къ образу чувствованій и смерти, имѣтъ лучшее передъ ними мѣсто между славными мужами прошлаго времени, между героями Испоріи. Такое сравненіе еспешвеннѣе, нежели сравненіе Испорика Халкондилы, который сравниваетъ завоеваніе Конспаншинополя съ завоеваніемъ Иліона, предшавляя первое возмездіемъ за послѣднее (а), и (какъ Иродотъ въ введеніи въ свою испорію) полагая вторженіе Азіатскихъ варваровъ въ Европу наказаніемъ за Азіатское похищеніе Еллиновъ на вѣсахъ Немезиды. Еспешвеннѣе также будущій испорикъ девятого завоеванія Констаншинополя покажетъ необходимость его въ варварствѣ осьмага завоеванія. — Онъ предшавилъ какъ въ широкомъ пошкѣ времени волны народовъ разбивающія одна о другую, и сими вѣчными законами дѣйствія и прошивудѣйствія одинъ народъ, подобно оспрову уединенный, съ одной спороны поглощающа пошкомъ, а съ другою извергающа.

Магоммедъ не перялъ времени при довершеніи завоеванія, и уже на пре-

(а) Nec dissimile est Ilii excidio. Ultionem Ilii diruti Byzanti calamitatem quidam credunt. (Халкондила).

пій день послѣ осады отправилъ назадъ войско и флотъ, чтобы въ скорѣ исполнить свои великіе замыслы. Каршину опшлыпїя флота нагруженнаго добычею предспавимъ мы здѣсь безъ перемѣны словами самаго Испорика Дуки (а): „на третій день по завоеванїи города повелѣлъ онъ (Магоммедъ) флоту, тяжело нагруженному; опшлыпъ въ города и обласни свои и что соспавляло грузъ? драгоценныя одежды, золотыя, серебряныя, бронзовыя, оловянные ушвари, множество книгъ, плѣнники, духовные и миряне, монахи и монахини. Всѣ корабли были наполнены грузомъ, также палашки въ лагерь были наполнены плѣнными и добычею, подобною описанной. Тамъ видѣли среди варваровъ инаго въ ризѣ священнослужителей, другаго ведущаго на золотомъ поясѣ сосворенныхъ собакъ, а вмѣсто чаираковъ золотомъ шипые воздухи церковные (б). Иные употребляли священныя ушвари вмѣсто блюдъ, чтобы ѣсть на нихъ плоды, а сосуды, чтобы пить изъ нихъ вино. Безчисленное множество книгъ нагрузили они на шелеги и развели на воспокъ и на западъ; за одну золотую монету (в) можно было

(а) Дука XLII. с. 170.

(б) ἀμνοὺς χρυσοῦφαντους.

(в) δὲ ἕνος νομίσματος.

купишьдесятьпомовъАриспошеля, Плашона, Богослововъ, и другія книги всякаго рода. Съ богато-украшенныхъ Евангелій они сдирали золото и серебро, продавали оное а книги бросали. Они жгли всѣ Иконы и варили на огнѣ мясо.“ На прелій день было кончено завоеваніе, разграбленіе, разрушеніе, и въ слѣдующей чешвершый уже приняты мѣры къ поспроенію, возобновленію и населенію; симъ начинается слѣдующій вторый періодъ сей Истории, между тѣмъ какъ первый достигъ конца своего съ завоеваніемъ Константинополя. Это есть первый возрастъ Османской Монархіи, какъ бы дѣйствіе оной до совершеннаго развитія юношескихъ силъ, въ продолженіи полутора вѣка въ царствованіе семи Государей, коихъ геній въ согласіи съ геніемъ основателя Османа, въ томъ же духѣ завоеванія, увеличивалъ и утверждалъ свое владычествіе. Разрушеніемъ Византійской Имперіи, существовавшей тысячу лѣтъ и завоеваніемъ столицы ея, сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія Османской Имперіи, утвердилась въ Европѣ послѣдняя на многія столѣтія.

И А У К И.

И с т о р і я.

Разсужденіе объ идеѣ Всемирной Исторіи, служащее введеніемъ къ Французскому переводу Гердеровыхъ идей о Философіи Исторіи, Эдгара Кине ().*

Мысль о Всемирной Исторіи исключительно принадлежитъ временамъ новѣйшимъ. Эша трансцендентальная шочка зрѣнія была совершенно неизвѣсна древнимъ; они слишкомъ довѣрчиво предавались наспоющему положенію вещей, слишкомъ мало видѣли развалинь, и не думали, что лѣтописи міра могутъ возвѣстить другую истину, кромѣ пребываемости законовъ современныхъ. Сначала, когда народы, одаренные свѣжими силами, поселились на землѣ юной, какъ и они, едва-ли даже существовало самое понятіе о смерти, и каждый народъ, почиая себя средопочіемъ и цѣлю вселенной, въ себѣ боготворилъ челоувѣчество. Но кумиры сіи одинъ за другимъ разрушились, погибли, и міръ, повѣрившій имъ, началъ беспокоиться, началъ далѣе искать награды за пролившую кровь, за подвиги прошекшихъ

(*) Мы уже сообщили читателямъ извѣстіе объ этомъ переводѣ. См. No М. В. на 1828 й годъ.

поколѣній: тогда явилась вѣра новая, перенесшая умы за предѣлы проспанства и времени; тогда, созерцая непоколебимое и безусловное, спали пугаться всего, что не вѣчно. Съ эпихъ поръ менѣ дорожили спольпшіями: поняли, что ихъ можно распочашь безопасно; и царства, казавшіяся дополь споль прочными, вдругъ исчезли, зашмились, и наполнили души спрахомъ и препеномъ. Мысль переспала опдѣльнхъ на каждомъ изъ нихъ опдѣльно. Желая закрыть пуспосу, ихъ совокупили вмѣспѣ, обняли однимъ взглядомъ. Государства спали уже не особами, смѣнявшими произвольно другъ друга, но сущеспвами собирашельными, заключенными въ сферы пѣсныя. Попомъ, видя, что и подобное возрѣніе обнаруживашь только ничпожеспво, начали доискивашься, нѣспъ-ли по крайней мѣрѣ въ нѣдрахъ сего волненія идеи поспоянной, начала неизмѣннаго, около кошораго обращающь въ вѣчномъ порядкѣ разнообразныя явленія общеспвъ. Часпную жизнь, соспавъ народа привели къ одной господспвующей мысли, коей самъ онъ еспъ развишіе: такъ спочно спарались основашь и все послѣдованіе царспвъ на одномъ коренномъ, общемъ законѣ.

Событіе, давшее споль высокое направленіе Испоріи, гошовою превра-
 пилсья въ неполную, личную Біографію, было чудесное, и міръ шопчасъ
 убѣдился, что въ эшомъ событіи за-
 ключены цѣль его спремленія и ве-
 лкая мысль, кошорую суждено ему
 осуществилсь. Казалось, будшо невиди-
 мая, шанспвенная рука ошовсходу
 подвизаеть людей и царшава споспѣ-
 шествовашь успѣхамъ вѣры Христіан-
 ской; казалось, будшо превыше обсто-
 яшельспвъ мѣспныхъ и развитій ча-
 спныхъ, общая судьба приспособляеть
 всѣ явленія человѣчеспва къ сему не-
 исповѣдимому дѣлу Провидѣнія. Эша
 мысль, первая, сроднила Испорію съ
 Философіей, первая опкрыла въ пере-
 ворошахъ гражданскихъ общеспвъ связь,
 спройность и начало постоянное. Слѣ-
 ды шаконъ мысли видны въ краснорѣчи-
 выхъ швореніяхъ Св. Августина. Она
 уже ясно развита Евсевиємъ и Сульпи-
 ціємъ Северомъ: ничего нѣшъ легче,
 какъ слѣдовать за грубыми приложе-
 ніями оной въ продолженіе среднихъ
 временъ, пока она не пала къ спопамъ
 Боссюэта. Всѣмъ извѣспно, съ какой
 почки зрѣнія Боссюэтшъ спопрѣлъ на
 произшеспвія, и какимъ образомъ Испо-
 рія рода человѣческаго содѣлалась вы-
 сокой эпопеей, имѣющей свое начало,

свои опсшупленія, свое единство, свое чудесное, и которой достойная развязка есть воплощеніе Богочеловѣка.

Сила, распроспранившая сферу Истории, ушвердила себя и центромъ всей человѣческой дѣятельности; она предложила задачу новой науки, коей рѣшеніемъ была дѣйствительность собственнаго ея существованія. Доколь разумніе допускало сію дѣйствительность, какъ убѣжденіе первобытное, неопразимое, нераздѣльное съ основными свойствами души нашей: до тѣхъ поръ и рѣшеніе казалось вполне удовлетворительнымъ. Ибо, (можно ли вообразить судьбу достойнѣе міра, кромѣ той, которая опкрываетъ въ немъ присущствіе существа вѣчнаго и безконечнаго, къ нему соприкасающагося, измѣняющаго его виды и рука объ руку съ нимъ шествующаго?) Даже теперь, когда духъ анализа и скептицизмъ повидимому все измѣнили, у насъ нѣтъ другой исторической вѣры. Только то, что было частнымъ, сдѣлалось общимъ; что можно было ощущать, сдѣлалось неосязаемымъ; что являлось въ известномъ вѣкѣ, сдѣлалось событіемъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ вѣкахъ. Мы вѣримъ, что древніе народы, всѣ по одному закону спремилсь къ опкровенію Божественному: Сверхъ того, мы ожи-

даемъ перноваго вѣнца, иссопа и желчи; и, не смопря на сіе, каждый изъ насъ покоишся въ ловѣ безусловнаго, желая подражать возлюбленному ученику на рамя *того, который шелъ на закланіе.*

Изо всѣхъ сущесствъ, подчиненныхъ силамъ органическимъ, одинъ человекъ имѣеть понятіе о временахъ, ему предшеспвовавшихъ; съ нимъ вмѣспъ живущъ на землѣ милліоны пварей, для коихъ бышописанія міра ограничивающся днемъ или часомъ древноспи. Одинъ человекъ не измѣряеть развишя вещей бѣглой послѣдовательностью впечатлѣній, въ немъ происходящихъ. Напрасно въ лѣсномъ кругѣ его часпныхъ опношеній, тяжкія скорби, живошворныя спраспи, осшавляющъ послѣ себя въ памяши долгіе, жаркіе слѣды; онъ распредѣляеть все это по достоинспву въ безконечной лѣспвицѣ вѣковъ и судьбъ. По цѣлоспи природы своей онъ чувспвуетъ, познаеть въ себя обдуманное, зрѣлое произведеніе времени. Одинъ человекъ знаеть, что до его рожденія, сущесства ему подобныя, сами не вѣдая того, приготошвили мѣспю, въ ряду лѣшъ шеперь имъ занимаемое. Одинъ человекъ знаеть, что ему должно умереть, и что все переживеть его, и мірь, его опвергающій, и челове-

ство, которому принадлежит онъ. Какіе именно произойдутъ послѣ него виды и лица? это ему неизвѣстно. Но онъ увѣренъ, что надъ явленіями переходящими возвышается могущество разума и правды, распущее съ каждымъ улешающимъ годомъ, съ каждою добродѣтелью, цвѣтущею въ тишинѣ. Дыша вѣковъ, человѣчество, существо неосязаемое, всегда волнуемое, всегда измѣняющееся, раждаетъ и поглощаетъ всѣ жизни; и царство рухнувшее, и сокрушенное сердце, шеряюща въ его лонѣ, измѣняя его своимъ составомъ. Смерть есть только постепенное перерожденіе и бышіе народовъ — только крапкѣй мигъ въ бышніи всеобщемъ, листъ древесный, страница книги, гдѣ мы всѣ силамся прочесть настоящее время сквозь опкровенія минувшаго.

Впрочемъ, одно простое поняшіе объ исторіи рода человѣческаго еще не достапочно. Какъ и всякая система, не заключающаяся въ дѣйствительности, первобытной, Исторія, разсматриваемая ученымъ образомъ, не можетъ основываться на самой себѣ. Доколь она является уединенною, безъ отношенія къ началу постоянному, истинѣ вѣчной, коей она есть внѣшнее развитіе, доколь, говорю, Исторія представляется громадою формъ, жи-

вописною, краснорѣчивою, — правда; но самую вепхою, самую зыбкою, самую невѣрною изо всѣхъ; она живешь противорѣчіями и сомнѣніями, всегда гошова опказывашься опъ своихъ эфемерныхъ доказательствъ, всегда гошова блуждашь и заблуждашь. Въ другихъ рядахъ предметовъ, какъ-бы сіи предметы ни были случайны, видны по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ мѣстѣ протрансшва и міра дѣйствительнаго проявленія явныя, имѣющія съ ними связь необходимую. Но здѣсь, укажите намъ, гдѣ мѣсто шѣль, гдѣ предметъ осязаемый? Человѣкъ сохранилъ о прежнихъ годахъ своихъ шемныя воспоминанія, и добродушно ихъ рассказываетъ. Сколько, можешь бышь, лепучихъ оболещеній надежды почиаетъ онъ истинными событіями! Чтò никогда не жило на земль, какъ знашь, ложный призракъ, мечта, игравшая въ предѣлахъ мысли, все это спойшь на равнѣ съ дѣйствительностію, наиболѣе угнетавшею міръ, и ничто не различаетъ въ Исторіи бытія опъ небытія: въ цѣни время онъ занимають одинакія протрансшва, сближаются, смѣшиваются, сливаются: шакъ слабы на вещахъ впечатлѣнія спрасшей самыхъ пламенныхъ, и шакъ скоро слѣды человека спираются бурей въковъ! Это

міръ, которій возвѣщаетъ о своемъ присущствіи только шумомъ своего паденія; законъ его — измѣняющься, сущность его — не имѣть сущности. Если-бы замолкъ сей громъ развалинь, я-бы ничего не зналъ о мірѣ; скажу болѣе: онъ переспалъ-бы существовать; дабы не исчезнуть, ему не должно имѣть даже пѣни продолженія, и, странное дѣло, то, что составляетъ жизнь его, открываетъ вмѣстѣ суену его и ничтожность.

Для прочности науки, оставалось внести въ Исторію начало постоянное и дать опредѣленный характеръ явленіямъ, доселѣ эфемернымъ, почти неуловимымъ, изъ коихъ состояла она. Но хаосъ лишь и непостоянство не могли родить неизмѣняемаго, вѣчнаго. Безпорядокъ не могъ самъ проповѣдывать о всемірномъ порядкѣ. Должно было выйти изъ круга превращеній, не обращать вниманіе на зыбкія формы царствъ и преданій, переступить за черту гражданского образованія, опередить опытность рода человеческого, пока не встрѣшился существо или событіе несомнѣнное, имѣвшее даже до произхожденія человечества такую съ нимъ связь, какая вѣчно находится между закономъ и явленіемъ, еще несуществующимъ, которое въ послѣдствіи должно

проявлять законъ. Доселъ своенравно волнуемая смяшеніемъ испорическихъ происшествій, шуманными образами преданія, едва мысль доспигла сущности формъ и движеній народовъ, и вдругъ съ радостію на ней ошпановилась. Здѣсь дѣло идетъ не о преходящихъ началахъ, опвергаемыхъ челоѳичесвомъ, когда посшупашельное дѣйствіе уже разрушило согласіе, усшановленное между ими и причиною общей. Необходимыя слѣдствія силы, подобно имъ неизмѣняемой, никогда не увеличиваясь, не убывая, сін начала были прежде царствъ и языковъ: ими созданы времена, опъ нихъ возникли поколѣнія, и загадка рода челоѳического объясняется по мѣрѣ пого, какъ явленія нѣкогда шапкія, опъ своего къ нимъ опношенія заимствують и прочность и важность дѣйствительную. Законъ, выражаемый главными началами въ мѣрѣ видимомъ, сообщаетъ имъ свои свойства; облеченный ихъ формами, онъ далеко проникаетъ въ систему дѣйствій челоѳическихъ и даетъ имъ бытіе истинное. Это уже не просто символы, мимоходомъ переносимые изъ вѣка въ вѣкъ. Разбейте ихъ: вы найдете законъ, законъ, сохраняющій ихъ невредимыми, раздивающій въ нихъ силу, мудрость, порядокъ и гармонію.

Я ничего не знаю о вещахъ, копорыя предшеспвовали мнѣ во времени. Никогда мысль моя не лешала далѣе воспоминаній моего младенчеспва. Мнѣ во все неизвѣспно, кто были мои предки. Никогда имена Рима, Афинъ, Іерусалима не поражали моего слуха: никогда сердце мое не шрепешало за Сиднея, Жанну Грей, Темиспокла, Филопемена. На пути своемъ я вспрѣшилъ развалины, я не забошился спрашивать, за чѣмъ онѣ шупь и кому принадлежали. Безъ сомнѣнія, я потерялъ - бы такимъ образомъ много успѣшеній въ моихъ гореспяхъ, много важныхъ уроковъ въ моихъ заблужденіяхъ; но, если, при эпошъ невѣжеспвѣ, мнѣ извѣспенъ высшій законъ народовъ, духовный первообразъ ихъ жизни, — если я дошелъ до самой сущности движеній и формъ, — если, полагая, что царспва предшеспвовали мнѣ въ ряду вѣковъ, я могу сказать, какую именно мысль, какое умственное начало оуспешпвляли они; эпо знаіе одно, копорое имѣю я, но вѣчное, непоколебимое, слишее съ душой моей и копорое будешъ еще жить, когда меня уже не станешъ, — развѣ оно въ самомъ дѣлѣ менѣе совершенно, нежели ваше, наблюдатели измѣненій, слѣдившіе мыслию все переворошы дѣпшъ, все из-

вивы лепучихъ призраковъ, стромоздившіе зданіе своей науки изъ случайно-шей эфемерныхъ, изъ частностей всегда ошибочныхъ, кошорыхъ ни вы, ни я, не можемъ ни вызванъ, ни продлить на мгновеніе!

Нисшедшая въ предѣлы міра, новая наука, покорилась его законамъ. Доселѣ блуждающая, неопредѣленная, болѣе или менѣе смѣшанная съ вопросами ежедневными, она не имѣла еще физиогноміи собственной: должно было уму человѣческому облечь ее своими формами: развивать по двойственной своей методѣ. Вѣчное несогласіе Академіи и Лицея, духовности и чувства, просперло на исторію свое вліяніе и заключило въ кругъ распрей своихъ новое спеченіе предметовъ. Тогда явились два мужа: Вико и Гердери, представляющіе, каждый по своему, вновь возникшія, ими созданныя школы. Оба исполненные генія, ревностные преобразователи, могучіе душой и убѣжденіемъ: одинъ, методическій энтузіастъ, крѣпкій въ своихъ силахъ, сжатый, швердый до суровости; другой, весь горящій поэзією, блестящій юностью и обольщеніями, нарядный какъ природа, прельщающая его красотой своей, богатый, изобильный, безъ темноты, безъ таинствъ,

но глубокой, дальновидной, — они могли надѣяться многочисленныхъ послѣдователей и вліянія непосредственнаго. Но, пошому ли, что Вико и Гердеръ опередили вѣкъ нѣсколькими шагами, или пошому, что древняя борьба, возобновившись, заглушила голосъ ихъ, и всѣхъ увлекла на свое поприще, сіи великіе мужи мало имѣли учениковъ, и даже нынѣ слава ихъ далеко не равна ихъ достоинствамъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

К Р И Т И К А.

Замѣчаніе о Словенскомъ языкѣ.

О Словенской Грамматицѣ Добровскаго, кошорый пятьдесять лѣтъ исключительно, неуспынно, трудился надъ однимъ предметомъ, Словенскимъ языкомъ, — Добровскаго, кошораго Шмецеръ 25 лѣтъ тому назадъ назвалъ первымъ знатокомъ по своей части, — кошораго всякое слово Европейскіе ученые принимаютъ закономъ, — въ No 4 Московскаго Телеграфа 1828 года сказано: „Грамматикѣ Зизанія, Смошрицкаго, Добровскаго, мы почитаемъ только неудачными и сбивчивыми покушеніями, кошорыя поясняютъ намъ законы Славянскаго языка слабо, невѣрно, и при составленіи Грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій служить руководствомъ не могутъ“ (с. 534). — „Какъ прежніе сочинители Грамматикѣ, такъ и Аббать Добровскій, составляя Грамматику Славянскую изъ памяшниковъ книжнаго Славянскаго языка, совсѣмъ не составили еще, да и не могли составить Грамматикѣ, кошорой правила были бы выведены изъ сего (Славянскаго) кореннаго, слѣдовательно имѣвшаго свои особенныя швердые законы языка.“

Но какое заглавіе далъ своей книгѣ Добровскій: *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus Latini Slavos in li-*

bris sacris obtinet. По русски: Правила языка Словенскаго по древнему его нарѣчію, на которомъ имѣются церковныя книги у Россіянъ, Сербовъ и проч. — И такъ предположилъ ли себѣ Добровскій разсуждашь о какомъ-шо древнемъ коренномъ Словенскомъ языкѣ? Нѣтъ. О какомъ же языкѣ Словенскомъ разсуждаешь онъ? О церковномъ. Можно ли, говоря объ его церковной Грамматикѣ, обвиняшь его за шо, что не представилъ намъ правилъ шого Словенскаго языка? Очевидно — нѣтъ.

Авшоръ спашьи въ Телеграфѣ могъ говорить о церковномъ языкѣ въ отношеніи къ своему воображаемому коренному Словенскому языку; могъ доказывашь, что по первому не лзя вовсе судить о второмъ, и проч., — эщо его мысли, кошорыя всякій имѣеть полное право предлагашь, ночно, какъ всякій въ свою очередь имѣеть право принимаешь и отвергаешь по своимъ причинамъ; но къ какой спашьи порицаешь здѣсь Смощрицкаго, Зизанія, Добровскаго, (*) разсуждавшихъ о другомъ предметѣ? — *Нашли ли они правила церковнаго языка Словенскаго, вотъ это надо рѣшить при произношеніи имъ приговора.* Вотъ мой первый пезись.

Впрочемъ о какомъ коренномъ языкѣ говоришь Авшоръ спашьи? Словене были нѣкогда

(*) Зизаній, Смощрицкій, рядомъ съ Добровскимъ!

однимъ цѣлымъ народомъ, нераздѣленнымъ на племена, говорили однимъ языкомъ, нераздѣленнымъ на нарѣчія. — Но шого времени Ишорія не запомнишь, но ошъ шого времени не ошалося никакихъ памяшниковъ.

Въ пяшомъ сполѣшій являющіяся Словене на великомъ проспранствѣ, уже раздѣленные на племена, уже говорящіе разными нарѣчіями, но безъ письменнаго искусства.

Въ 9 сполѣшій являющіяся священныя книги у нѣкошорыхъ племень ихъ; но сего памяшника Авшоръ спашьи не принимаешъ въ расчешъ.

Съ 14го уже шолько сполѣшій, послѣ шого какъ всѣ нарѣчія Словенскія подверглися чуждому вліянію, — нашъ, Сербской, Болгарской — Греческому, Богемской — Нѣмецкому, Польской — Лашинскому, — послѣ шого, какъ уже они образовались порознь, приняли разныя Грамашическія формы, — размножающіяся, говоря вообще о всѣхъ, у нихъ письменные памяшники.

Какимъ же образомъ мы возсоздадимъ шеперь эшошъ умолкнувшій въ устахъ человѣческихъ языкъ, кошорымъ Словене говорили за штысячу лѣшъ почти до шого времени, съ коего начинающіяся у нихъ памяшники! *Физитески не возможно.* Эшо мой вшорой шезись.

(„Мы слышали,“ говоритъ Авшоръ спашьи, „что извѣшный Филологъ нашъ, А. Х. Воспоковъ, занимаешся шрудомъ шакаго рода. Съ ошон-

„таніемъ его обширнаго пруда, можемъ надѣяться, что у насъ будетъ Грамматики языка Словенскаго“ (с. 534). Совсѣмъ напрошивъ — А. Х. Воспоковъ еще въ 1820 году вошь что объявилъ: „полагая въ основаніе древнѣйшій извѣстный мнѣ „памятникъ языка и письма Словенскаго. — Остромирово Евангеліе, я посшараюсь изложитъ Грамматику древняго Словенскаго языка“ (Труды Общ. Люб. Рус. Слов. Ч. 17, с. 12). Слѣдовательно онъ полагаетъ въ основаніе именно то, что отвергается Авшоромъ спашьи).

Но не уже ли церковный нашъ языкъ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого отношенія къ тому древнему Словенскому языку, какъ по утверждаешь Авшоръ спашьи?

Имѣетъ, и очень близкое. Послушаемъ ученаго нашего Филолога. (Тамъ же. с. 8. и проч.)

„По рукописямъ 14го даже столѣтія видно, что сей языкъ, на которой преложены Библейскія книги, былъ не только у Сербовъ, какъ полагаетъ Добровскій, но и у Русскихъ Словенъ, едвали ли не въ общенародномъ употребленіи! Замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего оспашки находятъ въ Русской Правдѣ, въ Словѣ о плѣку Игоревѣ и пр., и между Церковнословенскимъ, разумѣли конечно подъ симъ послѣднимъ языкъ печашныхъ церковныхъ книгъ. Они бы не сказали того

о древнемъ Церковнословенскомъ. Разность діалектовъ, существовавшая безъ сомнѣнія въ самой глубокой уже древности у разныхъ поколѣній Словенскихъ, не касалась въ то время еще до склоненій, спряженій и другихъ грамматическихъ формъ, а состояла большею частію только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ. . . . Но чѣмъ глубже въ древность идущъ письменные памятники разныхъ Словенскихъ діалектовъ, тѣмъ сходнѣе они между собою. Крайнскій языкъ 10-го столѣтія, сохранившійся въ нѣкоторыхъ отрывкахъ, найденныхъ въ Баваріи (см. Добровскаго *Slovanka I*, 249), вообще весьма близокъ къ церковному Словенскому языку. Собраніе Богемскихъ древнихъ стихотвореній 12 го и 13 го столѣтій, изданное въ 1819 году въ Прагѣ, подъ заглавіемъ: *Русoris Kralodworsky*, имѣетъ многія разительныя сходства въ оборотахъ и въ строеніи языка даже съ Русскимъ того же времени, при всемъ томъ, что Чехи и Русскіе Словене принадлежатъ къ двумъ разнымъ поколѣніямъ, къ западному и восточному, издревле раздѣленнымъ нѣкоторыми отмѣнами діалекта.

По сему почти заключать можно, что во время Константина и Меодія всѣ племена Словенскія, какъ западныя, такъ и восточныя, могли разумѣть другъ друга также легко, какъ шеперь на примѣръ Архангелогородецъ или Донской жители разумѣтъ Москвича или Сибиряка.

Грамматическая разность діалектовъ Русскаго, Сербскаго, Хорватскаго, между Словенами восточнаго племени, счала ощутишельною уже спусся можешь бытъ 300 или 400 лѣтъ послѣ преложенія церковныхъ книгъ, и пошомъ, увеличиваясь съ печеніемъ вѣковъ и съ полишическимъ раздѣленіемъ народовъ, дошла наконецъ до шакой снепени, въ какой мы видимъ ее нынѣ, когда каждый изъ сихъ діалектовъ сдѣлался особеннымъ языкомъ. То же происходило съ діалектами западнаго племени, съ Богемскимъ, Польскимъ, Лузашскимъ и проч., кои однакожь, оставшіеся всегда въ ближайшемъ сосѣдствѣ одни съ другими, кажущяся, не споль много поперяли сходства между собою.“

Quae cum ita sint — въ Церковномъ языкѣ сохранилось единственное гистѣйщее воспоминаніе о древнемъ Словенскомъ языкѣ. Вотъ претій тезисъ!

Остаается ошвѣчать еще на одно возраженіе (Московскій Телеграфъ, с. 531).

„Церковныя книги переведены Греками, а они и послѣдователи ихъ не проникали въ сущность Славянскаго языка, спарались передать всѣ формы, обороты и духъ Греческаго; для чего Славянскій языкъ шерпѣлъ подъ ихъ перомъ всѣ, какія имъ надобны были, измѣненія.“

Кириллъ и Меѳодій, повшоряю здѣсь сказанное мною прежде, въ примѣчаніи къ спашѣ Г-на Ш. о Телеграфѣ, живя между Словенами, знали

не однѣ только слова, но языкъ въ формахъ, въ употребленіи; слѣдовательно имъ не нужно было изобрѣшашь совершенно новаго, неслыханнаго языка. Они изобрѣшали только такія формы, какихъ недоставало въ языкѣ Словенскомъ, для выраженія мыслей подлинника, и въ такихъ только случаяхъ прибѣгали къ Греческому Синтаксису (см. Моск. Вѣст. No 5, с. 79), давали новое значеніе старымъ формамъ, и проч. Нѣмцу, живущему между Русскими и знающему Русскій языкъ, зачѣмъ прибѣгать безъ нужды къ оборотамъ Нѣмецкимъ, при переводѣ книгъ на Русскій языкъ? — Кто знакомъ покороче съ жизнію сихъ двухъ безсмертныхъ брашъевъ, шомъ согласился, что, не зная основательно Словенскаго языка, они не принялись бы за переводы, не спали бы коверкашъ никакихъ книгъ. (См. Шлецера Ч. 2, Гл. IX, и Кирилла и Меѳодія, Историко-Криптическое разсужденіе Добровскаго). —

Вмѣсто утвержденій безъ доказательствъ пусть сравняшъ намъ главу изъ Оспромирова Евангелія съ Греческими подлинниками 9 столѣтія, и тогда мы ясно увидимъ, что въ Кирилловскомъ переводѣ есть Словенскаго и что Греческаго. (Удивительно, что до сихъ поръ никто этого не сдѣлалъ).

Наконецъ — допуская, что языкъ Кирилла и Меѳодія есть языкъ исковерканный (вошь уже какое допущеніе!), самый ошважный рецензентъ

не осмѣлился сказать, что слова, вокабулы (*), въ немъ *выдуманы* сими Греками. — И эшаго одного уже довольно для того, чтобы видѣть самое близкое отношеніе церковнаго языка и Грамматики Добровскаго къ древнему Словенскому языку: корни, спроееніе словъ, превращеніе буквъ, служебныя буквы, почти вся Этимологія — самая важнѣйшая, основная часть Грамматики, — одинаковы въ томъ и другомъ языкахъ.

Но скажемъ здѣсь мимоходомъ, можешь ли бышь *общая* Грамматика Словенскаго языка? Разумѣется, можешь; только языка того времени, когда на всѣхъ его нарѣчіяхъ являющіяся уже памятники, а не того древняго, незапамятнаго. Въ этой Грамматикѣ скажешь, напримѣръ, что такое-то свойство принадлежитъ вообще всѣмъ нарѣчіямъ Словенскимъ, а такое-то — нѣкоторымъ, прочія же вмѣсто онаго имѣють другое свойство; такая-то форма принадлежитъ только шремъ нарѣчіямъ, а прочія замѣняють ее другою и проч. — Эша возможная Грамматика Словенская составится изъ сличенія всѣхъ частныхъ Грамматикъ между *собою*, — и объ ней писано уже много. —

Авторъ сшашь въ Тел. къ этому прибавляетъ еще (с. 533) „повѣрку собранныхъ въ сихъ

(*) Разумѣется, слова протсыя, — сложныя же и шеперь составышь можно.

нарѣчіяхъ и памяшникахъ матеріаловъ съ языкомъ Санскрипскимъ, кошорый былъ родоначалникомъ Славянскаго.“ Санскрипскаго языка въ Русскомъ царствѣ, кажешся, никшо еще не знаешь: какъ же можно намъ съ голоса говорить объ сходствѣ сихъ языковъ? Предоставимъ это знашкамъ заграничнымъ. Наконецъ Авшоръ требуешь „расположенія Грамматики по Философическимъ выводамъ Грамматики всеобщей.“ Смыю спросить его: какая Грамматика Европейскаго языка расположена по симъ Философическимъ выводамъ? Еще — усшроена ли шакъ Теорія Всеобщей Грамматики, чшобъ ее можно было во весь ея просшранствѣ прикладывать къ языкамъ (*)? Скажу болѣе: у Добровскаго въ Аналитическомъ его трудѣ шакіе сшм матеріалы даже и для Теоретической Грамматики, не только для общей Словенской Грамматики, какіе, увѣренъ, не придуть въ голову ни одному Философу-воздухоплавателю, не только Русскому, но даже и Нѣмецкому.

О нѣкошорыхъ частныхъ неправильностяхъ въ ш. сташѣ — говоримъ почишаю здѣсь за излишнее: при поверхностномъ моемъ понятіи о Словенскомъ языкѣ я замѣшилъ ихъ много; что же

(*) Авторъ сташы укажешъ вѣрно на Аста, но не знаю, довольны ли знашки его всеобщей Грамматикою, приложенною къ Греческому языку. — Что до меня, не знашка, — я оставилъ ее на десятой страницѣ, увидѣвъ, что Прокрустово ложе у Аста играетъ шакую же роль въ Грамматикѣ, какъ и въ Исторіи.

скажутъ знапки? Замѣчу только, что для чести Литшпературы Русской я искренно желаю бы, чтобъ о такихъ первостепенныхъ людяхъ, какъ Добровскій, въ познаніяхъ о Словенскомъ языкѣ, какъ Шлецеръ, въ Исторической Крипикѣ, говорили у насъ съ благоговѣніемъ, — судили строго, но основательно, осторожно. Пусть щиплютъ наши писатели и бумагомаратели другъ друга, если безъ того уже они, какъ и Европейская ихъ братія, обойтись не могутъ: это дѣло домашнее и охопниками до бранныхъ споровъ можешь рѣшаться *par le droit de represailles*, — но простишительное въ отношеніи къ ровнѣ становавшя уже преступленіемъ при другихъ условіяхъ.

М. П.

Русскія книги.

Жизнь Святаго Апостола Павла, составленная на основаніи достовернѣйшихъ свидѣтельствъ, съ присовокупленіемъ по мѣстамъ Археологическихъ и нравственныхъ замѣчаній. Изданіе второе. Москва. Въ Университетской Типографіи. 1828. Въ 8-ю д., 238 с. Съ каршою и поршрешомъ:

Наше Духовенство должно еще многими сочиненіями, кошорыхъ ожидающъ ошъ него любознательные соошечественники. Такъ напримѣръ, мы не имѣемъ еще полной Русской церковной Исторіи со всѣми принадлежащими къ ней частями: введеніе въ Россію Христіанской вѣры не представлено намъ въ ясномъ свѣтѣ: не описаны подробно всѣ наши расколы древніе и новые, не опредѣлена степень вліянія Духовенства на прочія сословія въ продолженіи всего нашего существованія, не показано его участіе въ общей нашей Исторіи, не показаны услуги, какія оно сдѣлало и какихъ не сдѣлало; мы не имѣемъ описанія нашихъ праздниковъ въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ; у насъ не переведены Свяшые Ошцы, учителя церкви и проповѣдники, не представленныхъ ученія и заслуги: словомъ, наша Богословская литерашура бѣднѣе прочихъ нашихъ бѣдныхъ литерашуръ. Тѣмъ большую благодарность заслуживаетъ Авторъ объявляемой книги за предпринятый имъ трудъ (*).

(*) Въ эшомъ отношеніи всякаго уваженія достойны также труды Издашелей Христіанскаго чтенія.

Павель, нѣкогда заклятый гонитель Христіанъ, пошомъ жарчайшій, ревностный проповѣдникъ Святаго ученія Христова въ первомъ вѣкѣ, естъ лице великое въ Исторіи человѣческаго рода. Только младенческимъ видамъ прежнихъ Историковъ, которые, ухвась за біографію Государей, ограничивали ими всю Исторію, приписать должно, что имя сего, Богомъ избраннаго учителя, раздавалось въ ея приговорахъ не такъ громко, какъ въ храмахъ Божіихъ. „Не ошибешся шомъ, говоришь Злашоустъ, кто назовешъ душу Павло-„ву моремъ и небомъ: небомъ по чистомъ, моремъ по глубинѣ.“

Авторъ собралъ всѣ извѣстія о жизни Св. Павла, разсѣянныя въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, въ собственныхъ его посланіяхъ и другихъ древнихъ сочиненіяхъ, присоединивъ къ онымъ свои объяснительныя примѣчанія, свидѣтельствующія объ обширныхъ его свѣдѣніяхъ въ церковной Литтературѣ. — Въ Историческомъ отношеніи Рецензентъ не находить ничего подлежащаго порицанію; можешъ быть только иные пожелали бы *живѣйшаго* описанія того времени, въ которое проповѣдывалъ Павель, и тѣхъ народовъ, къ коимъ относилась его проповѣдь; другіе благочестивые читатели можешъ быть пожелаютъ также найши въ сей книгѣ полнѣйшее систематическое изложеніе ученія Павлова, предложеннаго въ его посланіяхъ. Книга написана чи-

сильнымъ, крѣпкимъ слогомъ, кошорому не достаетъ только огня: такимъ предметомъ должно бы было возбудить энтузіазмъ; къ ней приложенъ идеальнѣйшій портретъ Апостола и карта его путешествій, очень хорошо гравированные. — Скромный Авторъ скрылъ свое имя.

Замѣтанія о Сибири, Сенапора Карнилова. Санкт-петербургъ. Печашано въ типографіи Карла Крайя. 1828. въ 8-ку, 104. с. Съ картою Западной Сибири и шеченія рѣки Оби.

Въ послѣднее время доставлено много матеріаловъ для описанія Сибири. Кромѣ оффиціальнѣхъ извѣстій о раздѣленіи ея, укажемъ на путешествія морскія и сухопутныя, въ коихъ описаны разныя части ея, — Гг. Крузенштерна, Лисянскаго, Головина, Рикорда, Тимковскаго, — на сочиненія Семивскаго, Маршоса, описаніе Г-на Спасскаго, къ сожалѣнію до сихъ поръ не окончанное, наконецъ на разныя статьи, помѣщавшіяся въ Журналахъ, напр. письма о Сибири въ Телеграфъ. Хорошо, если бы нашелся какой нибудь трудолюбивой и шолковой человекъ, собралъ ихъ вмѣстѣ, разобралъ критически, повѣрилъ на мѣстѣ и подарилъ наконецъ полнымъ описаніемъ этой Русской Америки. Мы говоримъ пока мѣстѣ о дѣлѣ, обыкновенномъ въ порядкѣ вещей; но Сибирь, представляя великія явленія очамъ

Минералога, Ботаника, Зоолога, Геолога, Полишика и Историка, досшойна имѣшь своего Гумбольдша!

Объявляемые замѣчанія относятся наиболѣе къ возможному улучшенію Сибири. Судить о предполагаемыхъ мѣрахъ принадлежить по большей части Правительству и людямъ, знающимъ мѣстное положеніе эшой части Россіи. Рецензентъ съ своей стороны укажеть шолько на нѣкошорыя. Авторъ полагаеть, что мѣры, донынѣ принятыя для умноженія народонаселенія въ Сибири, недостаточны „пшому что ошдашочные за рекушовъ поселенцы приходили шуда изъ ошдаленныхъ мѣстъ, въ лѣшахъ, по большей части близкихъ къ шарости, и пришомъ одинокіе, съ здоровьемъ и нравами испорченными, слѣдовательно совершенно неспособные къ образованію семействъ, къ продолженію потомства и умноженію народонаселенія.“ 2. Ссылаемые преступники „видяшъ въ пустынной Сибири не страну исправленія, но мѣсто зашоченія своего — гражданскую казнь, и въ шомленіи безнадежности проводяшъ дни свои; ибо, когда прибавишь къ лѣшамъ дряхлости, испорченнымъ нравамъ, изнуренному распушною жизнью и самою пересылкою здоровьемъ, къ холоспому безженшвенному жишю ихъ, еще и шо, что многіе изъ нихъ, будучи не изъ крешьянскаго состоянія, но изъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ или дво-

ровыхъ господскихъ людей, къ водворенію на положеніи поселянина или крестьянина вовсе не способны; но, сдѣлавъ спрогій выборъ, увидимъ, что весьма мало изъ нихъ выберется полезныхъ, или по крайней мѣрѣ надежныхъ поселянъ для опдаленнаго сего края. (Въ 1805 году, въ Кудинскомъ комиссарствѣ, изъ присланныхъ въ печеніи десятильшій на поселеніе, на лицѣ было 2700 чел., въ томъ числѣ основательно водворившихся было только 67 чел.) — Между шѣмъ рекрушскіе наборы, опнимая лучшихъ работниковъ, истощаютъ народонаселеніе. (Съ 77 бывшихъ шамъ наборовъ лишилась страна сія болѣе 37,000 чел.)“ — Авшоръ для сего полагаетъ за нужное учредить, согласно съ мнѣніемъ бывшаго Сибирскаго Губернашора Соймонова, по линіи пограничной, въ ширину верстѣ на сорокъ, земское охранное войско, которое бы защищало ее отъ нападеній сосѣдственныхъ народовъ и освободило бы отъ рекрушскихъ наборовъ, и доставило занятіе празднымъ людямъ, неспособнымъ къ земледѣльческой жизни. —

Для умноженія числа знающихъ и дѣльныхъ чиновниковъ, которые большею частію пріѣзжаютъ служить въ Сибири на время, Авшоръ полагаетъ средствомъ раздавать имъ пустошпорозжія земли. На с. 37 и проч. онъ говоритъ много о пользѣ, какую мы можемъ извлечь отъ приближенія поселеній нашихъ къ Сѣвернымъ берегамъ богашой рѣки Амура,

чрезъ торговлю съ Китаемъ, Японією и Америкою. Чтобы познать нашихъ читашелей съ словомъ Автора и Обью, заключимъ наши выписки описаніемъ эпои важной Сибирской рѣки:

„Я плавалъ по Средиземному морю и подходилъ къ вышамъ Сѣвернаго Океана; видѣлъ прелестныя страны Италіи и всего южнаго берега Европы; удивлялся унылымъ красотамъ Норвегіи, съ навислыми утесами, прошивоборствующими свирѣпой морской стихіи; — но нигдѣ не находилъ видовъ, подобныхъ берегамъ Оби. Они изумляютъ плавателя красотою неописанными, невыразимыми, и истинно достойны бытъ сняты смѣлою и искусною кистию знаменитѣйшихъ художниковъ.

Но, кромѣ прелестныхъ окрестностей, Обя имѣетъ предъ другими пространнѣйшими въ шеченіи своемъ рѣками еще большее преимущество: обтекающая всю западную Сибирь отъ Юга на Сѣверъ, она не вмѣщаетъ въ себя ни одного порога, вездѣ судоходна, вездѣ къ плаванію удобна, и при всякомъ мысѣ имѣетъ вовсе чуждое обыкновенному шеченію рѣкъ прошивостремленіе воды, облегчающее ходъ поднимающихся вверхъ судовъ и происходящее отъ сѣвернаго вѣтра, по большой часи здѣсь дующаго.

Сверхъ шаковыхъ для судоходства удобностей, богатства Оби чрезвычайны: изъ нихъ главнѣйшее состоить въ рыбѣ, идущей изъ сѣ-

верныхъ морей и обратно въ оныя, въ два періодическія времена года, при началѣ и при окончаніи льда. Объ своею рыбою не только пропишываешь жителей береговъ своихъ, но снабжаешь оною съ избыткомъ и чешыре ближнія губерніи; берега ея украшены огромными спроевыми лѣсами, которыя, при открытіи предполагаемаго водосообщенія Сибири съ Европейскими портами, могутъ снабжать мачповыми деревьями почти всю Европу. По берегамъ ея богатые промыслы: звѣриный, ишичій и кедровый, удостовѣряють, какъ щедро надѣлила природа всѣми дарами своими берега Оби и самую рѣку сію; и хотя точно не опредѣлено еще и не изслѣдовано, какія сокровища по царству ископаемыхъ вмѣщаются въ помѣ камнѣ, или хребтѣ Уральскихъ горъ, который отъ вершины Оби простирается огромною цѣпью; но должно полагать, что онѣ немаловажны.“

Порадуемся, что наши Сновники начинаютъ стараться о передачѣ своимъ соотечественникамъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имъ собираетъ случается. Пожелаемъ, чтобъ свѣдѣнія сія распространялись какъ можно болѣе, и чтобъ мы узнали наконецъ Россію шакъ, какъ знаемъ чужіе края.

Иностранныя книги.

Lebensansichten von Willemaire. (Мысли о жизни, Вильмера) въ двухъ часпяхъ. 1828,

(Изъ *Literaturblatt.* 1828, Апр.).

„Новое доказательство, что афористическая лишперашура, имѣющая иное за себя, иное прошивъ, береть въ Германіи верхъ надъ прочими. Мы долго были слишкомъ великими систематиками и теперь упадаемъ въ другую крайность: у насъ роеть роясья минущныя проблески ума, случайныя мысли, мѣлкія замѣчанія и опривисшыя правила. Мы согласны, что не одна Поэзія, но и наука имѣеть свой родъ эпиграммъ и арабесковъ, копорья можно излагать шолько въ этой афористической формѣ. Пусть сама наука обнимаетъ свой предметъ съ точностію и важностію, — ея занимательности ни мало не вредно, и даже очень позволительно, обнимать шощъ же предметъ въ особомъ духѣ, съ иронією, по часпямъ, въ мѣлочахъ, или переходя въ область Поэзіи представляя егo въ метафорахъ, аллегоріяхъ, параболахъ и аншипезахъ, явственнѣмъ и остроумнѣмъ образомъ, какъ-шо часто дѣлалъ Жанъ Поль Рихперъ. Но и кромѣ сего шакъ называемаго краснорѣчиваго изложенія, кромѣ явственности и остроумія, есть еще драгоценный родъ афоризмовъ, именно шѣ афоризмы, копорые проливають нѣсколько свѣдлыхъ лучей въ какую нибудь неизвѣ-

ешную область науки. Долго еще не изслѣдуется каждая глубина науки; особенно наука жизни, въ психологическомъ и общественномъ отношеніи, до сихъ поръ имѣешь нужду въ твердой системѣ. О психологическихъ и общественныхъ явленіяхъ ни одна еще связанная теорія не дала намъ удовлетворительнаго понятія. Особливыя афористическія замѣчанія, на кои каждого наводишь опытъ, здѣсь очень крѣпки, и мы укажемъ только на извѣстные афоризмы Лихтенберга, чтобы убѣдишь, какъ мало теоріи замѣняютъ намъ сіи практическіе опыты. На оборотъ, мы должны осудить того, кто положенія, кошорыя можно расположить въ систему, вырываетъ изъ связи и предлагаетъ афоризмами.

Вильмеръ часто подвергается сему осужденію. Особливо въ первой части своего сочиненія предложилъ онъ религіозныя и моральныя мысли, кои тѣмъ болѣе должно бы сложить въ цѣлое, что онѣ относятся къ положеніямъ давно извѣстнымъ и доказаннымъ въ теоріяхъ. — Мы говоримъ здѣсь только о формѣ; самое же содержаніе обнаруживаетъ вездѣ добросовѣстность и чистоту чувствованій, и весьма прилично юношеству, для кошораго назначена книга. Вторая часть разсуждаетъ о предметахъ свѣтскихъ и ошличается не только тонкими психологическими примѣчаніями, но и краснорѣчивымъ изложеніемъ оныхъ. Вошь нѣкошорыя :

„Сильный имѣеть меньше непріятелей, чѣмъ слабый.“

„Кто надѣется на себя, на того надѣются другіе.“

„Чѣмъ худшимъ становишься народъ, тѣмъ болѣе учтивѣють люди между собою.“

„Любовь расщепь, — доказательство ея переменчивости.“

„Никакимъ ошибкамъ мы не подвержены столько, какъ тѣмъ, кои намъ ясно представляются въ другихъ.“

„Мы часто бываемъ опровержены для того только, чтобы показать нашъ умъ.“

„Міръ есть большой театръ, въ которомъ первыя мѣста абонированы.“

„Нравящаяся особенно тѣмъ, что дають другимъ случай нравиться.“

„Никогда не бываемъ мы такъ услужливы, такъ гошовы дѣлашь другимъ пріятное, какъ въ нуждѣ.“

„Если ты хочешь увеличить чью нибудь дружбу къ себѣ, то накинь ему на шею врага.“

„Какъ ни много любяшь женщины сморѣшь, но желаніе ихъ нравиться — еще больше, и онѣ откажутся скорѣе отъ случая видѣть что нибудь, чѣмъ отъ случая себя показашь.“

По симъ образцамъ, говоришь Нѣм. Реценз., можно видѣть, какъ обильны и тонки замѣчанія Автора. — Что касается до насъ, мы не назовемъ ихъ слишкомъ тонкими. Согласны ли съ нами читатели?

Geschichte der Kreuzzüge von Michaud. Исторія крестовыхъ походовъ, Мишо. Переводъ на Нѣмецкій языкъ 1827.

„Исторія Мишо, говоришь Нѣм. рецензентъ, явившаяся черезъ пять лѣтъ послѣ Вилькена, шѣмъ примѣчательна, что написана независимо отъ последней и отличаетъя обдуманнѣми, справедливыми приговорами, великою тщательностію, хотя кришика и не вездѣ въ ней оштра. Особливое достоинство ея состоишь въ томъ, что въ ней религіозное состояніе Европы, предшествовавшее крестовымъ походамъ и послѣдовавшее за оными, описано не только вообще, но и съ особенными подробностями въ отношеніи къ Франціи. Такъ въ прибавленіяхъ къ первой части мы встрѣчаемъ Исторію большихъ странствій на богомолье въ обшированную землю, по 5, 6, 10 тысячъ человекъ и болѣе, до крестовыхъ походовъ. Исторія крестовыхъ походовъ изложена не только обстоятельно, но и живо, очевидно, въ чемъ мы должны подражать нашимъ сосѣдямъ, не перья впрочемъ изъ виду своихъ преимуществъ, точности, достоверности и глубокости. Авторъ говоришь часто словами современныхъ писателей, даже гдѣ они баснословны и невѣроятны. Сіе опреченіе отъ собщвенныхъ новаго времени мыслей, изъявленное имъ во введеніи и другихъ приличныхъ мѣстахъ, очень похвально. Изъ такихъ баснословныхъ извѣстій современныхъ писателей, бывшихъ очевидцами, узнаешь лучше нежели изъ голыхъ

разсужденія, какъ велики и могущесшвенны были вѣра и суевѣріе въ то время, по которымъ можно было представить себѣ несслыханное, другихъ убѣдишь въ немъ, предпринять и исполнить.“

Мы предлагаемъ сіе извѣстіе шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что на Рус. языкъ переведены также два тома сего сочиненія. Какъ жаль, что Г-нъ Бушовскій до сихъ поръ не оканчиваетъ своего полезнаго шруда.

Les favorites des rois de France, par Chateauneuf.
*Любовницы Королей Французскихъ, соз. Шато-
 нѣва. 1826. въ 2 часяхъ.*

Сія галлерей, отъ царшвованія Карла VII до Лудовика XV, состоить изъ шридцати одной сташы біографической. „Здѣсь видимъ любезную *Агнесу Сорель*, кошорая одною черпою ума пробуждаешъ упоенную душу Короля, среди веселій шерявшаго свое Королевство, и прекрасную *Фероньеръ*; шрогательную *Лавальеръ*, кошорая любила искренно Лудовика XIV для него самаго, и ханжу *Ментенонъ*, оставившую его на смершномъ одрѣ; *Дюшессу Шатору*, кошорая шолько желала чести своему царшшвенному другу, и имѣла душу, шполь же возвышенную, какъ и языкъ, и *Дюбарри*, кошорая алкала шолько денегъ, брала милліоны съ ошкупщиковъ и говорила, какъ драгунъ въ женскомъ плашьѣ.“ Сіе сочиненіе мо-

жешь служишь дополненіемъ къ Исторіи частной жизни Карла VII, Лудовика XI, Франциска I, Генриха II, Карла IX, Генриха III, Генриха IV, Лудовиковъ XIII, XIV, XV. Авторъ занимается часто изслѣдованіями любопытными и обнаруживаетъ ошибки многихъ Историковъ. Къ ней приложено много стиховъ, эпиграммъ, сатиръ и писемъ того времени.

(Изъ Rev. Епс.)

~~~~~

Т е а т р а л ь н ы я п ь е с ь и .

Отелло, Мавръ Венеціанскій. Трагедія Шакспира, передѣланная на Русскій языкъ.

Такова участь генія! Высокія его идеи навсегда остаются наслѣдіемъ потомства и спаваяшся неисчерпаемымъ источникомъ для художниковъ всякаго рода. Изъ Поэмъ Омира сколько произошло статуей, картинъ, храмовъ, поэмъ и трагедій! Такъ и драмы Шакспировы послужили запасомъ для многочисленныхъ произведеній разнаго рода. Предметы сихъ драмъ сдѣлались всемірными: всѣ народы образованные себѣ ихъ усвоили. Имена: Ромео, и Юлія, Отелло, Гамлешъ, Леаръ, Макбешъ, Ричардъ, преврашились въ имена нарицательныя. Какая причина такому вліянію Шакспира? Какою магическою силою проникнушы сіи имена, прославленныя его геніемъ? Сія причина заключается въ томъ, что лица, носящія сіи имена, суть про-

Ишошпы всего челоѡчества или образцы, по которымъ оно создано. Если бы древніе прочли Трагедіи Шакспировы, они вѣрно изобрѣли бы преданіе о новомъ Прометееѣ. Нѣшь, они съ изумленіемъ сказали бы, что Шакспиръ выше Прометеея. Послѣдній проникъ въ лабораторію планеты и похищилъ огонь изъ-подъ рукъ Зевсовыхъ; Шакспиръ проникъ въ лабораторію челоѡчества и похищилъ опшоль первосозданныя формы онаго. Трудно рѣшишь: на какую казнь сей высокой пашь осужденъ бы былъ строгими богами древности?

Не боги древности опшмили дерзновенному Шакспиру, а деспотическій классицизмъ, все заключающій, кромѣ своей власпи и своихъ правилъ. Онъ поругался надъ великимъ и прошошпы его упошребилъ на созданіе куколъ; свободаго гражданина романшизма заключилъ въ шѣсную темницу единштва времени и мѣспа; сковаль его оковами риемы и исполинскія силы генія испошциль строгую діешую своей мершвой теоріи. Такія испязанія шпоюшь Прометееевыхъ!

Большая часть нашей публики знакома съ Шакспиромъ по однимъ шолько *классическимъ* передѣлкамъ Дюсиса и Русскихъ его подражателей: Опелло и Леаръ, которые играюшся на нашемъ театрѣ, передѣланы съ Французскихъ подражаній. Рецензентъ намѣренъ въ этой спашь раскрышь содержаніе Трагедіи Опелло, какъ создана она Шакспиромъ, и размошрѣвши красоты

ея, показашь, въ какомъ видѣ перешли онѣ въ Русское подражаніе (*).

Дѣйствіе Трагедіи начинается въ Венеціи. Мавръ, увѣнчанный славою подвиговъ и чшимый всею Венеціею, похищаешь дочь Сенатора Брабанціо, Дездемону, въ которую влюбленъ молодой Венеціанской дворянинъ, Родриго. Ненавистникъ Опелло, злодѣй Яго, служащій у него знамененосцемъ, по видимому помогаетъ Родриго. Причина злобы Яго на Опелло двоякая: первая наружная та, что Опелло избралъ въ свои намѣстники Кассіо и шѣмъ обидѣлъ Яго; вторая скрытная, что ходятъ слухи, будто бы Опелло имѣешь связь съ его женою; хотя въ справедливости оныхъ Яго не увѣренъ, но злодѣю доспащно слуховъ и подозрѣній. Занавѣсъ открываешь шѣмъ, что Яго подстрекаешь Родриго ошравить удовольствія Мавра. Родриго поднимаетъ тревогу въ домъ Брабанціо, объявивъ опцу о побѣгъ дочери. Брабанціо выходитъ въ испусленіи, между шѣмъ какъ Яго скрывается. Раздраженный отецъ идетъ съ людьми и съ Родригомъ искать похищителя. Опелло совершилъ уже бракъ. Яго, притворяясь его другомъ, возвѣщаешь ему гнѣвъ Брабанціо. Сенатъ призываетъ героя для новыхъ дѣлъ. Брабанціо съ толпой людей хочешь задержать Опелло, обвиняя его въ шомъ, что онъ чарами прельстилъ дочь

(*) Русской подражателъ болѣе руководствовался Дюссесомъ, но прибавилъ много и своихъ нелѣпостей.

его. Отелло призываетъ его въ Сенатъ. Дождь и Сенаторы въ безпокойствѣ: острову Кипру угрожаютъ Турки, — и кто спасетъ его кроме Отелло? Брабанціо произноситъ свое обвиненіе въ присущствіи Сената. Отелло оправдывается просьбамъ, но сильнымъ разсказомъ о первоначальной любви своей, и призываетъ Дездемону подтвердить слова его. Брабанціо хитрыми ласками спарается склонить дочь на свою сторону. Дездемона отвѣчаетъ, что она обязана Отелло такою же покорностью, какою мать ея обязана была своему супругу. Отецъ отрывается отъ дочери, не слушаетъ увѣщаній Дожа и предлагаетъ ему заняться дѣлами Сената.

Сенатъ повелѣваетъ Отелло ѣхать въ Кипръ: онъ беретъ съ собою и Дездемону. Обиженный Брабанціо въ краткихъ, но сильныхъ словахъ предостерегаетъ Отелло: „Она, обманувши отца, и себя обманетъ.“ Всѣ уходятъ. Родриго въ отчаяніи хочетъ ушопиться. Яго хитрыми насмѣшками надъ его слабостію удерживаетъ малодушного; живыми красками представляетъ ему, какъ легко можешь охладѣть чувственная любовь молодыхъ супруговъ; совѣдуетъ ѣхать съ ними въ Кипръ и требуетъ денегъ. Злодѣй намѣренъ употребить Родриго средствомъ, а Кассію орудіемъ своихъ замысловъ.

Второе дѣйствіе открывается живою сценою у гавани острова Кипра. Жители ожидаютъ

прибытія Ошелло и бояшся, чшобы буря, сокрушившая флотъ Турецкій, не погубила ихъ спасителя: Первый выходитъ на берегъ Кассіо. Занимъ Дездемона, въ сопровожденіи Эмилии, жены Яго, которой встрѣилъ ее Ошелло, самаго Яго и Родриго. Съ восторгомъ жена встрѣшила наконецъ и супруга, который упоаешъ въ упоеніи счастья и хошълъ бы умерешъ въ сихъ восторгахъ. Ошелло объявилъ праздникъ всѣмъ жителямъ до 11 часовъ ночи. Яго ояшь ободряешъ слабого Родриго. Онъ ужъ увѣрилъ его, что любовь двухъ супруговъ не прочна; но показываешъ ему новаго соперника въ Кассіо, съ которымъ въ его присутствіи весьма привѣжливо обошлась Дездемона. Яго предлагаешъ ему бытъ нынѣ на стражѣ и постарашся какъ нибудь обидѣть Кассіо, котораго онъ виномъ пригошовитъ къ дракѣ. Умыселъ Яго состоишъ въ томъ, чшобы посредствомъ Кассіо произвести шревогу на островѣ и очернишъ его въ глазахъ жителей и Ошелло. Народъ пируешъ. Наступила ночь. Ошелло и Дездемона успокоились. Яго исполнилъ свой замыселъ и напоилъ Кассіо. Эша сцена ведена превосходно. Переходъ Кассіо изъ шрезваго состоянія въ пьяное достоинъ кисти Шакспира. Кассіо уходитъ, и черезъ нѣсколько минушъ слышенъ шумъ. Онъ бѣешъ Родриго; Моншано, житель острова, пировавшій съ ними, раздражаешъ Кассіо, упрекая его въ пьянствѣ. Они сражаюшся, Родриго бѣешъ шревогу.

Опелло выходить на шумъ. Яго, пришворяясь другомъ Кассіо, не хочешь обличать его, но вынужденный Моншаномъ и Опелломъ, рассказываешь дѣло. Кассіо лишень своего мѣста, раскаивается, но поздно. Яго утѣшаешь его и совѣтуешь ему просить прощенія черезъ Дедемону.

Дѣйствіе 3е. Кассіо вызываешь Эмилию, жену Яго, и просишь ее доставишь ему случай увидѣшь Дедемону. Онъ узнаешь, что она уже приняла въ немъ участіе. Желаніе его исполнено, и Дедемона даетъ ему вѣрное обѣщаніе не опсать онъ своего мужа прежде, нежели онъ не простишь его. Во время ихъ разговора входяшь Опелло и Яго. Слова послѣдняго: „А, это мнѣ не по сердцу!“ зароняють первую искру ревности. Тутъ же Яго раздуваешь ее своимъ сомнѣніемъ: онъ не вѣришь, чтообъ человекъ, ушедшій отъ Дедемоны, былъ Кассіо. Въ поже время Дедемона приступаетъ къ мужу съ неотступною просьбою за Кассіо, молишь Опелло простишь его шеперь, нынѣ вечеромъ, завпра въ полдень, завпра вечеромъ . . . даетъ ему сроку три дни. Привязанность ея къ Кассіо оправдана шѣмъ, что сей послѣдній былъ долго посредникомъ между ею и Опелломъ въ любви ихъ. Опелло холодно отказываетъ и просишь его оставишь. Онъ остається съ Яго. Злодѣй по немногу, съ искусствомъ удивительнымъ, раздуваетъ искру. Эшаго искусства разказать невозможно;

надо прочесть или видѣть самую сцену. Злодѣй предлагаешь Ошелло тѣ вопросы, которые самъ робкій судругъ предложитъ себѣ боишся: разспрашиваешь у него о знакомствѣ Кассіо съ Дездемоной, говоришь ему объ ужасахъ ревности, и когда Ошелло увѣряетъ его, что онъ не способенъ къ ней, что онъ долженъ видѣть прежде нежели усумниться, что усумнившись испытаешь дѣло, что у него одно рѣшеніе: прочь любовь или ревность, — Яго спановишся съ нимъ откровеннѣе, но не высказываешь ему своихъ сомнѣній, а какъ другъ, совѣтуешь ему самому смотрѣть за женою и за Кассіо, напоминаешь о вѣрности Венеціанокъ, о томъ какъ Дездемона обманула отца. Ошелло отсылаетъ Яго; злодѣй хочешь идти и въ послѣднихъ словахъ какъ будто стараешься дружески успокоить встревоженнаго супруга, но тѣмъ болѣе раздуваешь пламя ревности. Ошелло слабъ, легкокъ, живъ; онъ ужъ не можешь вынести той мысли, что другой вмѣстѣ съ нимъ дѣлитъ его сокровище. Дездемона зовешь его къ обѣду и примѣчаешь въ немъ разстройство; она жалуется на головную боль; она съ нѣжностію супруги хочешь плашкомъ своимъ завязать его голову, но онъ, взявъ плашокъ, бросаетъ его. Дездемона не замѣшила шаго. Эмилиа подняла плашокъ и обрадовалась находкѣ: Яго давно просилъ ее достать его, хотя она сама не знаетъ, съ какою цѣлію. Мужъ вырываетъ у жены плашокъ.

не говоря для чего онъ ему нуженъ. Злодѣй хочеть оставишь его въ покояхъ Кассіо. Къ вечеру ревность еще болѣе одолѣла Ошелло. Онъ желалъ бы не знашь о спыдѣ своемъ: шущъ припоминаешъ онъ свое прежнее счастье и вращается на вѣки съ миромъ душевнымъ, съ войною, съ лхимъ коземъ своимъ; первая мысль о невѣрности Дездемону все для него оправила. Онъ съ гнѣвомъ велишь Яго доказать испину его обвиненія и доказать на дѣлѣ. Коварный злодѣй, какъ бы вынужденный неосшудными просьбами Ошелло, рассказываетъ, какъ онъ однажды ночеваль у Кассіо и слышалъ, что онъ во снѣ обнималъ Дездемону и проклиналъ Мавра. Ошелло вспыхнулъ отъ гнѣва. Яго продолжаешъ свое дѣло и, какъ бы являясь ему его же хладнокровнымъ разсудкомъ, опяшь совѣшуешъ испышать на дѣлѣ. Онъ предлагаешъ ему спросишь у нея плашокъ, подаренный ей Ошелло и доставшійся въ руки Яго. Ошелло въ ярости на колѣняхъ клянешся небомъ, что ошмститъ. Яго также на колѣняхъ присягаешъ въ преданности къ Ошелло, который поручаешъ умершвишь Кассіо въ три дни и даешъ ему мѣсто намѣстника. Дездемона безпокоишся о потерянномъ плашкѣ. Увидѣвъ Ошелло, она снова обращается къ нему съ просьбою за Кассіо. Онъ просишь у нея плашка, именно того, который онъ самъ подарилъ ей. Онъ говоришь, что въ эшомъ плашкѣ сокрыша шайная волшебная сила; что одна Цыганка пода-

рила сей плашокъ его покойной матери, сказавши ей, что утративъ его, она утратитъ и любовь супруга. Береги же его, говоритъ Отелло. Дездемона боится признаться, что она его потеряла. Отелло наспояшело пребываетъ; она, невинно думая, что онъ умышленно спалъ говоришь о плашкѣ, желая уклониться отъ просьбы, еще сильнѣе начинаешь просить за Кассіо. Отелло въ гнѣвѣ уходитъ; Дездемона не понимаетъ причины его гнѣва. Кассіо еще разъ молишь ее просить за него, и между тѣмъ, вышедши въ спальнѣ плашокъ, отдаетъ его своей любовницѣ Біанкѣ съ тѣмъ, чтобы она ему вышила такой же.

Въ *четвертомъ* дѣйствіи ревность достигаетъ ужасной степени. Яго открываетъ Отелло, что Кассіо хвастается любовію Дездемоны. Бѣшеный Африканецъ въ припадкѣ ревности кашаетъ по полу: Яго хладнокровно смотритъ на свою жертву. Онъ обѣщаетъ ему на опытѣ показать хвастовство Кассіо. Сей приходитъ, Отелло тайно ихъ слушаетъ. Яго, упомянувъ сначала о Дездемонѣ, спрашиваетъ у него о Біанкѣ такъ, что Отелло этого не слышитъ. Кассіо смѣется надъ Біанкой, говоритъ съ презрѣніемъ о любви ея; Отелло всѣ слова его принимаетъ на счетъ жены своей. Приходитъ и Біанка съ плашкомъ и отдаетъ его назадъ Кассіо, подозревая, что онъ есть даръ какой нибудь соперницы. Отелло ви-

дуть платокъ; ревности его доходишь до крайней степени и онъ рѣшается погубить Дездемону, по совѣту Яго, на брачномъ ихъ ложѣ. Злодѣй общается и увѣдомишь его въ полночь о смерти Кассіо. Въ то же время прислано изъ Венеціи повелѣніе отъ Сенапа возвратиться Ошелло шуда и оставишь управление острова Кассіо. Дездемона радуется этому, можетъ быть пошому, что она скоро увидишь Венецію и отца; Ошелло въ бѣшенствѣ бѣеъ ее. Злоба на Кассіо въ немъ еще болѣе увеличиваеться. Онъ выпрашиваетъ Эмилию, пошомъ самую Дездемону; но цѣль сихъ опышай уже не та, чтобъ увѣришь въ ея невинности, — нѣшь, онъ уже слишкомъ увѣренъ въ прошивномъ и ничто не убѣдишь его. Онъ спрашиваетъ ее съ шѣмъ, чтобы исторгнушь признаніе, и не получивъ его, съ усмѣшкой просишь у нея прощенія въ своихъ подозрѣніяхъ. Эмилія и Дездемона сообщаютъ Яго свой страхъ; первая прокликаетъ того, кто внушилъ ему такую ревность; вторая просишь Яго обратишь Ошелло на путь истинный. Злодѣй объявляетъ Родриго, что Ошелло съ женою возвращаются въ Венецію и что нѣшь другаго средства остановишь ихъ, какъ убишь Кассіо. Легковѣрный юноша слушаешь изверга. Послѣ ужина Ошелло удаляется, велѣвъ Дездемонѣ готовишья ко сну. Ей приходишь на умъ грустная пѣсня одной дѣвушки, покинушой любовникомъ. Пошомъ, невинная, она спрашиваетъ

Эмилию; ужели есть жены, которыя шакъ грубо обманываютъ мужей своихъ? Она удивляется; получивъ ошвѣсть ушвердительный, и спрашиваетъ Эмилию: уже ли она рѣшилась бы на такой же поступокъ? Малодушная Эмилиа признается ей, что она за бездѣлицу не согласилась бы на это; но за цѣлый мiръ, за то чшобъ видѣть супруга своего обладателемъ вселенной, рѣшилась бы измѣнить ему. Дездемона не воображала прежде, чшобъ могли существовать шакія женщины, и какъ удивляется она, нашедши шакую въ Эмили!

Дѣйствіе пятое. Родриго попалъ ночью на Кассіо въ то время, какъ онъ возвращался ошъ Біанки. Они сразились; Яго ранилъ въ пошмакъ Кассіо и убѣжалъ. Оба соперники падаютъ ошъ ранъ. Сбѣгаются народъ; приходишь самый Яго, и услышавши ошъ Кассіо, что неизвѣстный убійца его лежишь близъ него, какъ будшо въ ошмщеніе за друга убиваетъ Родриго и пошомъ самъ, будучи виновникомъ всего, подозрѣваетъ Біанку въ заговорѣ противъ Кассіо, который провелъ вечеръ у нея. Эмилиа, прибѣжавшая на крикъ, спѣшитъ извѣститъ объ этомъ происшествіи Ошелло. Ревнивецъ приходишь въ спальню къ спящей женѣ; онъ цѣлуешь ее и любитъ ея прелестями. Она пробудилась; онъ велитъ ей примириться съ небомъ, и еще разъ хочешь вынудить ея признаніе. Онъ объявляетъ, что Кассіо во всемъ сознался и убишь. Чувствительная женщина опла-

живаешь невиннаго, но просишь пощадишь ее хотя до завтра, хотя для совершения молишвы. Уже поздно, Отелло убилъ ее, Дедемоны нѣшъ. Эмилія стучишь въ двери; Отелло долго не рѣшается впустишь ее, все хочешь убѣдишь себя въ справедливости казни; но попомъ вспомнивъ, что былъ слышенъ шумъ на улицѣ, что вѣроятно Эмилія приходишь возвѣстишь ему о смерти Кассіо, онъ, закрывъ занавѣсъ, опворяешь двери. Эмилія доносишь ему о случившемся, узнаешь о смерти Дедемоны, о виновникѣ оной, о коварствахъ своего мужа. Приходяшь родшвенники убишой, прѣхавшіе изъ Венеци съ извѣстіемъ о смерти Брабанціо, и съ ними Яго; Эмилія въ испу- пленной скорби объ ушрашъ Дедемоны, обличаетъ мужа, и злобный Яго, убивъ жену, убѣгаетъ. Его преслѣдуюшь. Отелло, кошорый долго не вѣрилъ и все еще старался убѣдисься въ истинѣ своего дѣла, наконецъ въ опчаяніи хочешь убить себя, ищешь меча и находишь. Приводяшь Яго; Отелло, увидѣвъ его, наносишь ему рану и радуешь, что не совсѣмъ убилъ его; шребуешь признанія отъ Яго, но Яго обрекаетъ себя на молчаніе; шерзаемый угрызениями, Мавръ просишь окружающихъ, чтобы назвали его по крайней мѣрѣ *гостнымъ убійцею*; молишь прощенія у Кассіо, молишь всѣхъ не очернять его дѣйствиый — и, убивъ себя, умираешь на прахъ Дедемоны.

Не лзя было короче разказашь содержанія Ошелло. Чашашеля извиняшъ насъ, если вижднунъ въ то, какъ шрудно бываешъ разплески хитрую, искусную шканъ произшесшвія, созданную Поэшоу-сердцевѣдцемъ.

Теперь взглянемъ на то, какимъ образомъ Русской подражашель, при помощи Дюсиса, въ своей передѣлкѣ исказилъ характеры и произшесшвія. Разсматривая у Шакспира одно лицо Ошелла, мы удивляемся во первыхъ въсокой идеѣ характера, во вторыхъ шой искусной пошпешенности, съ кошороу Поэшъ развиваешъ страсть ужасную, превращившуюся изъ искры въ пожаръ губительный.

Изъ какихъ бурныхъ стихій созданъ сей шпомецъ Юга! Огненный какъ его знойное солнце; могучій, благородный, но и раздражительный какъ левъ Африканскій; опкрытый какъ степь широкая; зыбкій какъ пески ея, взвѣваемые легкимъ вѣшромъ; скорый и бурный какъ вихрь степной; невинный, дѣвственнй и грубый какъ дикая природа, къ кошорой не касались руки человѣческія, — онъ опражашь въ себѣ нравственну всѣ чершы своей родины, всѣ свойства чувственной Африканской природы. Изъ этихъ стихій развилося въ немъ и то рѣшительное мужество, кошорымъ онъ спасъ Венецію, и то опкрытое благородштво, кошорое всѣмъ внушаешъ любовь и сожалѣніе къ Мавру, и ша безыскусшвенная

простоша, незнакомая гражданскимъ обществамъ, кошорая приобрѣла ему вѣрную Дездемону и вовлекла его въ сѣни коварнаго Яго. Наконецъ изъ шѣхъ же спихій родилась въ немъ и чувстввенная любовь, пылающая огнемъ знойнаго, неушолимаго владоспращія, любовь, чуждая слабонервнымъ Европейцамъ, которые любяшь чисто, духовно, плашонически и наслажденіями нравстввенными высоко замѣняють чувстввенныя. Только съ сеюшо любовью Африканца и Азіашца совмѣстна ша свирѣпая ревность, шощь брюзгливый эгоизмъ любви, кошорый все исключаетъ, не шерпишь соцерника въ своихъ наслажденіяхъ, не можешь снести мысли, что пьюшь изъ одного съ нимъ сосуда. Эша ревность была бы *анакронизмомъ* (*) въ идеальной Европѣ: любовь духовная не шакаъ гзыскашельна; она любить въ предметъ своемъ не индивидуальность, а что-шо высшее, болѣе общее. Она живешь въ однихъ безконечныхъ наслажденіяхъ, а чувстввами срываетъ развѣ одинъ поцѣлуй невинный. Къ ней близка дружба, всегда чуждая ревности. Въ доказательство эшой мысли укажемъ на Сен-Пре, любовника Юліи.

Ревность ешь нравстввенный ядь, кошорый рождается шолько въ шѣхъ спранахъ, гдѣ сильнѣе кипяшь чувстввенныя спрасши. Природа, вез-

---

(*) Какъ жалъ, что ученые не введуть слова, кошорое выражало бы шо же самое понятіе въ отношеніи къ мѣсту: не льзя ли употребляшь *анатоллизмъ* отъ греч. *τοπος*, мѣсто?

дѣ сама себя вѣрная, всегда стремится къ равновѣсію: она, одаря животноныхъ силами необычайными, всегда оставляешь въ нихъ одну слабую часть, доступную поврежденію; она же, даровавъ исполинскія силы пипомцу Юга, влила въ его сердце и губительный ядъ ревности.

Вошь здѣсь-то удивляешься Шакспиру, какъ великому мыслителю, какъ глубокому испышашелю природы! Не знаешь: въ высокой ли душѣ своей, или въ наукѣ почерпнулъ онъ сіе знаніе?

Огромный исполинъ, шолько въ самомъ себѣ, и именно въ зародышѣ силъ своихъ носящій роковую каплю яда, кошорая одна шолько могла преждевременно погубишь его; Ахиллъ, ни чѣмъ не присшупный жалу смерти, кромѣ пяши не закаленной въ водахъ Сшикса; удавъ, кошораго никто не побѣждаешь, кромѣ его собственнаго пресыщенія: вошь основная идея, олицетворенная въ гигантскомъ характерѣ Ошелло.

Какъ искусно шеперь развиша спррасть, возникшая изъ свойствъ самаго характера, и подъ вліаніемъ несчастныхъ обстоятельствъ созрѣвшая. Судьба дала Мавру въ Дездемонѣ вѣрную супругу, кошорая съ невинностью соединяла какое-то легкое добродушіе, свойственное женщинѣ. Какими круглыми, ясными и граціозными чершами обрисованъ ея милый характеръ! Не подозрѣвая даже, чшобы женщина могла измѣнишь мужу, чшобы мужъ могъ ревновать жену свою, она просишь

за Кассію съ того же дѣшскою, докучливою про-
ешошою, съ какою любишь Ошелло. Она пала
жержвою своего просносердечія, копорымъ не-
винно способствовала къ обману мужа. Судьба
же послала ему ложнаго друга въ коварномъ Яго-
Эпо самъ демонъ зла въ видѣ человѣка; это зло-
дѣй-художникъ, доведшій до совершенства мас-
перснво свое. Онъ Европейскимъ умомъ движешь
Африканскія спрасши. Какъ хипро, искусно, даль-
новидно направляешь онъ свои замыслы! И въ ка-
комъ видѣ явился онъ передъ Ошелло? — Въ видѣ
его собственнаго разсудка въ минушу бѣшеной
спрасши. Если злодѣй и погибъ, то нечаянно:
судьба, дошолъ благопріятствовавшая извергу,
какъ будшо ужаснулась его злодѣйствъ — и по-
слала ему неожиданную мстишельницу въ его сла-
бой Эмилии. Трудно вообразишь злодѣя ужаснѣ:
соперникомъ ему можешь бышь одинъ Ричардъ III,
Шакспиромъ же созданный, — Ричардъ, хошѣвшій
создашь себѣ престоль изъ шруповъ державныхъ
и на нихъ возсѣсть правителемъ.

Скажущъ: сущесствують ли шакіе злодѣи въ
природѣ? Возможносшь оныхъ врядъ ли кто ни-
будъ доказаль лучше Шакспира. Замѣшимъ здѣсь
мимоходомъ, что міръ Шакспировъ возвышается
надъ обыкновеннымъ; что онъ въ увеличительныхъ
зеркалахъ показываешь намъ мѣлкое человѣчество,
или, говоря языкомъ машемапическимъ, людей
обыкновенныхъ возводишь въ высшія степени.

Разсмотрите же внимательнѣе эту послѣднюю; съ кошорой возрастаетъ искра ревности, при содѣйствіи коварнаго Яго и невинной Дездемоны. Первая капля осправы дана хитрыми вопросами, неясными намѣтками, сомнѣніями; само раздражительное воображеніе Мавра дополнило ошальное въ мнущу уединенія; но эта капля, заронившись глубоко въ сердце, не вдругъ произвела пожаръ. Къ вечеру ревность въ собственномъ Маврѣ сдѣлалась ужаснѣе, и всѣ прежнія мечсы уже были ослѣвлены: *одна можетъ быть*, одна несовершенная увѣренность въ любви Дездемоны уже разрушила поупоеніе счастья, въ кошоромъ еще недавно хохѣлъ умереть супругъ блаженный. Тутъ же вечеромъ рассказываетъ Яго вымышленный сонъ Кассіо — и какъ взволновалась огненная кровь Отелло, какъ вспыхнула на языкѣ его Африканская жажда крови! Но искусный Яго, пришворясь собственнымъ разсудкомъ бѣшенаго Отелло, велитъ ему испытать на дѣлѣ. Увѣрившись, что плашка нѣтъ у жены, разгнѣванный ея докучливыми просьбами за Кассіо, онъ слышитъ о хвасповствѣ послѣдняго, и попомъ убѣждается его собственнымъ мнимымъ признаніемъ. Онъ, слѣпо и совершенно увѣренный въ истинѣ дѣла, хохетъ испоргнуть раскаяніе жены, хохетъ испытать еще въ послѣдній разъ хитрость измѣнницы. Наконецъ свершающія слова его: прочь любовь или ревность. Онъ убійца жены; жажда крови упо-

лена; все кончено. Разсудок озарилъ бездну страши — и онъ, совершивши дѣло, хочешь попомъ еще убѣдишь себя въ его справедливости; послѣ убійства прислушаешь къ тому, что до него должно бы было совершить ему; долго не вѣришь злодѣйствамъ Яго, — но попомъ убѣждаешь. На что же рѣшился опчаянный, чувственный Мавръ, почитающій смерть высочайшимъ зломъ въ мѣрѣ послѣ жены невѣрной? Онъ думаешь, что однимъ самоубійствомъ можешь достойно наказашь себя, какъ недостойнаго раба своей страши; что имъ однимъ только можешь достойно сорвашь еще поцѣлуй съ невинныхъ устъ Дездемоны и обняшь прахъ ея. — Такъ Шакспиръ умѣлъ одну основную идею провести сквозь всѣ дѣйствія своего героя и нигдѣ не измѣнишь ей. Равнымъ образомъ оправданы у него дѣйствія и второстепенныхъ лицъ сей Трагедіи. Входить въ подробный разборъ оныхъ было бы продолжительно. Перейдемъ къ нашему подражателю и посмотримъ, какъ понималъ онъ Шакспира.

По видимому, онъ, какъ Французъ, ни мало не подозрѣвая въ Шакспирѣ глубокаго знанія людей, видѣлъ въ немъ чудовище, имѣющее нѣкоторыя прекрасныя части. И такъ онъ смозрѣлъ на него, какъ на средство, годное для *составленія* классическихъ Трагедій; не видя въ немъ цѣлаго, а просто уroda, онъ въ эшомъ невинномъ убѣжденіи самъ безчеловѣчно его уродовалъ; оп-

вергая все то, что было ему не по нраву, онъ, согласуясь съ потребностями своей публики, своей ложной теоріи, своего театра, вынималъ хорошія частіи и склеивалъ ихъ вмѣстѣ, не наблюдая никакой послѣдовательности; характеры человѣческіе превращалъ въ крикливыя спрасхи; по примѣру своихъ предшественниковъ, почитая дѣйствіе въ Трагедіи однимъ средствомъ, онъ превращалъ его въ театральную декламацію; выдумывалъ новыя, несообразныя интриги — и, разумѣется, часто впадалъ въ противорѣчія.

Оправдаемъ доказательствомъ наши замѣчанія о разбираемой нами Трагедіи. —

Ему надлежало погубить Отелло непремѣнно въ 24 часа и потому не мудро, что онъ прибѣгнулъ къ насильственнымъ средствамъ. Отелло его похожъ болѣе на изспуганнаго крикуна, нежели на бѣшенаго ревнивца. Онъ еще не супругъ Эдельмоны, а любовникъ, получившій отъ нея клятву въ вѣрности. Въ первомъ дѣйствіи онъ совершенно счастливъ и послѣ непріятной встрѣчи съ Брабанціо, послѣ громовыхъ словъ его проклятія, поспѣе же говоритъ весьма не кспати о своемъ упоеніи, о блаженствѣ, въ копоромъ онъ уже минушу желалъ бы умереть. Эпѣ слова есть и у Шакспира; но ихъ произноситъ Отелло на островѣ Кипрѣ, когда прошло уже много времени по свиданіи съ опцомъ, когда побѣждены опасности пущи, когда избѣжалъ онъ угрожавшей ему бури и слова

нашелъ объяшя своей вѣрной Дездемоны. Хотя это еще не касается характера, но явно доказываетъ, что подражалъ не понималъ красоть и въ частяхъ Шакспира.

Во второмъ дѣйствіи, услышавъ ложный доносъ коварнаго друга, а дошолъ быть совершенно увѣренъ въ невинности жены, Отелло внезапно приходишь въ ярость, прощаешь со всѣмъ какъ ошчаянный (*) и бѣсишь, Богъ знаетъ ошъ чего. Если онъ принялъ ужъ подозрѣніе и если онъ припомъ шакого свойства ошъ природы, что для него прочъ любовь или ревность, — по какимъ образомъ рѣшается онъ, не уничтоживъ подозрѣнія, вести ее къ брачному алтарю? Что ему въ женѣ измѣнницъ? — Онъ въ бракъ видишь средство узнать вѣроломство любовницы? — какая нелѣпость! Спрашь дѣйствуешь безумно, но никогда себѣ не противорѣчишь. Припомъ же подозрѣніе шало бышь въ немъ было сильно, когда онъ въ похищеніи Эдельмоны видишь ея же умысль. Въ второмъ явленіи четвершаго дѣйствія онъ два раза попеременно увѣряешь въ любви ея и впадаетъ въ ревность; даже увидѣвъ Эдельмону, просишь у нея прощенья и совершенно раскаывается. Всѣ эти частые переходы ошъ любви къ ревности ничѣмъ не оправданы и совершенно произвольны. Вотъ, по нашему

(*) Это взято шаже у Шакспира и перенесено изъ вторичной бесѣды Отелло съ Ягомъ-объ измѣнѣ въ первый разговоръ. У Дюсиса эшаго нѣшь, но неумѣстная свадьба — его грѣхъ.

мнѣнію , въ чемъ заключаешся главная причина того , почему такъ шрудно бываетъ лучшимъ артистамъ поддержать сію ролю. Эсихъ рѣзкихъ неоправданныхъ переходовъ , изъ которыхъ составлена вся роля Отелло , нѣтъ у Шакспира; у него спросишь расшеть и расшеть постепенно : хитрый Яго непрестанно раздуваетъ искру. Другая причина та , что Отелло весьма часто разсуждаешъ не у мѣста , не къспати обращаешся къ себѣ. Всѣ спроси выражающя у него пустою крикливою декламацией ; ссылаемя въ особенности на 6-ое явленіе 4 го дѣйствія и на монологъ заключительный. Все эшо ненатурально и пошому часто обличаетъ въ немъ подь маскою Африканца просшаго Актера.

Сии прошиворѣчія и несообразности еще болѣе обнаружатся , когда мы обратимъ вниманіе на прочія дѣйствующія лица и на искаженіе интриги. Вѣрная , добродушная , простосердечная Дездемона превращена въ слезливую , легкомысленную Эдельмону. Ея насшоятельная просьба за Кассіо , ея шерпѣніе при видѣ раздраженнаго мужа , ея послѣдній разговоръ съ Эмилией , — всѣ эщѣ чершы , такъ ясно обнаруживающія ея характеръ , пропущены. вмѣсто эшаго она безпрестанно плачешъ , и поступаетъ весьма безрасшудно , отдавши Кассіо повязку и согласіе на бракъ съ нимъ , подписанное ея рукою , и не сказавши о шомъ ни слова мужу. Не лучше ли бы было же-

нѣ прямо обратишься къ сему послѣднему? — кажешся, нѣтъ у нея ближе друга и защитника. При томъ же она даетъ бумагу передъ самымъ шествіемъ къ алтарю. Въ ней она видитъ средство убѣдишь Дожа; но самъ Дожъ согласился на бракъ Ошелло и Эдельмоны, самъ защищалъ ихъ отъ отца, и пошому можешь ли быть увѣренъ въ счастіи племянника? (*) Къ довершенію нещепости, Брабанціо наказанъ за свою жестокость: за какую же? за поступки съ своею дочерью? — Мы другой не знаемъ. Но Сенашъ и Дожъ, увѣренные, что Ошелло женатъ на Эдельмонѣ, сами не пошупняшъ ли жестоко, разведши супруговъ, если подложная бумага будетъ имѣть силу? Мы уже не говоримъ о томъ, какимъ образомъ Брабанціо, только что вышедъ отъ Эдельмоны, вдругъ осужденъ и едва не лишается главы. Спранно, какъ Французы, единственно для очарованія опредѣляющіе своимъ Трагедіямъ сушки времени, такъ противорѣчатъ самимъ себѣ и разочаровываютъ насъ на каждомъ шагу неестественностью происшествій.

Кассіо, въ поступкѣ своемъ съ Эдельмоной и въ кашаспрофѣ вдругъ являюща челоуѣкомъ благороднымъ, а прежде тошъ же Кассіо рѣшающа дѣйствовашъ по умыслу злодѣя и подлеца Пезарра. Какое противорѣчіе! Самый злодѣй какъ невольновидень! Съ какимъ добродушіемъ рассказывашъ

(*) У Дюссиса всѣ имена переменены. Кассіо (его названъ) не племянникъ, а сынъ Дожа.

онъ всѣ свои намѣренія въшреному Кассіо! (*) И чѣмъ онъ могъ привязать себя къ Отелло и особенно къ Эдельмонъ. Въ этомъ мы вѣримъ Трагиду на слово. И какъ злодѣй переродился изъ этого Яго, кошорый такъ хладнокровно смощрълъ на судороги бѣшеной своей жертвы и такъ твердо молчалъ, когда открылись его злодѣйства. Какъ изуродованы всѣ лица! Слабодушный, но благородный Кассіо Шакспировъ, и безумный повѣса, Родриго, слышны въ одно лицо. Эмидія, легкая, чувстввенная, любопытная, въшренная женщина, съ копорой мы примиряемся, когда она, не пощадивъ жизни, такъ достойно принесла себя въ жертву невинной Дездемонѣ, Эмидія превращена въ бездушную наперсницу, говорящую однѣ общія мѣсца; Біанки, прекрасно оштѣняющей Дездемону и Эмилию, вовсе не находимъ (**). Въ Бранціо мы видимъ просто крикуна пустаго: Дюсисъ не понялъ превосходной черты отца. У Шакспира, когда Дездемона приходитъ въ Сенать, хитрый отецъ подбивается съ ласкою къ дочери, надѣясь шѣмъ выманить у ней обвиненіе Отелло; у Дюсиса онъ безъ толку кричитъ на дочь свою.

Наконецъ простой, сильный языкъ человѣческой, измѣняющійся вмѣстѣ съ разнообразными движеніями чувствъ, живое драматическое дѣйствіе, игра спрасей, все это превращено въ громкую, (*) Эстаго нѣтъ у Дюсиса, но и его Пезарро не похожъ на злодѣя.

(**) Кажется, въ этихъ трехъ лицахъ женскихъ Шакспиръ представилъ три степени женщины.

пусую; ораторскую декламацію. Всѣ лица ходящъ на однѣхъ и тѣхъ же ходуляхъ, всѣ говорятъ однимъ языкомъ: эшо не люди, а куклы. Ничего нѣтъ легче какъ склеить такую Трагедію изъ данныхъ лицъ: бѣшеннаго ревнивца, плаксы жены, безпадежнаго любовника, ложнаго друга, крикуна ошца. Главная трудность будетъ состоять не въ изобрѣшеніи характеровъ и дѣйствій, но въ соблюденіи 24 хъ часовъ времени и въ хорошихъ стихахъ для выраженія страстей.

Мы говорили о прошиворѣчійхъ и несообразностяхъ передѣланной Трагедіи, собственно принадлежащихъ подражателямъ Шакспира, и умалчиваемъ ошомъ, какими безчисленными красочами его они не воспользовались, пошому что не понимали ихъ.

Показывайте намъ въ Трагедіи жизнь и человека, а не куколь, говорящихъ по произволу авшора. Спранно, даже нелѣпо сморѣшь на высокое драматическое искусство, какъ на средство писать хорошіе стихи. Дюсись, искажая Шакспира, кажешся, не иначе сморѣшь на Трагедію.

Слабонервные наши классики, можешь бышь, не вынесуть злодѣя Яго, судорогъ Ошпелла, побой Дездемоны и шолько убійшвъ; даже будутъ смѣяться надъ незнаіемъ свѣшскихъ приличій въ Шакспирѣ, надъ шумомъ Плумпомъ, о которомъ мы не упоминали; но оставимъ ихъ въ покоѣ: они не могушь сойти съ своего мѣша; ихъ не лзя перенести изъ ихъ 18 го столѣтія ни въ какое

другое ; они и шѣмъ уже наказаны за свою слабость нервическую , что не могутъ наслаждаться красошами Шакспира.

С. Шев. . . .

С М Ъ С Ъ .

Разныя извѣстія.

Извѣстіе о въ огромной Китайской Энциклопедіи, называемой Ку Кин Ту Шю. Сіе собраніе Китайскихъ книгъ древнихъ и новыхъ начашо было по повелѣнію Императора Канги около 1680 г. Нарочно были ошлісны для сего листѣры мѣдныя. Все собраніе , которое довершено было не прежде какъ въ половину прошедшаго столѣтія , содержишь 10,000 ошдѣленій , которыя всѣ приводишь къ 32 главнымъ ошдѣламъ. Вошь ихъ заглавія : 1) Астрономія , 2) Календарь , 3) Хронологія , 4) гаданіе , 5) Земля , 6) раздѣленія военныхъ силъ и пр. , 7) горы и рѣки , 8) границы и Географія иноземная , 9) Императоръ , 10) Дворецъ , 11) Чиновники правленія , 12) наставленія домашнія , 13) занятія человѣческія , 16) Женщины , 17) Магическія искусства , 18) Духи и чудеса , 19) живыя существа , 20) растенія и деревья , 21) книги и словесность , 22) шолковашели , 23) Краснорѣчіе , 24) ученіе листѣрь , 25) производшва въ чины , 26) вѣсы и мѣры , 27) жизненные припасы и шовары , 28) обряды и обычаи , 29) Музыка , 30) военное ис-

куство, 31) законы и наказанія, 32) общественныя сочиненія.

Всего въ этомъ собраніи 6,109 помовъ.

Замокъ новаго изобрѣтенія. Англичанинъ Шюбъ усовершенствовалъ замокъ особеннаго устройства (Detectar lock), который соединяетъ въ себѣ четыре качества, необходимыя для хорошаго замка: вѣрность (security), простоту, крѣпость и прочность. Увѣришься въ шрехъ первыхъ качествахъ довольно легко; но чтобы не оставишь подъ сомнѣніемъ, имѣешь ли сей замокъ послѣднее изъ сихъ качествъ, т. е. прочность, которая обнаруживаея только продолжительнымъ употребленіемъ сего замка, — остроумный изобрѣтатель придѣлалъ сей замокъ къ паровой машинѣ, которая во время своего дѣйствія отперла и заперла оный 460,000 разъ; по окончаніи сего опыта наши замокъ нимало не поврежденнымъ. Если отпираешь его каждый день по десяти разъ, то потребно 128 лѣтъ, чтобы отпереть оный 460,000 разъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ вѣдѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Іюня 28 го дня 1828 года.

*Въ должности Предсѣдателя Цензоръ
Сергей Аксаковъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Ч А С Т Ъ Д Е В Я Т А Я .

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

	Стран.
Ф. Глипки : Обѣтъ Іефеая	231
А. Пушкина: Новая сцена между Мефистофелемъ и Фаустомъ	3
Р. . . . . Тоска души	117
С. Шевырева : Русская разбойничья пѣсня	119
Отрывокъ изъ Валленштейнова лагеря	341
Тоска	8

П Р О З А .

Конрадъ Валленродъ	13, 124
Осада и взятіе Константинополя (изъ Гаммера)	36, 143, 237, 312

Н А У К И .

Взглядъ на Исторію Дипломатіи	49
О Романъ и драматической Поэзіи у Испанцевъ	154, 287
Объ Исторіи, Книге	330

К Р И Т И К А .

Русскія книги.

Описаніе Тибеша	167
Караванъ-записки, Е. Кайдалова	64
Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода Н. Н. Муравьева	295
Жизнь Св. Апостола Павла	405
Замѣчанія о Сибири, Сенатора Карнилова	407
Наполеонъ, стихотвореніе М. Амшрива	56
Евгени Вельской	179
Сборы на Невскій Проспектъ	180
Опытъ Русской Анеѳологіи	181
Ухаль другъ	187
Андрей Переяславскій; повѣсть въ стихахъ	298
Енеида, Комическая Поэма, Н. Невѣдомскаго	304

II

Театральныя піэсы. Стран.

Благородный Театръ, комедія М. Н. Загоскина 73
 Отелло, Венеціанскій Мавръ, Трагедія Шакспира 417

Замѣчанія на спашью, помѣщенную въ Сѣв.
 Архивѣ 70
 — на разборъ благороднаго Театра 187

Замѣчаніе о Словенскомъ языкѣ . . . . .

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Спашистика Сенскаго Департаментна 87
 Исторія Литтературы, соч. Вахлера 98
 Коранъ и Оштоманы, соч. Мюллера 99
 Красный Корсаръ, романъ Купера 101
 Постепенное воспитаніе, соч. Г-жи Неккеръ 104
 Жизнь Христофора Коломба, соч. Ирвинга
 Вашингтона . . . . . 190 и 309
 Извѣстіе о желѣзной маскѣ, соч. Делора . . 320
 Исторія крестовыхъ походовъ, Мишо 412
 Взглядъ на жизнь, соч. Вильмера 415
 Любовницы Королей Французскихъ, Шатонёва 416

С М Ъ С Ъ.

О двухъ концертахъ Г-на Генишшы 105
 Парижскія новости 109
 Московск. Литтературныя новости 111
 Объ экзаментѣ въ Екашерининскомъ Институтѣ 114
 Извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Воспорянина
 Сфера 203
 Литтературныя новости 220
 Нѣсколько словъ отъ Автора Валленрода . . 226
 Разныя извѣстія 229
 Письмо Гёте 326
 Нѣчто объ игрѣ Г-на Щепкина 333
 Письмо къ Издателю объ Аншологіи и Вель-
 скомъ 338

О драматическомъ прибавленіи къ Московско-
 му Вѣстнику 340

Отъ Издателя 116, 340

Китайская Энциклопедія 425

Новый замокъ 426

